

45-летию ЧелГУ посвящается

ЛИЦА ЧелГУ

Том 1

Челябинск
Издательство
Челябинского
государственного
университета
2021

УДК 378
ББК 4448
Л659

Редакционный совет:

А. Е. Гусенкова, А. В. Сафонов, В. Н. Севастьянов

Над книгой работали:

А. В. Сафонов, В. С. Котова, Н. А. Горюнова, А. И. Кузовенкова,
В. Н. Гриднева, А. В. Куренкова, Е. А. Третьякова, М. А. Рогожина,
Д. М. Кульбекова, А. П. Огурцова, П. Ю. Захарова, Е. Н. Богаткина,
А. М. Степанцева, В. Н. Махиня

Лица ЧелГУ. Т. 1 / под ред. А. Е. Гусенковой. Челябинск : Изд-во
Л659 Челяб. гос. ун-та, 2021. 161 с.
ISBN 978-5-7271-1749-1 (т. 1)
ISBN 978-5-7271-1752-1

Челябинский государственный университет многолик. Каждый год сюда приходит несколько тысяч студентов, столько же ежегодно покидает его стены. Однако сердце вуза — преподаватели — остаются верны ЧелГУ, образованию и науке. Данное издание открывает цикл книг-интервью с ними: представителями самых разных научных направлений и взглядов, практиками и теоретиками — теми, кто внёс большой вклад в развитие первого университета на Южном Урале.

Для широкого круга читателей.

УДК 378.4(471.55)
ББК 4448.47(2Рос-4Чел)

В книге использованы фотографии из архива ЧелГУ

ISBN 978-5-7271-1749-1 (т. 1)
ISBN 978-5-7271-1752-1

© Челябинский государственный университет, 2021

Дорогие читатели!

Хочу познакомить вас с удивительными людьми — преподавателями Челябинского государственного университета. Это те, кто составляет его основу, фундамент. Подарившие много лет науке, образованию, людям, они делают гораздо больше, чем может позволить трудовой стаж: учат, вдохновляют, наставляют, передают опыт, подают пример. Другими словами, формируют вокруг себя питательную среду, где развиваются лучшие качества человека: любознательность и стремление к научному поиску, великодушие и эмпатия, целеустремлённость и ответственность. Есть среди них и мои учителя.

С этого тома начинается серия книг, где можно будет услышать голоса наших уважаемых сотрудников. Работа над следующим уже началась, а значит, нас ждёт ещё больше впечатлений, воспоминаний, интересных историй и редких кадров. Благодарю наших героев за их труд и мудрость, а читателям желаю приятных минут в такой замечательной компании!

Ректор

A blue ink signature of Sergey Tskayev.

Сергей Таскаев

А

лександр Васильевич, как вы стали радиобиологом?

— Ещё в школе был уверен, что стану учёным, буду заниматься биологией, стараясь понять сущность «живого». Поступил в Челябинский медицинский институт, затем окончил клиническую ординатуру по терапии у профессора Любови Григорьевны Фоминой. После окончания возник вопрос: куда идти работать — выбор большой. Тогда совершенно не представлял, что такое радиобиология. Все мы слышали: радиация — это опасно. Знали также, что она применяется в медицине. На этом мои познания исчерпались. Но в науку был только один путь — через филиал № 4 Московского института биофизики (сегодня — Уральский научно-практический центр радиационной медицины ФМБА России). Тогда это был закрытый институт, все научные исследования выполнялись под грифом «Секретно». За всеми научными сотрудниками осуществлялся контроль. Работа была очень специфической.

— Как удалось адаптироваться к относительно новой для себя сфере?

— Много читал. Проблематика исследований института меня заинтересовала, стали ясны перспективы радиобиологии и радиационной медицины. Подготовил самостоятельно кандидатскую диссертацию. Уникальность моей ситуации заключалась в том, что у меня не было научного руководителя, а для защиты он необходим. Поехал в Институт биофизики в Москву, где познакомился с выдающимся отечественным учёным Ангелиной Константиновной Гуськовой. Она стала одним из моих учителей. Для начинающего исследова-

А. В. Аклеев: Наука – вне границ. Её успехи – достижения всего человечества

Подготовила
Евгения Третьякова

Заведующий кафедрой радиационной биологии ЧелГУ Александр Васильевич Аклеев — о том, как в непростые времена поддерживать отношения с иностранными партнёрами и почему выпускников-радиобиологов ценят в России и за рубежом.

теля и потенциального учёного чрезвычайно важно попасть в хорошую научную школу. В 1980-е годы радиобиологическая школа Института биофизики была одной из лучших не только в нашей стране, но и в мире. Одним словом, мне крупно повезло!

— **Кафедра радиационной биологии Челябинского государственного университета была основана в том же году, что и сам биологический факультет. Как вы попали на должность заведующего?**

— Кафедра радиобиологии ЧелГУ — единственная в России, в других университетах таких нет. Исторически понятно, почему она, да и сам Уральский центр радиационной медицины, появились именно в нашем регионе. Здесь произошли серьёзные радиационные аварии, находится много предприятий атомной отрасли, персонал которых работает с источниками радиации. Очень хорошо помню, как создавался биофак. Однажды ко мне в центр приехала Александра Леонидовна Бурмистрова — декан открывающегося факультета. Её предложение было простым: в ЧелГУ появится кафедра микробиологии, но не может же биологический факультет состоять только из одного подразделения! А вот на базе двух кафедр разовьётся полноценный биофак. Эти слова звучали убедительно, и я согласился. К этому времени уже понимал: в Челябинске необходимо создавать кафедру радиобиологии, но сомневался — в родном мединституте или в ЧелГУ? Сомнения отпали после встречи с ректором Валентином Дмитриевичем Батухтиным. Он оказался очень заинтересован в том, чтобы биологический факультет появился в Челябинском государственном университете. И я его хорошо понимал, потому что классический университет без биофака существовать не может.

— **Что изменилось в вашей работе после назначения?**

— Поскольку первое время биологический факультет базировался исключительно в нашем Центре, где в экспериментальном отделе были выделены помещения для кафедр, принципиальных изменений я не почувствовал. Мне понравилась работать со студентами.

— **Для вас это было неожиданным?**

— Да! Сначала не мог понять то воодушевление, эмоциональный подъём, новую энергетику, которые появились. А потом понял: я ведь врач по образованию. Когда врач заходит в палату, где лежат его больные, и задаёт первый вопрос: «На что жалуетесь?», больной, конечно, всё расскажет, но оптимизма в его словах не так много. А когда работаешь с молодыми, жизнерадостными студентами, то встречаешь совершенно другую энергетику и невольно заряжаешься ею. Работа стала более разнообразной, интересной. У меня появилась возможность делиться со студентами своими знаниями.

— **Педагогический состав кафедры задействован в проектах Центра и наоборот?**

— Часть преподавателей, постоянно работающих на кафедре — основной её костяк, — совмещают работу в Центре в качестве научных сотрудников. Другая часть на постоянной основе работает в Центре и совмещает свою деятельность с преподаванием.

— **Чем лично вас привлекает преподавание?**

— Когда готовишься к занятию, постоянно думаешь над тем, что ты, казалось бы, хорошо знаешь. И, как ни странно, приходят новые мысли, новые идеи. Иногда они рождаются благодаря вопросам студентов и воплощаются в последующих научных публикациях. Неожиданные вопросы от студентов постоянно напоминают о том, что современное понимание какой-либо проблемы — не догма. Завтра представление о предмете исследования изменится. Общение со студентами мотивирует постоянно читать научную литературу. Хотя лично у меня мотивации достаточно. Мне, как официально представителю нашей страны в Научном комитете по действию атомной радиации ООН, надо достойно представлять Российскую Федерацию. В качестве эксперта Всемирной Организации Здравоохранения обеспечиваю консультации по вопросам радиационной безопасности. Наш опыт очень пригодился после аварии на АЭС Фукусима-1. Очень важно систематически работать с литературой, включая зарубежную, молодым

Александр Васильевич Аклеев, доктор медицинских наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Директор ФГБУН «Уральский научно-практический центр радиационной медицины» ФМБА России с 1990 года. Официальный представитель Российской Федерации в Научном комитете по действию атомной радиации ООН (НКДАР ООН). Член Российской научной комиссии по радиологической защите (РНКРЗ). Награжден орденом Дружбы и орденом Почёта, нагрудным знаком «Золотой крест ФМБА России», медалью имени А. И. Бурназяна, медалью имени И. В. Курчатова, медалью имени П. В. Рамзаева и др. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (2017 г.). Является одним из авторов Федерального закона «О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» и четырёх Федеральных целевых программ «Социальная и радиационная реабилитация населения и территорий Уральского региона, пострадавших вследствие деятельности ПО «Маяк». Возглавляет Челябинский региональный межведомственный экспертный совет по установлению причинной связи заболеваний, инвалидности и смерти граждан, подвергшихся воздействию радиационного фактора.

сотрудникам. Радиобиология, ядерная и радиационная медицина в настоящее время очень быстро развиваются — появляется много новой информации, и нужно владеть ею, чтобы твоя работа была осмысленной и эффективной.

— **Вы упомянули международные организации. В чём именно заключается взаимодействие**

кафедры с иностранными партнёрами? Какие проекты наиболее перспективны?

— У нас было много международных проектов, особенно с европейцами. Но, к сожалению, все они сейчас закрыты. Финансирование науки в последние годы сокращается во всём мире, и работать становится всё сложнее. Кроме того, в отношении нашей страны применяются санкции, что сильно ударило по сотрудничеству с европейскими партнёрами. Сейчас у российских учёных практически нет механизмов взаимодействия с зарубежными коллегами. Это очень плохо, потому что наука — вне границ, она не может быть национальной. Научные достижения — всегда достижения человечества. Пандемия COVID-19 напоминает нам об этом. Только тесная кооперация, обмен информацией, опытом учёных и медиков всех стран позволяют справиться с этим вызовом. Сейчас мы поддерживаем сотрудничество лишь с несколькими институтами США, совместно изучаем влияние малых доз радиации на здоровье человека. Эта работа проводится в рамках межправительственного Соглашения, которое будет действовать ещё три года. Надеемся, оно не будет приостановлено.

— **Есть возможность отправлять студентов на обучение по обмену или на стажировку в другие страны?**

— Некоторых студентов мы направляем с докладами, которые были подготовлены на основе их участия в научных исследованиях нашего Центра, на крупные конференции Health Physics Society (США). Выступление с докладом, а также участие в семинарах выдающихся учёных, которые проводит Общество медицинских физиков в США ежегодно, является отличной школой. Это не совсем обычная конференция: в ней задействовано до 5 000 специалистов, преимущественно из США, по различным направлениям радиационных дисциплин. Конечно, не все желающие могут туда попасть, но все имеют такую возможность. Кроме того, мы часто приглашаем ведущих отечественных и зарубежных учёных с лекциями для студентов ЧелГУ. Неформальная встреча с учёными мирового уровня, о которых наши студенты ранее могли только прочитать или

познакомиться с их статьями, дорогого стоит. При встрече исчезает мнимый барьер между начинающим исследователем и знаменитым учёным.

— **Студенты участвуют в серьёзных клинических испытаниях, тестированиях?**

— Для студентов предусмотрена летняя практика, но сейчас возможностей участия в радиобиологических экспериментах стало меньше. Хотя для будущего биолога важной составляющей обучения является именно эксперимент. Поэтому ребята активно участвуют в научных исследованиях, которые мы проводим в Центре. Сложности организации такой работы связаны не только с серьёзными финансовыми затратами, но и с необходимостью обеспечивать безопасность студентов. Центр вкладывает большие средства в поддержание необходимого для исследований материальной базы.

— **Что она собой представляет?**

— Есть возможность работать в лаборатории. Требования к содержанию экспериментальных животных очень жёсткие, что обосновано необходимостью получения надёжных данных. Животные содержатся в «чистых» комнатах, что исключает вероятность инфекций и влияния нерадикационных факторов. Студенты используют экспериментальных животных для проведения относительно самостоятельных работ. Объектом исследования являются облучённые животные.

— **Почему работы называете «относительно самостоятельными»?**

— Речь идёт об облучении. В этом процессе студенты не задействованы — работу выполняют специалисты, имеющие определённую квалификацию и допуск.

— **Многие ли студенты участвуют в грантовых проектах?**

— С этого года ориентируем студентов на активное участие в подготовке грантовых заявок, поскольку глава региона Алексей Леонидович Текслер, наладив сотрудничество с РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований), предоставил нам такую возможность. Студенты, магистры, преподаватели кафедры должны подавать заявки на гранты, поскольку это реальный источник финансирования научных исследований. Конечно, на эти средства не удастся приобрести оборудование, но есть шанс купить реактивы, подготовить публикацию в престижном журнале.

— **Взаимодействует ли кафедра с другими факультетами вуза?**

— Есть потенциал сотрудничества с факультетами фундаментальной медицины, экологии, физическим, математическим. К примеру, нам очень нужен хороший биостатистик, так как в современной радиобиологии накопилось большое количество данных, в которых мы просто тонем и которые нужно грамотно анализировать. При этом информации становится всё больше.

— **Выпускники помогают развивать кафедру и Центр?**

— Безусловно! Многие из них определяют лицо этих организа-

ций. Например, Евгения Андреевна Блинова заведует в Центре лабораторией молекулярной и клеточной радиобиологии. Она возглавляет новое направление, где на основе анализа индивидуальных молекулярно-генетических особенностей мы разрабатываем подходы к оценке индивидуальной радиочувствительности. Евгения Андреевна — кандидат наук. У неё в лаборатории работают ещё три выпускника нашей кафедры, готовят кандидатские диссертации. Один из них, Владислав Сергеевич Никифоров, закончил в прошлом году аспирантуру и вскоре должен защитить диссертацию. Выпускники кафедры работают также в экспериментальном отделе, биофизической лаборатории и лаборатории радиационной генетики. На кафедре успешно трудятся доцентами Елена Иго-

ревна Пастухова, Елена Владимировна Стяжкина, Юлия Рафисовна Ахмадуллина. Они совмещают педагогическую и научно-исследовательскую деятельность. Наталья Игоревна Атаманюк в составе группы исследователей в прошлом году завершила проект по созданию химеры человек—мышь, которая необходима для проведения будущих радиобиологических исследований.

— То есть?

— В организм мышей подселяют стволовые клетки человека. Создаются условия, при которых мышь воспроизводит кровотоление, как человек. Химера даёт возможность при проведении радиобиологических экспериментов на мышах оценить реакцию гемопоэза человека на облучение. Химера может помочь нам в раз-

работке новых методов лечения острого лучевого синдрома.

— Звучит завораживающе.

— То, что наши выпускники и сотрудники востребованы в России и за рубежом, говорит о кафедре как об успешном проекте. Мы выпускаем биологов по двум специальностям — радиационная биология и генетика. Потребность в этих специалистах растёт с каждым годом. Очень хорошие отзывы получаю от моих коллег из других НИИ — о специалистах, которые были нашими выпускниками. Радует высокий уровень студенческих исследований. Нередко их авторы, развивая эти исследования, защищают кандидатские диссертации. Практически все аспиранты кафедры успешно защитили свои диссертации в МГУ имени М. В. Ломоносова. Уверен, у кафедры большое научное будущее!

Выпуск математиков, 1981 год

Выпуск 1983 года во главе с деканом экономического факультета Р. В. Салыевым. На фото: Д. Г. Пазий, А. К. Прудников, Л. А. Кузнецова, В. Н. Белкин, О. Г. Танашева и др.

Вы учились на инженера-металлурга, а вся ваша дальнейшая профессиональная деятельность связана со сферой экономики. Почему выбор пал на металлургию?

— Я окончил университет 51 год назад. В то время в Челябинске не было факультетов экономики. Завод имени Калинина в Нязепетровске, где я проработал два года после окончания вечерней школы, дал направление на металлургический факультет на специальность «Литейное производство чёрных и цветных металлов». То есть выбора у меня практически не было.

— Как получилось, что вы стали экономистом?

— Ещё со школы занимался общественной работой. Был председателем совета дружины, председателем дружины в лагере «Артек». Когда поступил на металлургический факультет, занялся комсомольской деятельностью. В 1967 году стал секретарём бюро ВЛКСМ металлургического факультета, а с 1967 по 1970 был заместителем секретаря комитета комсомола ЧПИ.

И когда окончил учёбу, меня ждали на заводе в Нязепетровске, потому что было целевое направление. Но секретарь парткома отстоял меня, предложили остаться в институте. Было две альтернативы: либо остаться в аспирантуре на кафедре литейного производства, либо уйти на кафедру политэкономии. У меня всегда была тяга не к инженерным направлениям, а к гуманитарным. Я выбрал политэкономия.

— Было трудно менять специализацию?

— Было трудно: я же не имел базового экономического образования, и мне пришлось заниматься

В. И. Бархатов: Бизнес изменил свою суть

Подготовила
Наталья Горюнова

За 15 лет Виктор Иванович Бархатов смог создать крупнейшее подразделение в ЧелГУ. Выпускники института экономики отраслей, бизнеса и администрирования занимают высокие должности в системе госуправления, образования и частном секторе.

самостоятельно. Очень много читал. Например, Карла Маркса вдоль и поперёк изучил. Тогда некоторые книги выдавали только специалистам, особенно работы зарубежных экономистов — Адама Смита, Милтона Фридмана и т. д. Чтобы получить книгу, надо подписать бумагу у проректора, и только потом библиотекарь выдавал экземпляр. Моё отличие от современных студентов: я пытался сформировать собственное экономическое мышление.

— Как вы поняли, что именно вам необходимо прочитать?

— Многие вещи я не понимал. Кафедра давала направление. Я обязательно изучал периодику — тогда выходило много экономических журналов, — и классику политэкономии. Наряду с экономическими книгами читал философию. У меня было много конспектов, я выписывал самые важные мысли. Провёл колоссальную работу. И были собственные предпочтения по изучению определённых проблем. Они до сих пор меня занимают: это тема собственности и проблема противоречий и неравенства. Вся та база, которую я получил, помогла решать и практические задачи во времена приватизации. Благодаря этому мне удалось создать институт экономики.

— Вы также учились в институте имени Плеханова. Как туда попали?

— Я проработал на кафедре ЧПИ три года, и в 1973 году с лекциями к нам приехал известный учёный и общественный деятель Леонид Иванович Абалкин. Знакомство с ним укрепило выбор в пользу политэкономии. В 1974 году я уехал в Москву и поступил в аспирантуру в Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Я писал кандидатскую под руководством Л. И. Абалкина. Но потом он вынужден был уйти из института. Позже моим научным руководителем стал завкафедрой политэкономии ЧПИ Александр Кондратьевич Орлов. Я всё-таки благодаря своему упорству и его поддержке защитил кандидатскую в Институте народного хозяйства. Вернулся на кафедру политэкономии ЧПИ, потом получил звание доцента. И в 1985 году мне предложили обязанности заведующего

кафедрой. Я стал самым молодым заведующим за историю института. А так как стал заведующим, значит, и докторскую надо было писать.

— Какую тему выбрали для докторской?

— Реформирование госсобственности. Это были 90-е, произошла смена власти, общественного строя, настоящая революция во всех сферах. И у меня было противоречие: монография написана про социализм, а докторскую пришлось писать сугубо рыночную. Время тогда было сложное. В тот год защитили всего пять диссертаций. Но мою работу утвердили быстро — всего за шесть месяцев. Я получил звание профессора и с научной позиции достиг всего, что нужно. Стал доктором, не имея базового экономического образования. Думаю, подобных прецедентов не так много.

— До момента, как вы возглавили Институт экономики ЧелГУ, вы долгое время работали в ЮУрГУ. Что вам дали те годы?

— В ЧПИ–ЮУрГУ я проучился и проработал 40 лет — с 1964 по 2005 год. С 1999 по 2005 год был деканом факультета экономики и управления. В плане преподавания я прошёл там всё становление: от студента до декана факультета. Создал там успешную экономическую систему, разрабатывал внебюджетное направление. У меня начала формироваться команда единомышленников, которая впоследствии вместе со мной организовала институт экономики ЧелГУ. Кроме того, мы создали мощную материальную базу, закупили компьютеры, обновили аудитории, создали богатую библиотеку. Купили своим преподавателям 18 квартир.

— Почему вы ушли из ЮУрГУ, проработав там столько лет?

— В 2005 году подходил к концу срок ректора Германа Платоновича Вяткина. И я был одним из кандидатов на пост ректора. Наша команда не смогла одержать победу, а после выборов я столкнулся с давлением со стороны руководства. Пришлось написать заявление об увольнении. Тогда в ЧелГУ вместе с моей командой преподавателей и других сотрудников ушли и 700 студентов. Сначала нас хотели разделить

по кафедрам, а я настоял на том, чтобы создать новый институт. Ректор Андрей Юрьевич Шатин и проректор по учебной работе Алексей Юрьевич Шумаков смогли, несмотря на кризис, найти средства, чтобы нас поддержать.

— Почему решено было открыть институт экономики отраслей?

— Это наша особенность. Потому что мы рассматриваем экономику не как нечто целое, а по отраслям, и подготовка у нас соответствующая. У нас открылись программы по экономике энергетики, экономике нефти и газа и пр. Надо отдать должное ректору — он нам помог. Едва ли в той ситуации мы что-то смогли сделать, если бы ректор был против. Модель института мы взяли, опираясь на наш опыт работы в ЮУрГУ: это множество востребованных направлений подготовки, а также развитие в территориях. И сегодня мы работаем на 12 территориях страны. У нас существуют представительства в разных районах области, опорная кафедра в Уфе, инновационно-технологические центры в Сочи, Крыму и Кургане. Сегодня Челябинский государственный университет — вуз межрегионального значения.

— Много критики есть в адрес экономических факультетов о том, что рынок перенасыщен экономистами. Как считаете, это обоснованно?

— Дело в том, что сама экономика в силу своего объективного развития настоятельно требует большего количества экономистов. Экономике нужен выбор. Если мы инженеров готовим штучно, чтобы предприятия сразу получали специалиста, то экономистов и менеджеров мы готовим, чтобы на рынке труда выигрывали лучшие и двигали дело вперёд. И главное, инженеры создают продукт, который потом надо продвигать. Его надо оценить, посчитать риски. В любом случае, когда мы проводим день открытых дверей, то смотрим, востребованы ли экономисты. И убеждаемся, что востребованы: предприятия предлагают выпускникам большие зарплаты — это и 50, и 100, и 120 тысяч. Если человек способный и целеустремлённый, он всегда найдёт хорошее место. И потом, усложняется сама система

экономики — появляются новые разделы. Например, есть проблема управления активами. У нас нет таких специалистов. А это одна из главных проблем на сегодня — как управлять активами. А финансы? На крупных предприятиях должны быть специалисты-брокеры, которые могут грамотно работать с акциями и облигациями. И примеров таких профессий очень много.

Кроме того, есть малый и средний бизнес, который также надо обеспечивать кадрами. Если в экономике ничего не смыслишь — ты ничего не создашь. Так как надо затраты посчитать, прогноз сделать, управленческие решения принять. А как ты это сделаешь, если не знаешь, что такое себестоимость и процентная ставка?

— При создании программ обучения проводятся ли консультации с предпринимателями, банкирами, например, чтобы понять, чему учить студентов?

— Да, безусловно, такая работа ведётся, но наша система образования в стране так построена, что в своей массе ни банкиры, ни предприниматели никак не вкладываются в обучение студентов.

Виктор Иванович Бархатов — директор и один из основателей института экономики отраслей, бизнеса и администрирования ЧелГУ, доктор экономических наук, профессор. Почётный житель Нязепетровска. Награждён медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени и рядом других правительственных наград. Разработал и внедрил экономическую модель самофинансирования затрат на образование за счёт внебюджетных источников. Под редакцией В. И. Бархатова издан учебник «Экономическая теория». Открыл представительства университета в Нязепетровске, Верхнем Уфалее, Трёхгорном, Копейске, Орске, Шадринске и Аргаяшском районе. По его инициативе заработали три инновационно-технологических центра в Кургане, Сочи и Симферополе.

Говорят — надо, но никто этого не делает. У меня есть идея, но её реализация упирается в ресурсы. Хочу создать симулятор — модель работающей экономической системы. Чтобы выпускник знал, что должен делать, если идёт на какую-то конкретную должность. Это совокупность различных субъектов экономики: предприятие со всей структурой, коммерческие банки, таможня, страховые компании, сопутствующие компании. В такой системе студенты будут принимать управленческие решения, формировать команду, запускать бизнес-процессы и получать результат. Условно, человек, сидя в кресле гендиректора, будет осознавать, какие компетенции ему понадобятся в реальной работе и чем он будет заниматься.

В рамках этого направления мы построили коворкинг бизнес-инкубатора в первом корпусе ЧелГУ. Это будет одной из частей симулятора. Ещё у нас есть «Учебный таможенный пост» — уникальная лаборатория, оснащённая оборудованием для таможенного контроля. Студенты получают там реальные навыки оформления таможенной декларации.

— Расскажите подробнее о бизнес-инкубаторе ЧелГУ. Студенты учатся там создавать свой бизнес?

— Современная система образования требует, чтобы у студента-выпускника был свой стартап. А чтобы студента подготовить к стартапу, необходимо его научить чему-то. Основная цель

бизнес-инкубатора — привить навыки предпринимательства, чтобы человек знал, какие задачи есть у владельца бизнеса, какие технологии ему доступны и как организовывать бизнес.

Мы занимаемся этим со студентами. Но их бизнес ограничен идеями «буду шить платья», «займусь волонтерством», «буду собак выгуливать». Сегодня бизнес должен быть развитым с точки зрения новых технологий.

Это уже не просто «купи-продай». Особенность современного предпринимательства заключается в том, что оно может идти из головы. Бизнес изменил свою суть, стал креативным и абстрактным. Раньше это были простые виды деятельности — торговля, общепит. Хотя и там тоже есть свои нюансы. Но это не является сегодня основой экономики, не там самые большие деньги. Сейчас дело в технологиях.

И мы над этим бьемся. Есть желание привлечь физиков, математиков в эту сферу. Чтобы продукт создавали не только экономисты и менеджеры, а велась совместная работа. У нас должна быть группа, которая занимается разработкой технологических стартапов.

— Вы отметили, что время изменилось и суть предпринимательства тоже. А студенты за это время изменились?

— С точки зрения информационного окружения — да. Особенно если сравнить, в каких условиях учился я и в каких — современный студент. С позиции же восприятия и подхода к делу студент не меняется. Всегда есть те, кто стремится добиться чего-то большего. Это зависит от воспитания, окружения. В любой системе есть 20 человек, которые всегда будут всё тянуть на себе, — известный принцип Парето.

— Наверняка и цели у студентов сегодня изменились — многие стремятся зарабатывать большие деньги?

— Студент сегодня стремится не за большими деньгами. У него желание попасть в проект, у которого есть перспективы. Поэтому у нас и существует бизнес-инкубатор. Чем он отличается от реального мира? Можно и в действующую компанию человека на практику отправить. Но его не подпустят там ни к станку, ни к финансам. Он цветы там будет поливать. А бизнес

позволяет сделать студента основным носителем идей и действий, навык выработать. Это как с песочницей: ребёнка в песочницу пускают, он начинает куличики лепить и уже понимает принцип рычага, знает о сыпучести и т. д. Мы ему физику не преподавали, а он уже половину всего освоил. Инкубатор и обеспечивает появление реальных навыков.

— Какой вклад вносит институт в развитие страны?

— Главное — мы готовим кадры для тех территорий, где работаем. Есть муниципалитеты, где специалисты полностью нами подготовлены: Нязепетровск, Катав-Ивановск, Орск, Курган. Особенность нашего института в том, что наша команда специализируется на депрессивных территориях. Мы решаем кадровую проблему районов, готовим элиту экономики и управления на территориях. За 15 лет выпустили больше 15 тысяч специалистов. Например, практически ни одно предприятие и учреждение в Шадринске не обходится без выпускников института.

— Кто из ваших учеников добился особенных успехов?

— У нас немало достойных выпускников. Например, бывший губернатор Курганской области Алексей Кокорин — наш ученик, кандидат

экономических наук. Многие вице-губернаторы Челябинской области были нашими студентами: Егор Ковальчук, Сергей Шаль, Владимир Павленков. Училась у меня Елена Мурзина, которая ранее возглавляла минэкономразвития области и работала в администрации Челябинска вице-мэром по экономике. Наши выпускники встречаются в администрации президента, трудятся деканами ведущих московских вузов, топ-менеджерами крупных предприятий и банков. Это и есть результат нашей работы.

— Какое место университет занимает в вашей жизни?

— Вся моя жизнь связана с ЧелГУ. Поэтому я к университету отношусь с пиететом. У меня была возможность оценить вуз со стороны, как аудитор, а потом и прийти сюда работать. Университет дал развиваться, и это самое главное. На прошлом месте у меня института не получалось, а здесь — получилось. И получилось хорошо. Наш институт сегодня — самое крупное подразделение ЧелГУ. Мы финансово самостоятельны, независимы от государственного финансирования, постоянно развиваемся и являемся примером развития для других подразделений вуза. Пользуясь случаем, хочу поздравить университет с юбилеем и пожелать ему креативного и прогрессивного развития на долгие годы!

Занятия, 1980-е годы

Кандидат филологических наук, доцент В. Ф. Житников.
Сформировал в ЧелГУ научное направление по сравнительному
изучению диалектной лексики и антропонимики

Е

вгений Анато́льевич, у каждого со-
стоявшегося учёно-
го свой путь в науку.
Каковы были ваши

первые шаги и почему выбрали
физику?

— Увлечение школьников различными предметами — это в первую очередь заслуга школьных учителей. Интерес к физике появился в девятом классе. До этого меня больше привлекала математика. Дело в том, что в третьем классе у нас проверяли математические способности. Нашему классу дали известную задачу Гаусса (найти сумму чисел от 1 до 100), которую я быстро решил. После этого учитель Мария Александровна Минеева давала мне различную литературу по предмету, я успешно участвовал в олимпиадах, и математика мне нравилась. Однако в девятом классе перешёл в другую школу. Здесь была очень хорошая учительница по физике Галина Николаевна Васенина. А на уроках математики педагог больше рассказывала про личную жизнь, поэтому мне стала нравиться физика. Занимался в заочной физико-математической школе, и поступление в вуз именно на физический факультет — шаг вполне логичный. В университете моим научным руководителем был Василий Александрович Тюменцев. В значительной степени благодаря ему выбрал карьеру в первую очередь учёного-исследователя. Преподавателем меня заставило стать то, что в начале 90-х годов научные исследования практически перестали финансироваться и работа на кафедре, проведение занятий со студентами являлись единственным способом продолжить заниматься физикой как наукой.

— Что вам больше всего запом-
нилось из того периода, когда вы

Е. А. Беленков: Единственная форма мотивации российского учёного — его интерес к науке как таковой

Подготовил
Андрей Сафонов

Классический университет ориентирован на подготовку научно-исследовательских кадров высшей квалификации. На этом заостряет внимание профессор кафедры физики конденсированного состояния ЧелГУ Евгений Анато́льевич Беленков. Говорим с ним о традициях обучения студентов, возможностях пробудить интерес молодых людей к науке и о том, что препятствует погружению в исследовательскую работу.

Евгений Анатольевич Беленков — доктор физико-математических наук, профессор. Учёный секретарь докторского диссертационного совета по теоретической физике и физике конденсированного состояния. Председатель учебно-методической комиссии физического факультета. Член учёного совета физического факультета. Автор и соавтор более 300 научных работ, в том числе двух монографий. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Научный руководитель 10 успешно защищённых кандидатских диссертаций по физике конденсированного состояния.

только начинали работать в ЧелГУ? Как менялся вуз в процессе своего развития? Какие изменения значимы именно для вас?

— Работать в ЧелГУ в качестве лаборанта на кафедре физики твёрдого тела я начал, ещё обучаясь на третьем и четвёртом курсах физического факультета. В это время поступало новое оборудование, создавались лаборатории, и мы, студенты-лаборанты, помогали их обустроить. В первые месяцы работы, после окончания университета в 1986 году, был младшим научным сотрудником в лаборатории кафедры математической физики. Она была создана совместно с ракетным центром имени Макеева. Затем, осенью, ушёл по призыву в Советскую армию и служил полтора года. После возвращения продолжил работу в ЧелГУ уже на кафедре физики твёрдого тела. В то время, когда учился в университете и начинал в нём работать, это был единственный вуз на Южном Урале, который готовил кадры для научных исследований — это и была основная особенность университета. Традиции обучения студентов как будущих учёных-исследователей сложились тогда и поддерживаются до сих пор. По крайней мере, на факультетах, созданных в то время.

Успешно продолжать эти традиции можно лишь тогда, когда студенты ориентированы на науку. Судя по результатам, таких молодых людей на физическом факультете достаточно.

— По вашему опыту, исследовательский интерес в них должен быть заложен изначально или его реально пробудить уже в вузе?

— Стремления современных студентов формирует в первую очередь школа. Именно в её среде должен проявляться интерес к предмету и его изучению. Вуз этот интерес может только развивать и поддерживать, давать необходимые знания, помогать совершенствовать навыки научных исследований. Пытаться в университете с нуля заинтересовать студента в том, к чему он изначально не расположен, бессмысленно. К сожалению, количество часов, отводимых в школе на изучение физики, математики, химии, биологии, постоянно сокращается. Поэтому студентов, всерьёз интересующихся наукой, становится меньше.

— Вы имеете непосредственное отношение к работе совета по защите докторских диссертаций. Какие тенденции в развитии близких вам научных направлений вызывают у вас наибольший интерес, а что, может быть, тревожит?

— Университет — это в первую очередь высшее учебное заведение, выпускающее научно-исследовательские кадры высшей квалификации. Такая подготовка реальна только при наличии диссертационных советов, где можно подтвердить научную квалификацию, защищать учёные степени. К сожалению, в последние годы министерством приняты меры по сокращению сети диссертационных советов. И в нашем университете закрыли несколько советов по смежным с физикой специальностям. Эта тенденция тревожит. Однако совет по физике работает. В нём постоянно идут защиты кандидатских и докторских диссертаций. В том числе по современным актуальным научным направлениям, как в области физики конденсированного состояния, так и в сфере теоретической физики.

— Что мотивирует современного российского учёного (как заслуженного, так и молодого) к научному труду?

— В первую очередь интерес к исследовательской работе и физике как таковой. Другие способы мотивации никакой значимой роли не играют.

— Даже финансовый?

— Оплата труда учёного несопоставима с теми усилиями, которые он прикладывает. Зато демотиватором является огромное количество ненужной и всё увеличивающейся бумажной работы. В общемировой науке учёные не оформляют акты экспертизы на каждый шаг. Трудно назвать полноценной средой саморазвития использование цифровых технологий, например, в системе аттестации научных кадров.

— Казалось бы, наоборот, они должны облегчать работу. Всё дело в особенностях применения?

— Да. Если раньше для оформления защиты диссертации достаточно было предоставить только печатные варианты всех документов, то теперь, кроме этого, необходимо сделать их электронные копии, выложить в Интернет, записать на диски, приложить их к печатным документам. Ненужная, не связанная с исследованиями работа увеличилась вдвое. И подобных примеров «развития» достаточно. Всё требует колоссального количества времени, которое учёный мог бы тратить на науку. И если это продуманные решения, а не просто метастазы бюрократии, то иначе как вредительством, отбивающим всякое желание заниматься научной работой, их трудно назвать.

— Расскажите, пожалуйста, о своих учениках. Как складывается их профессиональная, научная карьера? Что во взаимодействии с ними для вас наиболее значимо?

— В широком смысле могу считать своими учениками огромное количество студентов, которым я читал лекции, проводил семинарские занятия и лабораторные работы. Причём преподаванием мне довелось заниматься не только в ЧелГУ, но и в Магнитогорском, Южно-Уральском государственных университетах. Многие из моих учеников добились больших успехов. Среди них, например, ректор ЧелГУ Сергей Валерьевич Таскаев. В более узком смысле мои ученики — это те, у кого я был научным руководителем бакалаврских, дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций. Таких учеников у меня, наверное, около сотни. Из них десять человек защитили кандидатские диссертации по физике конденсированного состояния: Ф. К. Шабиев, С. В. Опалев,

В. В. Мавринский, Ю. А. Зинатулина, В. А. Али-Паша, И. В. Шахова, Э. Н. Агалямова, В. А. Грешняков, А. Е. Коченгин, М. И. Тиньгаев. Некоторые из них преподают физику и ведут научные исследования в Магнитогорском техническом университете, Челябинском государственном университете, Тюменском индустриальном университете, Российском федеральном ядерном центре и Челябинском областном клиническом центре онкологии и ядерной медицины. С ними продолжаю совместную научную работу по физике конденсированного состояния и надеюсь, что несколько человек в ближайшем будущем подготовят и защитят докторские диссертации.

— Вы назвали несколько вузов и научных центров, где работают ваши ученики. В ряде перечисленных вами университетов вы преподавали сами — все они сосредоточены в пределах нашего региона. Как вы оцениваете научный потенциал Челябинской области? Что могло бы поспособствовать его развитию?

— Научные исследования, даже фундаментальные, всегда связаны с текущим уровнем развития и потребностями реального производства. Например, возникновение на Южном Урале научной школы по изучению углеродных материалов под руководством Сергея Васильевича Шулёпова, учеником которого был научный

консультант моей докторской диссертации Евгений Михайлович Байтингер, связано с тем, что в Челябинске был построен ЧЭЗ (Челябинский электродный завод) и создан отраслевой институт электродной промышленности. Если есть производство, то есть потребность в научных исследованиях, обеспечивающих его. Если производство отсутствует, то и наука не нужна. В области углеродных материалов активные исследования в СССР проводились в 1930-х годах, когда нужно было создавать свою авиацию. Для этого необходимо было наладить производство алюминия, соответственно, требовалось огромное количество искусственного графита. Для разработки технологии его производства и изучения фундаментальных основ протекающих при этом процессов в Москве был создан НИИГрафит. Затем, в 1940-х годах, возникла задача разработки технологий производства реакторного графита для ядерной промышленности. В 50-х и 60-х годах XX века нужно было разрабатывать технологии производства углеродных волокон и углеродных композитов для аэрокосмической промышленности. В настоящее время наибольший интерес в области исследований углеродных материалов сосредоточен на углеродных наноструктурах, которые необходимы в качестве элемент-

ной базы для наноэлектроники. Поэтому очевидно, что перспективы развития науки связаны с развитием реального, а не виртуального производства. Причём собственного производства, где технологические процессы обеспечиваются научными исследованиями российских учёных. Понадобится государственная поддержка, развитие отечественной электроники, тогда потребуются построить на месте торгово-развлекательных центров новые заводы, которые сами выпускают электронные устройства, а не собирают их из готовых комплектующих, производимых где-нибудь в Китае. Вот тогда появятся новые научно-исследовательские институты, возникнет потребность в учёных и научных исследованиях. Пока этого нет, научные исследования не очень-то и нужны. Нет смысла оценивать потенциал того, в чём нет потребности.

— Что важнее в науке — конкуренция или кооперация?

Кооперация всегда предпочтительнее. Цель научных исследований — поиск новых знаний для человечества. Успех в этом направлении обеспечивается доступностью всех знаний для всех без ограничений. Конкуренция же возникает тогда, когда цель — наживаться, получать прибыль. И здесь возникают такие уродливые явления, как ограничение доступа к научной информации. За доступ к научным статьям требуют денег, причём эти деньги достаются не учёным — авторам этих статей, а каким-то правообладателям результатов чужого труда. В современных условиях между научными группами и университетами, конечно же, присутствует конкуренция. Она искусственная, обусловлена необходимостью бороться за ограниченные ресурсы грантового финансирования. Эта борьба не может стимулировать научные исследования — в ней выживают не самые талантливые, а самые хитрые. Грантовые эксперименты, которые проводятся в России уже 30 лет, не привели ни к чему хорошему — число учёных постоянно сокращается, нет никаких прорывных открытий. Пора бы трезво оценить результаты этих экспериментов и выбрать другие, более эффективные пути развития.

С. В. Матвеев, В. Д. Бучельников, Е. А. Беленков

А

лександр Васильевич, начать хотелось бы с периода вашего

студенчества в Томском государственном университете. Кто из наставников-преподавателей, учёных на вас в большей степени повлиял и какие значимые для вас подходы к работе, научным исследованиям они помогли обрести?

— В Томском государственном университете мне особенно понравились лекции в области химии у профессора Р. М. Лифшица и доцента Е. А. Круликовской. Специализацию проходил на кафедре органической химии под руководством профессора Г. Л. Рыжовой. В дальнейшем для выполнения дипломной работы я был направлен в Академию наук СССР (ИОХ АН СССР — Институт органической химии имени Н. Д. Зелинского Академии наук СССР) в отдел органического синтеза, который возглавлял выдающийся учёный Сергей Сергеевич Новиков (о нём есть информация, например, в биографическом справочнике В. А. Волкова, Е. В. Вонского, Г. И. Кузнецовой «Выдающиеся химики мира»). Стоит отметить, что профессор С. С. Новиков в аспирантуре учился у самого Н. Д. Зелинского. А в Институте органической химии собрались лучшие органики страны. Там царил удивительная академическая атмосфера, полная доброжелательности и профессионализма. У меня появилась возможность познакомиться со многими выдающимися учёными, как в ИОХе, ИНЭОСе (сейчас Институт элементоорганических соединений имени А. Н. Несмеянова Российской академии наук), так и химфака Московского государственного университета. Знакомство со многими научными коллективами позволило

А. В. Белик: В химии зачастую важен процесс, а не скороспелый результат

Подготовил
Андрей Сафонов

Об особенностях среды, формирующей будущего учёного, принципах создания научного коллектива и перспективах химии как науки говорим с профессором кафедры химической технологии и вычислительной химии ЧелГУ, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук Александром Васильевичем Беликом.

понять специфику разных научных школ и на практике оценить роль личности в таком важном деле.

— Вы подготовили дипломную работу и вернулись в Томск. Как впоследствии складывался ваш путь в науке?

— По возвращении в Томск я поступил в аспирантуру по кафедре органической химии и снова был направлен в Москву для подготовки диссертации в области квантовой органической химии. Защита кандидатской прошла в ТГУ в 1979 году. Мой научный руководитель — доктор химических наук, профессор Г. Л. Рыжова. Оппонировали профессор М. В. Базилевский и профессор В. И. Данилова. В результате мне удалось познакомиться с академическими и вузовскими традициями лучших научных школ в области органической химии.

— Судя по вашим словам, в Советском Союзе научное сообщество учёных-химиков представляло собой единое пространство, которое обеспечивало студентам и аспирантам высокую мобильность и возможность близкого знакомства с самыми разными научными подходами. У сегодняшних студентов есть сопоставимые возможности? Если нет, то почему? Какие преимущества в сравнении с прошлым даёт современное обучение студента-химика и какие из этих преимуществ реализованы на химическом факультете ЧелГУ?

— Из первого поколения химиков Челябинского госуниверситета на выполнение дипломной работы в институт органической химии (ИОХ АН СССР имени Н. Д. Зелинского) удалось отправить только Валерия Клейменова (выпуск 1981 года). Последний дипломник в ИОХ был направлен в 2008 году (Вадим Попов). Как правило, студенты, выполнявшие дипломные работы в Москве, приглашались в аспирантуру академических институтов или МГУ. Например, успешно защитили кандидатские диссертации О. Большаков, Е. Заякин, К. Левченко, В. Черткова. Вадим Попов защитил диссертацию в 2011 году. Студенты направлялись не только в Москву. Мы тесно сотрудничаем с Уральским государственным техническим университетом — УПИ и ИОС УрО РАН (г. Екатеринбург). Основные

проблемы, связанные с мобильностью студентов, были финансовые. В настоящее время они стали ещё острее. Поэтому существенных преимуществ в сравнении с прошлым современное обучение не продемонстрировало.

— На основе каких принципов формировался химический факультет Челябинского госуниверситета? Какие задачи ставились перед вами как руководителем, а на чём сосредотачивались именно ваши стремления? Что необходимо учитывать, когда создаётся новый коллектив и в этом процессе участвуют самые разные люди?

— Химический факультет должен был осуществить полномасштабную подготовку специалистов-химиков с высшим химическим университетским образованием. Следовательно, вначале нужно было собрать преподавателей-химиков по базовой специальности, которые являются при этом выпускниками университетов и имеют разные специализации. То есть нужны были люди, которые сами прошли полный университетский цикл обучения, и желательно в разных вузах. Тогда они смогут привнести всё самое лучшее из своей практики в учебный процесс. В результате сложился коллектив из выпускников Московского, Томского, Новосибирского, Уральского, Воронежского и Иркутского классических университетов. Все они к тому моменту уже имели учёные степени.

— Как пробудить в студенте интерес к научному поиску? Молодые люди, как правило, нацелены на результат, а в науке результат не всегда гарантирован — как помочь студенту избежать разочарований? С течением времени менялось ли отношение студентов к научному знанию (в 80-е, 90-е, 2000-е)? Как бы вы этот интерес оценили сейчас?

— В химии зачастую важен процесс, а не скороспелый результат. Результат появится позже, после глубокого анализа проделанной работы. Известно, что самое интересное в химии получено случайно. Поэтому важно поставить интересную проблему и искать способы её решения. В результате поиска следует внимательно наблюдать за процессом. Обязательно обна-

Александр Васильевич Белик — доктор химических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук. Автор более 260 научных публикаций. Почётный работник высшего профессионального образования России (1999). А. В. Белик является высококвалифицированным специалистом в области химии, опытным и принципиальным педагогом, сложившимся учёным в области теории строения вещества. Он является членом Российского отделения международного общества «QSAR and Modelling Society», включён с 1997 года в международный биографический справочник «Who is Who in the World» (США). Заслуженный деятель науки и образования (РАЕ, сертификат № 00238.2007), член Американского химического общества (с 2007 г.). Представлен в энциклопедии города Челябинска (2001 г.). Лауреат премии Губернатора Челябинской области П. И. Сумина (2004 г.). Член редколлегии журнала «Бутлеровские сообщения». Им опубликовано 5 монографий и 4 учебных пособия. Его научные работы хорошо известны в мире и регулярно цитируются. В системе высшего профессионального образования с 1973 года после окончания химического факультета Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. В ЧелГУ с октября 1980 года (старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой, декан химического факультета, профессор). В 1994 году А. В. Беликом защищена диссертация на соискание учёной степени доктора химических наук (Уфа).

ружится что-то необычное. Многие современные статьи так и называются или начинаются фразами «...необычная перегруппировка...», «...необычная реакция для...» и т. д.

Следовательно, студента можно «зажечь» идеей и личным примером, перспективой отследить что-то необычайное. Молодые люди любопытны были всегда. Поколения разных лет отличались друг от друга уровнем базовой подготовки. А вузовская наука — уровнем оснащения лабораторий современным оборудованием и реактивами.

— Если оглянуться на три десятилетия назад... Как удалось сохранить факультет, научные кадры в период 90-х годов, когда наука

уже не рассматривалась многими людьми в качестве приоритета?

— Факультет был открыт 2 января 1991 года (до этого специалистов-химиков готовили на кафедре химии в составе физического факультета). С большим трудом удалось получить площади под лаборатории, найти материалы для их оснащения водопроводом и канализацией. Нужна была вентиляция и соответствующие двигатели. Помощь оказали некоторые предприятия. Реактивы и «стекло» собирали по всему городу. И факультет состоялся! Что касается

кадрового вопроса, то он всегда очень сложный. Но мы даже смогли поделиться специалистами с нашими соседями в Южно-Уральском университете.

— Для вас как учёного-химика какие процессы в мировой науке наиболее актуальны? Как с этими тенденциями соотносятся научные устремления преподавателей и студентов химического факультета ЧелГУ?

— Актуально всё, что относится к естествознанию. Если физики изменяют свои взгляды на пространство, время, природу электричества, света и строение атома, то изменится и химия. Если математики помимо гипотезы, что $av = va$ рассмотрят ещё и вариант, когда $av \neq va$, то химия существенно дополнит свой математический аппарат. Однако обществу всегда нужны новые материалы и новые препараты с заданными свойствами. Поэтому актуально математическое моделирование связи «структура — свойства». Актуален синтез новых препаратов и материалов, включая высокотемпературную сверхпроводимость и т. д.

— Расскажите, пожалуйста, о своих учениках, выпускниках факультета. Как складывается их научная, профессиональная карьера?

— Я участвовал в подготовке всех выпускников-химиков ЧелГУ начиная с первого выпуска в 1981 году. Некоторым студентам удалось организовать поездку, руководство и выполнение дипломной работы в разных учебных заведениях и институтах. Непосредственно моих учеников также достаточно много. Это сотни человек. Все они очень талантливые и достойные люди. Как правило, они нашли своё место в специальности и жизни.

— Какие жизненные открытия, значимые лично для вас, позволило сделать увлечение химией?

— Главное открытие — мир оказался намного сложнее и интереснее, чем предполагалось в начале. Глубокое понимание химической природы мироздания требует создания нового математического языка для его описания, основанного на гипотезе, что $ab \neq ba$. Кроме этого, многовековой труд алхимиков следует переосмыслить заново.

Первый выпуск рабфака физического факультета, 1978 год. Студенты успешно сдали экзамены и поступили на физический факультет. Справа — Н. А. Мамаев

Лучшая академическая группа 1981 года

Владимир Александрович, о вас рассказывают как о человеке, увлечённом музыкой.

— Да, в студенчестве (учился в Челябинском педагогическом институте) участвовал в вокально-инструментальном ансамбле. Он был создан на факультете общественных профессий и назывался «Каравелла». Руководители ансамбля — наши педагоги. Станислав Бережнов, известный в Челябинске джазист, работал с Анатолием Кроллом. Валерий Ярушин знаменит музыкальным коллективом «Ариэль».

— В круг таких увлечённых людей попали неслучайно?

— Меня с детства обучали игре на фортепиано. При поступлении в музыкальную школу № 1 сразу приняли во второй класс — в шесть лет играл «Танец маленьких лебедей» на уровне четвероклассника. Моя учительница Хлопцова Валентина Васильевна привила мне любовь к классической музыке, познакомила с творчеством Баха, Бетховена, Рахманинова. В седьмом классе увлёкся лёгкой атлетикой, в десятом классе выиграл первенство области по прыжкам в высоту. Но музыка всегда сопровождала. В институте познакомился со Станиславом Бережновым, который много нам рассказывал о джазе и научил его понимать и слушать. Джаз, более разнообразный, сложный по гармонии и ритмичный. Хотя тогда не приветствовались заграничные мелодии, но мы слушали, конечно, и сестёр Бэрри, и довольно модного тогда Армстронга. Потом появились «Битлз», и мы увлеклись роком. Правда, тогда это называли бит-музыкой. Валерий Ярушин, придя к нам после Стаса Бережнова, начал приобщать нас

В. А. Бурмистров: Законы природы едины. Их разделение на физику и химию придумали учёные

Подготовил
Андрей Сафонов

Декан химического факультета ЧелГУ Владимир Александрович Бурмистров в юности сочетал увлечение физикой, спортом и музыкой. Сейчас, занимаясь синтезом материалов, использует тесные связи физики и химии. А ещё пытается соединить прошлый опыт взаимодействия вузовской науки и производства с современной реальностью.

к биту и советской эстраде. Мы очень много исполняли, ездили с концертами по сёлам. Подрабатывали на танцах, играли во Дворце спорта «Юность»: по выходным собирали по тысяче-полторы молодых людей. Познакомились с приезжавшими в Челябинск Муслимом Магомаевым, Софией Ротару, Доби Чабрич. Творческое общение позволило мне слегка по-иному, не столь сухо, смотреть на жизненные ситуации.

— Мелодии не потеснили ваш интерес к физике на второй план?

— Нет, учился я неплохо, без троек. Большую роль сыграла в этом декан физического факультета академик Усова Антонина Васильевна, с которой я был знаком ещё с четвёртого класса, занимаясь в организованном ею кружке по физике. Из преподавателей запомнились: профессор Моисей Соломонович Свирский, он вёл у нас теоретическую физику; ректор пединститута Сергей Васильевич Шулепов и доцент Фёдор Викторович Круглов преподавали общую физику, профессор Георгий Васильевич Клещёв преподавал молекулярную и статистическую физику и т. д. Образование получилось акаде-

мическое, углублённое. Тем более я занимался в научном кружке у Г. В. Клещёва, ходил на семинары, где впечатляли научные доклады Вячеслава Григорьевича Трофимова, аспиранта Николая Александровича Мамаева, Василия Александровича Тюменцева (сейчас они работают в ЧелГУ). Так закончил педагогический институт. Поработал учителем в 93-й школе Челябинска, отслужил в армии в спецбатальоне ВВ. Устроился инженером в НИИ. В 1976 г. перешёл на должность старшего лаборанта в Челябинский государственный университет.

— Вам, по ощущениям, что ближе — работа со школьниками, студентами или научные исследования?

— С детьми работать интересно. Тем более когда пришёл в школу, был молодой. В то время вновь сделали обязательным десятилетнее образование (до этого можно было идти на производство после восьмого класса). Собрали со всего района тех, кто не хотел учиться, меня поставили классным руководителем. Организовал с ребятами ансамбль, стал их учить играть на гитаре. Мой авторитет в их глазах вырос, на уроках сидели тихо

и старались выполнить все задания по физике. Это даже удивило директора школы. Но в школе я себя не видел. Хотелось заниматься научной деятельностью, поэтому после службы в СА с радостью перешёл в отраслевой научно-исследовательский институт ЧФ НИПРОИНСП, занялся проблемами разработки технологии производства белых пигментов. Попал в очень хороший коллектив, его возглавлял Авраам Исаакович Шейнкман. Тогда он был заведующим отделом, организовывал научные семинары. Там я начал понимать, что такое наука и как фундаментальная наука соотносится с отраслевой, которая мне была ближе. Здесь исследовали конкретные материалы, пигменты, которые использовали для производства красок для самых разных лакокрасочных покрытий. Приходилось изучать много физико-химических процессов, которые лежали в основе производства.

— И в 1976-м вас позвали в ЧелГУ...

— Да, к тому времени уже представлял, что такое преподавание, и не только на личном опыте. У меня тётя Бурмистрова Татьяна Дмитриевна заведовала кафедрой нормаль-

ной физиологии в мединституте. Мама Бурмистрова Нина Дмитриевна была доцентом в педагогическом институте. Помню, когда я учился в четвёртом классе, а мама в это время работала над кандидатской диссертацией, сидел за её приборами, измерял биопотенциалы у растений. Мой дядя Якушев Сергей Акимович тоже возглавлял кафедру физиологии в ЧГПИ, был достаточно известным учёным и имел личную переписку с академиком Лысенко.

— Что, кроме семейной традиции, влекло в университет?

Помимо Г. В. Клещёва, перешёл в ЧелГУ и Аврам Исаакович Шейнкман. В дальнейшем он заведовал кафедрой физической химии на химическом факультете. Многие мои коллеги перевелись сюда из педагогического института и из НИИ ЧФ НИПРОИНСП, став научными работниками. По сути весь мой коллектив! Меня, поскольку был ещё незрелым товарищем, взяли старшим лаборантом. Тяжёлая работа. Надо было организовывать лаборатории, монтировать всё — от розеток до установок. Мне поручили делать лекционные демонстрации. Бегал, распаковывал ящики, собирал лабораторные работы. Оборудовал затемнение в аудитории, для того чтобы показывать учебные фильмы на киноустановке.

— Не разочаровались в первые дни?

— Нет, для нас открытие университета было историческим событием, и он давал перспективу становления и развития фундаментальной науки и образования. В то время защитить кандидатскую диссертацию по физике в Челябинске было почти невозможно. Аспирантура у Георгия Васильевича была, но диссертационных советов в стране работало мало. По этой причине у нас защищались только в 50–55 лет. Особенно по направлению экспериментальной физики, для которого требуется использование сложного научного оборудования. Появление университета позволило открыть аспирантуру в ЧелГУ, создать свои советы по защите диссертаций, установить более тесные связи с учёными других городов. В 1979 году я этим воспользовался, меня направили в целевую аспирантуру в Екатеринбург, к Виталию Николаевичу Коневу,

заведующему кафедрой физики твёрдого тела в УрГУ. Он сыграл большую роль в моей жизни, под его руководством защитил кандидатскую. В этом принимал участие и мой второй руководитель Дмитрий Георгиевич Клещёв.

— Что вы исследовали?

— Я занимался исследованием протонной проводимости гидратированных оксидов пятивалентной сурьмы. На основе этих протонных проводников сейчас создаются топливные элементы, альтернативные источники энергии. А тогда это была экзотика. Результаты, которых мы добивались, даже немного опережали американские аналоги. Мы синтезировали материалы, исследовали свойства, предсказывали, что их можно использовать для создания протонных систем, которые в будущем воплотятся в электроустановки и позволят непосредственно из водорода получать электрическую энергию. Современные литиевые аккумуляторы, электромобили — близкая к нашим исследованиям тематика. Всё это закладывалось на рубеже 70–80-х годов.

— Позднее вы стали заведующим кафедрой — одним из самых молодых в университете. Наверняка было нелегко.

— Меня поддержали мои же однокашники, с которыми давно работал. У нас не возникало никаких проблем, кафедрой руководили совместно. Не чувствовал, что мне нужно проявлять жёсткость, использовать административный ресурс. Нас было около двадцати человек: шесть преподавателей, остальные — учебно-вспомогательный персонал и научные сотрудники. В основном взаимодействовали с регионом, выполняли договорные работы, являвшиеся базой подготовки специалистов. Связь с предприятиями, научно-исследовательскими институтами была тесная. Студенты под руководством представителей предприятий области выполняли дипломные работы. Каждый год выпускали 30–40 человек.

— То есть работодатели непосредственно участвовали в подготовке кадров?

— Да, и это становилось возможным благодаря отраслевым научно-исследовательским институтам. Они обеспечивали связь между

университетом, представлявшим фундаментальную науку, и конкретным заводом. Кроме того, у них были деньги, ресурсы для решения актуальных и чётко очерченных научных задач. Сегодня статьи, которые мы публикуем в высокорейтинговых международных журналах, тем же челябинским металлургам не нужны. Им требуются конкретные разработки, эффективные и дешёвые. Но мы предоставить это можем далеко не всегда. Учёному классического вуза сложно понять текущие интересы заводского цеха. Отраслевая же наука в Челябинске перестала существовать.

— Что пришло на смену этой системе подготовки специалистов?

— Ещё пять лет назад предприятия не интересовались качеством подготовки специалистов. Брали

Владимир Александрович Бурмистров, доктор физико-математических наук, профессор, почётный работник ВО РФ, окончил Челябинский государственный педагогический университет по специальности «Физика». Окончил аспирантуру по физике твёрдого тела УрГУ и в 1981 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Состояние протонов в гидратированных оксидах сурьмы». В 2002 году защитил докторскую диссертацию на тему «Ионный транспорт в сложных оксидах пятивалентной сурьмы». Является членом Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Физика конденсированного состояния» и «Теоретическая физика» (физико-математические науки). Под руководством В. А. Бурмистрова защищено шесть кандидатских диссертаций. Им опубликовано две монографии и более 100 статей в журналах: ДАН СССР (серия «Химия»), Известия АН СССР «Неорганические материалы», «Журнал неорганической химии», «Журнал физической химии», «Журнал прикладной химии», «J. Solid State Chem.» и др.

Коллектив кафедры физики твёрдого тела — победители соцсоревнования. 1980-е годы

людей на свободном рынке труда, переучивали. Сейчас, когда менялись федеральные образовательные стандарты и профессиональные компетенции выпускников чётко прописываются, компании увидели: можно работать с нами, влиять на процесс обучения. Сейчас работодатель участвует в определении навыков молодого специалиста, и у нас есть возможность учесть эти пожелания. Мы тесно общаемся, согласовываем программы подготовки, приглашаем представителей компаний вести занятия. В основном это наши же выпускники, которые на производстве заводят лабораториями, отделами и предприятиями. Но в таком масштабе, как раньше, система взаимодействия между вузом и предприятиями ещё не восстановилась. Тем не менее 86 процентов выпускников химического факультета ЧелГУ сегодня устраиваются по специальности.

— Где работают?

— Значительная часть — в пищевой промышленности. Производство колбасы, молока, других продуктов, оценка их качества без химических процессов не обходится. Нефтегазовая промышленность, металлургические заводы тоже нуждаются в химиках. Наши специалисты востребованы в ядерной медицине, на фармацевтических предприятиях. И конечно — в сельском хозяйстве, в производстве удобрений. Часто к нам обращаются сотрудники отделов внутренних дел — им нужны кадры для работы в криминалистических лабораториях. Мы стараемся подстроиться под требования рынка, открываем новые специальности. Среди них аналитическая химия и химическая экспертиза. Выпускники этих направлений могут работать как в криминалистике, так и в сфере охраны природы.

— В науку молодые люди идут?

— В Челябинске не так много крупных академических центров. И нет среды для их формирования в виде отраслевых и академических лабораторий, которые раньше вели научную работу в рамках вуза, отдельно финансировались, имели свой штат. Выпускники там оставались, продолжали свои исследования по актуальной научной теме. Такая совместная вузовско-академическая лаборатория ЧелГУ

и ИВЭХ УрО РАН у нас была открыта ещё в 1982 году на основе опыта изучения низкотемпературных протонных проводников. Сейчас нечто подобное сделать очень сложно. Можно получить грант на выполнение краткосрочных исследований, в основном касающихся расчётных работ.

— Вы преподаватель, у вас масса лекционных часов, практические и лабораторные занятия. И вам ещё нужно что-то изобрести.

— Действительно, времени не хватает, но стараюсь его находить: сесть за компьютер, подготовить статью и отправить в рейтинговый журнал. Говорить о масштабных проектах, разработках новых технологий не приходится: нет научно-исследовательской базы, соответствующего штата, другая система организации труда. Вместе с тем молодые люди к науке относятся всерьёз. Могу судить по своим ученикам. Среди них два преподавателя физического факультета ЧелГУ: Дмитрий Альбертович Захарьевич возглавляет физический факультет, Юлия Александровна Лупицкая — доцент кафедры физики конденсированного состояния. Её тема исследования очень перспективна, связана с электрохимическими источниками тока. Среди химиков — кандидаты наук Фёдор Александрович Ярошенко и Лилия Юрьевна Коваленко, работает старшим преподавателем на химическом факультете. Ф. А. Ярошенко является заместителем декана по воспитательной работе. В числе давних учеников — Олег Аркадьевич Забара, в Берлинской академии наук занимается химией

твёрдого тела. Вячеслав Юрьевич Рябышев разрабатывает новые пигменты для производства керамики. Андрей Васильевич Сычиков работает в госструктурах — возглавляет отдел по развитию инноваций. Борис Григорьевич Полевой — руководитель своего предприятия по производству нагревательных элементов.

— Вы по своему образованию — физик. Работаете на факультете химии. Какая наука вам ближе?

— Разделение на физику и химию придумали учёные. В природе эти сферы едины. Занимаюсь больше материаловедением. В иностранной литературе раздел «материаловедение» выделяют особо, подразумевая, что есть физика материалов и есть химия материалов. Когда говорим про материалы, их создание, состав, структуру, свойства очень сложно разделить: физика это или химия. Можно сказать, что мне ближе физика и химия твёрдого тела.

— Химия ближе к повседневной жизни?

— Возможно, но мы занимаемся фундаментальной наукой. Материалы, которые получаем в результате исследований, нельзя использовать сразу на производстве. Нужна адаптация, приспособление к конкретным условиям. Мы связаны с центрами, которые этим занимаются, у нас совместные разработки с РАН. В итоге результат наших исследований становится, например, значимой частью энергетического устройства летательного аппарата. И это уже — непосредственная связь с жизнью.

Химики — победители университетской премии «Лица ЧелГУ – 2018»

Смотр художественной самодеятельности, 1979 год

Занятия у математиков, 1980-е годы. Преподаватель — С. А. Рудаков

А

лександр Леонидовна, вы учились в Челябинском медицинском институте по специальности «Лечебное дело», расскажите, как пришли в медицину? Что запомнилось в студенческие годы?

— Мои мама и папа — врачи, которые прошли фронт. Других разговоров, кроме как о медицине, за всю свою детскую жизнь я не знала. В мединституте большое впечатление на меня произвели педагоги — было много выдающихся профессионалов. Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой биохимии Роман Иосифович Лифшиц, читая лекции, вспоминал пару-тройку строк из стихов, причём по делу, по теме. Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии, проректор по науке, Лев Яковлевич Эберт был человеком высокой культуры. Его отношение к студентам, коллективу оставило глубокий след в памяти учеников. Лев Яковлевич во время войны был врачом на подводной лодке. А Иван Иванович Корабельников, доктор медицинских наук, профессор, хирург, мог сравнить особый этап операции с фугой Баха.

— Вы собирались стать практикующим врачом. Как вышло, что вы стали исследователем?

— Хотела стать акушером-гинекологом. Ходила в кружок, будучи студенткой, выступала в Москве с докладом. Однако место в аспирантуре на кафедре акушерства и гинекологии было одно, а желающих много. Стала искать работу, и мне предложили место врача-вирусолога в лаборатории санэпидстанции Южно-Уральской железной дороги. Было непросто осваивать новую специаль-

А. Л. Бурмистрова: Современные лаборатории позволят в кооперации с научными школами решать проблемы экологии и здоровья

Подготовила
Александра
Кузовенкова

Александра Леонидовна Бурмистрова пришла в медицину, чтобы стать врачом, но стала учёным. Благодаря ей в Челябинском государственном университете появились биологический факультет и кафедра микробиологии. Мы попросили рассказать её о том, как это происходило и какие у биологического факультета ЧелГУ перспективы.

ность. Через пять месяцев меня назначили заведующей лабораторией, и стало ещё труднее. На каком-то этапе (я проработала заведующей в общей сложности шесть лет) поняла, что это не моё место, надо учиться. Пришла ко Льву Яковлевичу Эберту, рассказала, чем занимаюсь и что хочу учиться дальше. Он пригласил меня на конференцию, которую проводил по неспецифическому иммунитету, чтобы я послушала и подумала. Тема конференции была очень актуальной, приехали профессора с докладами со всей страны. Там я познакомилась с моим будущим соруководителем диссертации — доктором медицинских наук, профессором Людмилой Павловной Горшуновой из Института вирусологии имени Д. И. Ивановского (Москва). Потом поступила в заочную аспирантуру. В 1977 году защитила диссертацию по теме календаря вакцинации детей. Когда на кафедре микробиологии появилось место ассистента, меня пригласили на работу. Позднее в медицинском институте стали организовывать кафедру иммунологии, я и мои товарищи были первыми преподавателями и в какой-то степени организаторами кафедры. В 1990 году защитила докторскую диссертацию в защитном Совете Киевского медицинского института.

— Как пришли в ЧелГУ?

— В 1997 году меня пригласил ректор Челябинского госуниверситета Валентин Дмитриевич Батухтин,

который мечтал о создании биологического факультета. Биология — очень серьёзная область знаний. Это фундаментальная наука о живых системах, на ней строится медицина, которая является практическим воплощением биологии.

— Каким был первый шаг к его созданию?

— Я хорошо знала многих крупных специалистов Челябинска в области медицины, знали и они меня. Обратилась к ним и получила согласие на совместную работу. Так был сформирован «золотой фонд» будущего факультета.

— Кто стал вашим соратником?

— Могу назвать сразу несколько имён. Среди них Александр Васильевич Аклеев — доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Уральского научно-практического центра радиационной медицины. Геннадий Васильевич Брюхин — доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой гистологии, эмбриологии и цитологии ЮУГМУ; Владислав Анатольевич Ячменёв — кандидат географических наук, заместитель начальника Управления отраслевой политики Законодательного собрания Челябинской области. Лариса Израильевна Бахарева — кандидат медицинских наук, доцент, заведующая бактериологической лабораторией Городской клинической больницы № 6. Татьяна Александровна Суслова — кандидат медицинских наук, доцент, заведующая отделом моле-

Александра Леонидовна Бурмистрова, заведующая кафедрой микробиологии, иммунологии и общей биологии биологического факультета. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей квалификационной категории по специальности «Аллергология и иммунология». Декан биологического факультета ЧелГУ с 1998 по 2018 год. Награждена наградами знаками «Почётный работник высшего профессионального образования» (2000 г.) и «За развитие научно-исследовательской работы студентов» (2006 г.), почётной грамотой Губернатора Челябинской области (2011 г.). Является почётным профессором ЧелГУ. Автор более 325 научных публикаций, 4 монографий.

кулярно-биологической диагностики Челябинской областной станции переливания крови.

— Уже по кадровому составу чувствуется тесная связь науки и практики.

— Да, это так. Главный врач Городской клинической больницы № 6 Сергей Степанович Шестопалов — доктор медицинских наук, профессор — дал согласие на организацию кафедры микробиологии

в больнице. Для обучения будущих микробиологов, когда студент может учиться непосредственно у врачей-практиков — бактериологов, это имело огромное значение.

— Как развивался биологический факультет?

— Тяжело. И до сих пор тяжело. Я пришла из другого вуза. В медицинском университете мы все понимали друг друга. Мы — врачи, одинаково воспринимали любой вопрос, независимо от нашей специализации. Мы видели, какие ресурсы нужны для решения тех или иных вопросов. В ЧелГУ каждый факультет более обособлен, в этом и есть трудность. Людям необходимо осознание того, что биологический — единственный факультет в ЧелГУ, который работает напрямую с живыми системами: животными (мыши, крысы, кролики), мушками дрозофилами, земноводными, а также живыми клетками, которые нужно вырастить и включить в определённую программу исследований. Более того, мы изучаем биологические механизмы различных патологий у больных людей, а это очень сложные методы исследований. Их не напишешь на бумаге, «пока в машину не заложил» те результаты, что получил в лаборатории. Кроме того, необходимо научить студентов думать, анализировать, работать руками — для этого нужна аппаратура, реактивы, другие ресурсы. Некоторые студенты готовят дипломы в других городах, в учреждениях, где существует уникальная аппаратура. Но современное оборудование — виварий, лаборатории — нужны и на факультете. Мы были во многих городах России. Есть успешный пример развития в Калининграде, который показывает, что открытие биологического факультета — огромный труд со стороны всех, кто его открывает и кто туда приглашён. После окончания ЧелГУ наши выпускники работают не только в России, но и в Америке, Германии, Франции, Китае.

— Помните, какой была ваша первая пара и первые студенты? Переживали?

— Мои первые студенты были в медицинском институте. Да, тогда переживала.

— Как с этим справились?

— В медицинском институте написала монографию «Иммунный гомеостаз и микросимбиоз. Метаморфо-

зы и пути развития воспалительных заболеваний кишечника» (1997 г.), получила на неё много отзывов. Написание такой работы помогает организовать ум. Чем больше человек читает, обдумывает прочитанное, тем проще ему выявить значимость процесса, научиться выбирать. Моя мама — гастроэнтеролог, практик высокого уровня. Когда лечила тяжёлых больных, задавала мне вопросы. Я искала ответы, чтобы как-то помочь ей. У меня накопился опыт. Далее стала изучать глубже эту проблему, работала с больными и врачами. Так получила пять патентов диагностики и способов лечения неспецифического язвенного колита и синдрома раздражённого кишечника.

— Сейчас занимаетесь исследованием иммунной, эндокринной, нервной систем и микробиоты кишечника при нейропсихических нарушениях у детей с аутизмом и лиц пожилого возраста.

— Этот вопрос был интересен мне и моим аспирантам. Стали искать специалистов, которые занимаются этой проблемой, посещали совещания по проблемам здоровья детей. На одной из встреч познакомилась с директором социально-реабилитационного центра для детей и подростков «Здоровье» Марией Алексеевной Кузнецовой и рассказали ей, чем можем помочь детям. Так заключили трёхстороннее соглашение о сотрудничестве между ЧелГУ, центром «Здоровье» и Комитетом социальной политики Челябинска. Начали работать с детьми с аутизмом, их родителями, психотерапевтами, психологами. ЧелГУ приобрёл газовый хромато-масс-спектрометр, который позволил нам определить особенности микробиоты желудочно-кишечного тракта детей. Полученные данные вошли в кандидатскую диссертацию старшего преподавателя кафедры А. В. Тимофеевой, которую она защитила в декабре 2019 года. Сейчас заканчивает докторскую диссертацию кандидат биологических наук, доцент кафедры Юлия Юрьевна Филиппова, в которой она рассматривает сложные отношения между иммунной и нервной системами у детей с нарушениями нейроразвития.

— Расскажите, каким из исследований гордитесь больше всего? И почему?

— Кафедра микробиологии, иммунологии и общей биологии занимается различными вопросами в области биомедицины. Большой серьёзный блок выполнен и продолжает выполняться по теме: «Популяционная иммуногенетика народов Челябинской области». Результаты проведённых исследований вошли в международную базу данных по популяционной иммуногенетике The Allele Frequency Net Database. Главным организатором таких масштабных исследований выступила кандидат медицинских наук, доцент, заведующая лабораторией иммунологических исследований Челябинской областной станции переливания крови Татьяна Александровна Суслова. Сейчас выполняются работы по изучению генетической составляющей персон с воспалительными заболеваниями кишечника. Этот уникальный материал станет основой будущей докторской работы декана биологического факультета, кандидата биологических наук, доцента Дарьи Сергеевны Сташкевич.

— Какие направления в иммунологии и микробиологии наиболее актуальны сейчас, на ваш взгляд? Что вам лично было бы интересно изучить?

— В настоящее время научным сообществом признано, что человек — метаорганизм: мы состоим из клеток эукариот и симбионтов-прокариот, микробов. Симбиоз — это отдельная проблема. Мы живём вместе, они нам обеспечивают метаболизм, мы им обеспечиваем жизнь. Они влияют на психические процессы, иммунную систему. А что в организме делают вирусы — «чёрная дыра». Но мы же живая система, в кишечнике бактерий больше, чем клеток всего организма человека. Это актуальные данные. Изучая наш микробиом, мы учимся понимать и оценивать многие функциональные особенности нашего организма в здоровье и болезни.

— Начиная с рождения?

— Гораздо раньше. Сейчас широкий ряд исследований позволил перешагнуть догму, что плод стерильен. У него есть собственный микробиом. Плод знакомится с микробами не в момент рождения, а внутри организма матери. Родившись ребёнок делает первый вздох, наполненный микробами. Он шёл по родовому каналу,

наполненному микробами. Если бы он был стерилен, он бы «сгорел». Наука идёт вперёд, и догмы отступают, но возникают новые вопросы.

— **Например?**

— Ещё одна догма: «мозг не общается с иммунной системой», а тем более с микробной составляющей, он «сам себе режиссёр». На самом деле он образует тесную коммуникацию с иммунной системой, а та определяет функциональную активность мозга, обучение, память и поведение. Большая догма перечёркнута. Хотя некоторые всё ещё пытаются доказывать обратное. Это самый пиковый вопрос, который есть в области нейрпатологии и такого явления, как старость. Недавно стали обсуждать — есть или нет микробиом головного мозга. Правда, пока это только дискуссия.

— **Как вы для себя определяете степень актуальности той или иной научной дискуссии?**

— Самое главное — уметь учиться. Для этого нужно задавать себе во-

прос: «Почему?». Тогда вы начнёте искать ответ. Это приводит человека к тому, что он не просто ест, ходит, спит, но понимает многие явления, события. В целом очень актуальна область биотехнологий, мы её преподаём. Юлия Юрьевна Филиппова, доцент кафедры микробиологии, иммунологии и общей биологии, владеет многими её методами. Генная инженерия очень интересна, но мы пока от неё далеки (хотя и мечтаем о ней), так как необходима серьёзная лабораторная база, а её пока у нас нет.

— **Какой потенциал и перспективы развития у биологического факультета ЧелГУ?**

— Хорошие, если его поддержат. Наши выпускники работают на предприятиях Челябинска и Челябинской области: «Прогрессивные медицинские технологии», «Инвитро», «Первый хлебокомбинат», в ЮУГМУ, Уральском центре радиационной медицины, на Областной станции переливания крови, в диагностических лабораториях лечебных учреждений,

диагностических центрах. Талантливые ребята находят себе престижную работу в Москве, Новосибирске, Екатеринбурге, Казани и за рубежом. Учатся в магистратуре и аспирантуре не только в России, но и в Германии, Франции, США, Китае, Австралии. Наши аспиранты защищаются в МГУ имени М. В. Ломоносова, ЮУГМУ, Казанском государственном университете и в зарубежных вузах. Это говорит об уровне факультета. Возможно, они профессионально подрастут и вернуться, будут учить как работать. Это самое главное. Да, у биологического факультета много научных планов, и мы надеемся, что у него появятся современные лаборатории: клеточных технологий, прототипирования органов, моделирования здоровья через трансплантацию микробиома и другие. Это позволит выполнять не только научные фундаментальные работы широкого профиля в кооперации со специалистами различных научных школ, но и решать прикладные проблемы города и области в сфере как экологии, так и здоровья населения.

Физик В. Н. Гулявцев. 1980-е годы

Первые экономисты ЧелГУ. Слева декан Р. В. Салыев. Выступает В. Н. Белкин

Василий Дмитриевич, своей биографией вы олицетворяете глубокую вовлечённость отечественной науки в науку мировую. Вы родились в небольшом посёлке Свердловской области, в 17 лет поступили в МГУ и попали в окружение учеников Нобелевского лауреата Л. Д. Ландау. Затем, вернувшись на Урал и став сотрудником Челябинского госуниверситета, добились высокого уровня международного цитирования (по сути международного признания). В связи с этим первый вопрос: как пробудился ваш интерес к физике, кто этому способствовал и кто поддерживал это увлечение на разных этапах вашего научного пути?

— Да, начало пути было интересным. Получилось так, что в выпускном десятом классе у нас в школе долго не было учителя физики. Помню, что осенью приезжал иногда из райцентра учитель, но периодически, и он не мог дать нам достаточные знания. В девятом классе у нас физику преподавала молодая учительница, она и пробудила во мне интерес к этому предмету. Потом она уехала в райцентр. В том же учебном году я очень заинтересовался математикой. Мне нравилось решать математические задачи. Когда решишь сложную задачу, то это приводит к некоторой эйфории, получаешь огромное удовлетворение от результата. Тогда в школах ежегодно проводились научно-практические конференции, и мне было предложено сделать доклад. Выбрал, конечно же, доклад по математике. Помню, что он был на тему «Булева алгебра» (алгебра логики), которая применяется при создании компьютеров. С этим докладом после районного этапа конференции мне

В. Д. Бучельников: Надо принимать любые идеи, решения, задачи от учеников

Подготовил
Андрей Сафонов

Доктор физико-математических наук, профессор Василий Дмитриевич Бучельников рассказывает о том, как школьное увлечение становится делом жизни, кто этому способствует и благодаря чему физиков из Челябинского госуниверситета знают и ценят в мировой науке.

предложили выступить в Свердловске. Это был мой первый выезд в большой город. На обратном пути мы с одноклассником побывали у учительницы физики, которая, как уже сказал, работала в райцентре, в городе Нижняя Тура. Пожаловался ей, что у нас нет учителя физики и что поэтому не смогу подготовиться к поступлению в вуз: в то время вступительный экзамен по этому предмету был обязательным во многих вузах. Учитель посоветовала мне готовиться самому. Сказала, что я способен сам освоить физику.

— **Судя по всему, у вас получилось.**

— В начале десятого класса мне предложили записаться в физико-математическую школу при МГУ имени М. В. Ломоносова. Кто — уже не помню: либо бывшая учительница физики (вроде бы её звали Луиза Александровна Исупова), либо директор нашей Косьинской школы Александра Михайловна Скорокова. Она у нас вела математику и видела мой интерес к точным наукам. Надо сказать, что в нашей поселковой школе преподавали замечательные учителя. Особенно мне нравились предметы, которые вели молодые преподаватели, выпускники педагогического института. В то время они были обязаны отработать по месту распределения три года. Так к нам в посёлок попадали талантливые педагоги, в основном учительницы, конечно же. Одна из них, в частности, привила мне любовь к литературе. Под её влиянием все обязательные произведения были мною прочитаны с большим интересом. Привлекали меня и химия, и биология, и история.

— **Но в итоге выбрали физику.**

— В начале десятого класса написал заявление в физико-математическую школу при МГУ. Школа была платной, но деньги брали только на оплату методической литературы. Весь комплект стоил пять рублей. Родители мне дали эти деньги. И вот где-то в ноябре 1971 года мне приходит тяжёлая посылка из МГУ: много методической литературы с контрольными заданиями по физике и математике. Заданий было достаточно много. Их нужно было выполнять и периодически посылать на проверку. В течение

всего десятого класса решал их и посылал в МГУ. Приходилось самостоятельно осиливать огромный материал. В январе–феврале 1972 года у нас объявили карантин по гриппу. Школа не работала. Это ещё больше повлияло на моё самостоятельное углублённое изучение математики и физики. Буквально глотал раздел за разделом. Было очень интересно познавать мир, его физические законы и явления. В итоге школу МГУ я окончил успешно. На выпускном вечере меня назвали лучшим математиком, а моего одноклассника — лучшим физиком. К тому времени я уже решил поступать на механико-математический факультет МГУ. Но после выпускного вечера изменил своё мнение и, решив доказать, что я не худший физик, поехал поступать на физфак.

— **Сильный поступок!**

— На дальнейшее моё самоопределение повлияла маленькая на-

Василий Дмитриевич Бучельников — доктор физико-математических наук, профессор. Выпускник физического факультета МГУ, окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию в МГУ, докторскую диссертацию — в Институте физики металлов УрО РАН. Заведующий кафедрой физики конденсированного состояния Челябинского государственного университета. Руководитель научной школы «Физика магнитных явлений». Член целого ряда научных организаций: экспертного совета по физике ВАК РФ, научного совета по физике конденсированных сред РАН, федерального реестра экспертов научно-технической сферы (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), научного совета по физике АН Республики Башкортостан. Главный редактор издания «Челябинский физико-математический журнал».

учно-популярная книжка. Она называлась «Квазичастица». Что это такое?». Её автор — Моисей Исаакович Каганов, профессор физфака МГУ, ученик Ильи Михайловича Лифшица, который был братом Евгения Михайловича Лифшица, соратника Льва Давидовича Ландау. Эту книжку мне привезла сестра. Она тогда училась в Свердловском горном институте. Книжка произвела на меня сильное впечатление и определила мою дальнейшую судьбу в физике. Кстати, она до сих пор хранится у меня, и я её показываю своим ученикам. После поступления на физфак, уже на первом курсе, в холле факультета заметил объявление, где сообщалось, что

начинает работу семинар по физике твёрдого тела под руководством М. И. Каганова и И. М. Лифшица. Там выступали с докладами ведущие учёные Советского Союза, изучавшие современные проблемы этого раздела науки. Стал посещать этот семинар, что тоже очень сильно повлияло на выбор моих приоритетов. На третьем курсе нас распределяли по кафедрам, и я, конечно же, выбрал кафедру квантовой теории и электродинамики, где преподавали М. И. Каганов и И. М. Лифшиц. Их лекции окончательно убедили меня в том, что мой выбор правильный. У меня до сих пор хранится конспект лекций академика И. М. Лифшица по избранным главам физической кинетики. Надо отметить, что и М. И. Каганов удивительно хорошо читал лекции — для меня он стал идеалом лектора. Когда пришло время выбирать научного руководителя, я обратился к Моисею Исааковичу. Он порекомендовал мне одного

физика из другого вуза. Мы встретились, поговорили. Но в итоге, так как этот учёный не работал на факультете, я снова обратился к Моисею Исааковичу и попросил взять меня к себе. Он ответил, что в этом случае я должен сдать теоретический минимум по математике и физике, который разработал Лев Давидович Ландау. Дал программу и сказал, к кому обратиться в Институте физических проблем имени Л. Д. Ландау. Я начал готовиться к экзаменам по теореминимуму. Но при разговоре Моисей Исаакович меня спросил, куда бы я хотел распределиться после окончания физфака. Сказал ему, что приехал с Урала и, конечно же,

хотел бы попасть в Свердловск, поближе к родителям. Он пообещал поискать мне руководителя, связанного с научными организациями в Свердловске. Через некоторое время сообщил, что нашёл такого человека. Это был Владимир Григорьевич Шавров из Института радиотехники и электроники АН СССР, который повлиял на мою дальнейшую судьбу. С 1976 года я писал дипломную работу под его руководством.

— **Что вы исследовали?**

— Областью моих научных интересов под руководством В. Г. Шаврова стала физика магнитных явлений. Он был и есть теоретик, так что и я стал теоретиком. В отличие от первопринципных методов, которые требовали знания программирования и работы с мощными ЭВМ, В. Г. Шавров занимался аналитическими вычислениями. Для них нужны были только книги, бумага и авторучка. Так и я стал заниматься аналитическими вычислениями, конкретно — исследованиями магнитоупругих волн в области так называемых ориентационных фазовых переходов. Работа была успешной, по её результатам были опубликованы тезисы и статья в сборнике международной конференции в Польше. На защите дипломной работы в декабре 1977 года присутствова-

ли М. И. Каганов и И. М. Лифшиц, которые высоко её оценили. Мне, конечно же, было приятно слышать их слова.

— **Как дальше строилась ваша научная карьера?**

— Мне повезло, что не попал в Советскую армию. Призывали только часть студентов из каждой выпускной группы. Выбор, кого призывать, был оригинальным: в одной группе брали выпускников из верхней части алфавитного списка, в другой — тех, кто был внизу. Мы попали под второй вариант. По совету В. Г. Шаврова я решил поступать в аспирантуру физфака МГУ, конечно же, к научному руководителю Моисею Исааковичу Каганову. Конкурс в аспирантуру был большой, проходили только те, кто сдал все вступительные экзамены на «отлично». Я набрал меньше баллов из-за того, что не понимал политэкономии марксизма-ленинизма. Мне предложили целевую аспирантуру. На выбор предлагались филиалы МГУ в Ульяновске и Севастополе, а также созданный недавно Челябинский госуниверситет. Я, конечно же, выбрал ЧелГУ, так как это ближе к родным местам. Для поступления требовалось направление от университета, и я впервые, в марте 1978 года, приехал в Челябинск. Меня приняли ректор Семён Егорович Матушкин и про-

ректор Александр Арсентьевич Голиков. Познакомившись со мной, они направили меня к физiku Георгию Васильевичу Клещёву. Он сказал, что после аспирантуры смогу возглавить кафедру теоретической физики. В аспирантуре продолжал успешно работать с В. Г. Шавровым. Контактывал и с М. И. Кагановым, который был моим официальным научным руководителем. Посещал семинары, проводимые им для аспирантов. В результате была подготовлена кандидатская диссертация и в апреле 1981 года на семинаре М. И. Каганова представлена к защите. В мае 1981 года приехал в Челябинск, устроился на работу ассистентом кафедры физики. Диссертацию защитил только через год из-за того, что был на удалении от МГУ. К тому же, В. Г. Шавров пытался получить в Президиуме АН СССР право официального руководства моей диссертацией: это требовалось, так как он был тогда кандидатом наук.

— **Ощущаете преемственность профессиональных, научных подходов, характерных для физического факультета МГУ?**

— Конечно! Стараюсь следовать тем принципам, которых придерживались мои учителя. Владимир Григорьевич Шавров ко мне до сих пор обращается в письмах и разговорах на «вы». И я в общении со всеми

моими учениками и студентами придерживаюсь этой традиции. На «ты» только с теми коллегами, с кем установились дружеские отношения.

— **Каковы были первые впечатления от ЧелГУ?**

— Меня после устройства на работу почти сразу же, в начале июня 1981 года, с группой преподавателей и сотрудников направили на прополку моркови в совхоз. Жили мы в каком-то клубе, точно не помню. Рядом со мной на соседних кроватях размещались Олег Николаевич Дементьев и Виктор Сергеевич Суров (сегодня они — доктора физико-математических наук с профессорскими званиями, по-прежнему работают в нашем университете). Этот выезд позволил мне влиться в коллектив физиков и математиков, познакомиться со многими сотрудниками и после этого чувствовать себя в ЧелГУ почти своим. Ещё запомнилось, что на начало 80-х приходится мой первый опыт преподавания. При ведении занятий придерживался тех же методов, которые видел в МГУ. В 1985 году ко мне пришёл заниматься наукой первый ученик — Игорь Валерьевич Бычков. Сейчас он — доктор физико-математических наук, профессор.

— **Не было ли ощущения того, что из центра научной мысли, коим является Московский государственный университет, вы переместились в глубокую провинцию? Что в те годы служило для вас мотивацией?**

— После МГУ было тяжело. Чувствовал себя одиноким. Не с кем было обсудить научные идеи

и мысли. Но я старался общаться с В. Г. Шавровым письмами. Тогда их отправляли обычной почтой, и наш диалог вёлся с разрывами во времени. Самостоятельно и совместно с В. Г. Шавровым продолжал решать научные задачи в области физики магнитных явлений. Ректорат помогал с командировками, и я ездил на Всесоюзные конференции, общался с учёными. Это сохранило мотивацию заниматься наукой. Кроме того, существовала практика повышения квалификации в ведущих вузах. Один раз в пять лет преподаватель уезжал на курсы, которые длились в течение семестра. Я ездил, конечно же, в МГУ. Было это в 1986 и 1991 годах. Это позволило мне более тесно сотрудничать с В. Г. Шавровым и другими физиками. Также в 1986 году в школе физиков-теоретиков «Коуровка» под Свердловском я познакомился с сотрудником кафедры низких температур и сверхпроводимости физфака МГУ А. Н. Васильевым. Работа с ним вылилась в ряд значимых научных статей. Он же мотивировал меня к написанию докторской диссертации.

— **О вас рассказывают, что вы поощряете в своих студентах, учениках проявление самостоятельности. Следует ли устанавливать её пределы?**

— Нет, не следует. И как меня учил В. Г. Шавров, надо принимать любые идеи, решения, задачи от учеников, пусть даже они неправильные. Это помогает им развивать научное мышление. Самое главное, своим личным примером пробудить интерес студентов и аспирантов к занятиям наукой. У некоторых из них загораются глаза, когда

они видят, как к тебе при общении на различных научных мероприятиях относятся другие учёные. Это стимулирует их.

— **Какие черты, на ваш взгляд, должны быть присущи науке современного вуза? Что из этого вам удалось актуализировать или внедрить в тот период, когда вы были деканом физического факультета и проректором по науке ЧелГУ?**

— Очень сложный вопрос. В течение 2007–2019 годов университету удалось значительно обновить оборудование, которое позволяет проводить современные исследования как теоретического характера (современный вычислительный кластер), так и в экспериментальном направлении (современные исследовательские установки). Трудности возникают из-за недостатка финансирования, и это связано не только с возможностями университета, но и, на мой взгляд, с политикой Минобрнауки, Правительства РФ. Хотя они сейчас работают в этом направлении. Но никто не будет «вливать» финансы в каждый из вузов Челябинской области одновременно. Это политическая ситуация, и её надо решать.

— **Как складывается профессиональная, научная судьба ваших учеников?**

— Их так много, что рассказать обо всех будет сложно. Вы все знаете И. В. Бычкова, проректора по научной работе. Или С. В. Таскаева, ректора университета. У них уже есть свои ученики, защитившие диссертации. Одним из значимых моих учеников является Алексей Заяк, который сейчас работает преподавателем в Университете Боулинг-Грин, в США. Ещё одним учеником был С. О. Босько, который сейчас работает в Германии. Сегодня на кафедре физики конденсированного состояния, кафедре радиофизики и общей и прикладной физики ЧелГУ работают доцентами доктор физико-математических наук В. В. Соколовский, кандидат физико-математических наук М. А. Загребин (в июне 2021 года защитил докторскую диссертацию), О. О. Павлухина, О. Н. Мирошкина (получила постдокторскую позицию в Университете Дуйсбурга — Эссена в 1920 году), А. П. Анзулевич, Л. Н. Бутько. Физиков из ЧелГУ знают во всём мире.

Профессор Г. А. Завьялов, вступительные экзамены, 1976 год

Физики, В верхнем ряду слева В. А. Бурмистров

Т

атьяна
Александровна, вы
окончили
Саратовский

государственный университет — вуз с более чем вековой историей. Именно это определило ваше отношение к фундаментальному знанию, понимание культуры университета?

— Саратовский университет, несомненно, оказал на меня огромное влияние. Благодаря ему формировалась как преподаватель, личность. Это был географический факультет...

— Почему именно он?

— Когда выбирала специальность, мне сказали, что в СГУ есть факультет, где много выездной практики — на Карельском полуострове, в Средней Азии, на Кавказе. Я в душе путешественница. Росла в городе не очень большом, не путешествовала до 18 лет. Возможность видеть новые места и определила выбор. В годы студенчества Кавказ пешком прошла. При этом, поступив, интуитивно выбрала региональную экономику — направление, которое изучает, как особенности территории формируют её экономическую структуру. И встретила с уникальными преподавателями. Куратором нашей группы был Эрнест Львович Файбусович. Доктор наук, сам истинный ленинградец. Но после окончания вуза его распределили в Якутск, потом он переехал в Саратов. Всю свою культуру, питерскую, врождённую, он воспитывал в нас. Водил в театры, рекомендовал что посетить, устраивал прослушивание пластинок классической музыки. И система подготовки была такой классической, университетской! Даже свою первую курсовую работу мы писали и защищали по-настоящему.

Т. А. Верещагина: Без духовной составляющей личности экономика немыслима

Подготовила
Валерия Гриднева

С Татьяной Александровной Верещагиной, два десятилетия возглавлявшей экономический факультет ЧелГУ, говорим о роли человечности в экономике, нелёгких преобразованиях 90-х и о том, почему важно быть «студенческим деканом».

Ещё преподавала у нас Миронова Елизавета Всеволодовна. У неё московское образование. Культура этих преподавателей для меня бесценна. Пути потом разошлись. Я переехала жить в Челябинск. Эрнест Львович по истечении времени оказался в Петербурге. Сейчас ему уже за 85. Совершенно недавно, где-то год назад, увидела с ним большое интервью. И подумала: «Боже мой, у каких людей я училась!» Помню, уже работая в Челябинске и будучи в командировке в Петербурге, зашла в экономический университет имени Вознесенского на набережной канала Грибоедова. Первый человек, которого там увидела, был Эрнест Львович. Он меня узнал через столько лет! Пригласил на стажировку.

— **У вас репутация человека, который привнёс на факультет экономики нечто... очень гуманное. Вы знали нужды каждого преподавателя, знали по именам всех студентов, интересовались, в каких условиях они живут. Всё это петербургская, московская, саратовская школа?**

— Несомненно! И это состояние души. Просто очень люблю людей. Какое-то удивительное свойство: если человеку больно, то больно и мне. Никогда не хотела причинять боль людям. Всегда в них верю, и они стараются меня не подвести. Нужно быть внимательным к людям, к словам, которые к ним обращаешь. Слово может разрушить, но может и вдохновить. Так вот, надо вдохновлять! Особенно студентов. Казалось бы, должна их учить,

воспитывать. А я всегда сама очень многому училась у них. И очень их всех любила. Они это знали!

— **И пользовались.**

— Ну да, где-то пользовались. Знали, что Верещагина отругает. Отругать могла так, что даже парни плакали. Но они знали, что это справедливо, не обижались на меня. Но если нужно было не подвести факультет и декана, они все горой вставали. Мне отчаянно повезло, что я на факультет попала, когда здесь руководил и создавал атмосферу Александр Арсентьевич Голиков, человек очень интеллигентный, масштабный. Горшков Александр Владимирович тоже был интеллигентом до мозга костей! Была Лариса Архиповна Кузнецова, которая приходила ко мне домой, чтобы активизировать меня. И мы ночами сидели, составляли план кандидатской диссертации. Она помогала мне: «Ты пришла сюда работать — будь добра». Среда на факультете традиционно была очень интеллигентной, демократичной. Требовательность сочеталась с добротой, поддержкой, заинтересованностью в том, чтобы ты рос, развивался. Ещё была одна личность, с которой я во многом брала пример, — декан филологического факультета Галина Яковлевна Шишмаренкова. Она тоже известна как декан студенческий.

— **Вы работали не только со студентами, но и со школьниками в рамках проекта «Точки роста Чесменского района».**

— Да, это очень интересный и зна-

чимый проект! Его идея родилась в 2009 году. В ЧелГУ проходила конференция «Университетские чтения». Приезжал академик Александр Иванович Татаркин. Ректором тогда был Валентин Дмитриевич Батухтин. Участвовал в чтениях и глава Чесменского района Виктор Григорьевич Литовченко. А Александр Иванович как раз родом из Чесменского района, из села Порт-Артур. И вот проректор нашего университета Василий Николаевич Севастьянов говорит: «Не организовать ли в Чесменском районе научный проект со школьниками?» Подошли с этой идеей к Татаркину и Литовченко, они сказали — да.

Татьяна Александровна Верещагина в 1974 году окончила Саратовский государственный университет с квалификацией «Географ. Преподаватель географии». Кандидат экономических наук, доцент. Преподаваемые дисциплины: экономическая география и регионалистика, региональная экономика, экономика образования, мировая экономика, антропология, социально-демографические основы социальной политики. Много лет возглавляла экономический факультет ЧелГУ.

— **В чём именно заключалась эта работа?**

— Школьники выступали с презентациями своих проектов «точек роста» Чесменского района. Пытались их экономически обосновать. Было много идей, связанных с сельским хозяйством. А одна девочка, помню, убедительно обосновала строительство моста для встреч и прогулок селян. Александр Иванович Татаркин приезжал каждый год, возглавлял жюри, вручал призы победителям. Сейчас в жюри входит его сын, в качестве почётного гостя приезжает вдова Александра Ивановича не стало в 2016 году. Созданный при его участии проект стал брендом территории.

— **Экономика — это в большей степени про цифры (показатели, статистику) или про людей?**

Рабочий визит в университет прикладных наук Форарльберга (Австрия), 2018 год

— Прежде всего про людей, потому что предпочтения людей, их потребности определяют, что производить, в каком объёме, какого качества. Цифры — нечто вспомогательное. Они отражают ход развития человеческого общества, показывают, туда ли мы идём или нужно вносить какие-то коррективы.

— **Ход развития определяет тот, кто производит, или тот, кто озвучивает потребности, запрос?**

— Вечный спор! И вот здесь цифры значимы, потому что, как говорил один из академиков, повышение производительности труда зависит от уровня образования человека. Чем выше образование, тем выше производительность. Это статистически доказано.

— **В чём суть доказательства?**

— Без духовной составляющей человека, его возможностей, его грамотности, его квалификации, его добросовестности, моральных, психологических качеств — невозможен успех в производственной сфере. Стратегию развития производства определяют потребности человека и его возможности.

— **Классика!**

— Да, но не устаревшая! Мы со студентами часто говорим на тему цифровой экономики, цифровой жизни. С ужасом думаю — как это: сесть в автомобиль, который управляется не человеком. Но, в конечном счёте, всё будет цифровым. А это «цифровое», этот разум должен кто-то создавать. А кто, как не человек с его духовным началом?

— **Когда вы говорите о соотношении материального, социального и духовного, всё-таки имеете в виду производителя — человека, который создаёт продукт. Но когда человек после рабочего дня входит в магазин, он становится потребителем. Своими покупками он формирует определённую потребительскую культуру. Эта культура влияет на эффективность экономической модели общества в целом?**

— Да. И если мы через образование, через возможности его получать будем формировать потребности людей — это повлияет и на структуру общества, на то, что именно мы должны производить и какого уровня качества.

— **Кстати, про возможности. Вопрос к вам как к экономисту и человеку, возглавлявшему факультет. Есть ли объективные условия для того, чтобы плату за обучение в вузе взимать не только со студента и его семьи, но хотя бы часть перераспределять между государством и работодателем?**

— Образование — вещь затратная. Нужно сформировать механизмы, которые облегчат возможность за него платить. Выстроить реальные отношения между банками и вузами, техникумами, колледжами. Пусть человек берёт беспроцентную ссуду, оплачивает образование, потом эту сумму возвращает. Государство могло бы выступить гарантом такого взаимодействия. У меня вообще есть идея — всех принимать на платной основе, а потом давать гранты (в том числе государственные) на обучение тем, кто хорошо учится. По-моему, такая система действует в некоторых вузах за рубежом. Но это революционная мысль, которая пока не рассматривается. В Советском Союзе государство полностью оплачивало образование. Но выпускник должен был

А. А. Егорова и Т. А. Верещагина

несколько лет отработать в той точке страны, куда его направят. Из-за этого возникало напряжение в обществе и каждой отдельной семье, ломались судьбы...

— Будучи состоявшимся профессионалом, вы наблюдали, как социалистическая модель сменялась рыночной не только в сфере образования. Что значимого для экономики Челябинской области в процессе этого перехода отмечаете в качестве важного? Как эти особенности проявляются сейчас?

— Это вопрос не для прежнего декана, а для губернатора...

— ...для члена правления Южно-Уральской торгово-промышленной палаты?

— Я уже не член правления торгово-промышленной палаты, но была лет десять, очень давно. Перестройка экономики очень нелегко далась нашему региону. Челябинская область исторически сложилась как классическая старопромышленная территория. Более 80 процентов экономики составляли отрасли тяжёлой промышленности.

— В этом уязвимость?

— Когда-то это обеспечивало преимущество. Мы — регион, который по показателям был ведущим после Москвы, Ленинграда, Свердловска. В условиях государственной экономики мы — в числе лидеров. И вот в 80-е — начале 90-х меняется вектор развития. Появились другие приоритеты. Машины, станки, оборудование в том большом количестве, в каком их производили мы, стали не нужны. Мир открылся, и там, за рубежом, промышленность уже давно была сориентирована в сторону не столько государства, сколько быта людей — на производство легковых автомобилей, бытовой техники. Той, открытой, экономике уже не нужно было столько тяжёлых тракторов, танков... При этом подготовка кадров на Южном Урале была просто идеально заточена именно на тяжёлую промышленность. И вдруг остановилось всё. Не выплачивались зарплаты, сокращалось производство, была безработица. Но старый директорский корпус сделал великое дело. Руководители многих предприятий Южного Урала не увольняли людей, а отправляли в отпуска:

заводчане чем-то начинали себя занимать, искать заработок.

— И это были кадры с высокой квалификацией?

— Таких было очень много. В то время я получила европейский грант и постоянно ездила в столицу на стажировку. Поезд был заполнен женщинами (многие с высшим образованием, кандидаты и доктора наук), которые с сумками ехали в Москву на рынки. Этот «челночный бизнес» — перевозка и перепродажа товаров — позволял выживать.

— В чём проявилась роль директоров предприятий (ещё вчера советских), которую вы оцениваете как «великое дело»?

— В том, что они людей не увольняли. Люди по-прежнему чувствовали свою психологическую причастность к родному заводу, его статусу (мы же всегда были в числе передовиков). Это удерживало мысль: трудности надо пережить, всё наладится. Начал развиваться малый бизнес, банки — люди-то у нас талантливые, образованные! Торговля стала стремительно расти, прилавки наконец-то заполнились — уже не нужно было ехать в Москву, чтобы себе какую-нибудь приличную вещь купить. Стихийно, неуправляемо южноуральцы сами выкарабкались из сложной ситуации.

— Подобное, если не хуже, происходило по всей территории бывшего СССР.

— Да, но мы очень сильно были связаны с оборонным сектором, и это при резкой смене экономических приоритетов наше положение усугубляло. Вторая проблема — малые моногорода. Они исторически выстроились вокруг заводов, которые обслуживали города большие. И это тоже тяжёлая промышленность. Помню, мэры этих городов, когда мы собирались в Законодательном собрании области обсуждать эти вопросы, просили дотаций, чтобы как-то людей поддержать. Благодаря мощному промышленному потенциалу и в целом эффективному административному ресурсу Челябинская область успешно справлялась с перестройкой экономики.

— Справлялась всё-таки благодаря или вопреки тяжёлой промышленности, продукция которой

оказалась никому не нужна?

— Понимаете, даже несмотря на то, что промышленный сектор региона был уязвим в условиях рынка, в советский и досоветский периоды он позволил объединить интеллектуальные ресурсы людей. Именно люди в новых рыночных условиях стали драйвером осмысленной инициативности и за счёт этого смогли выстоять и перестроиться.

— Что, на взгляд специалиста, представляет собой экономика области сегодня?

— Пока остов нашего бюджета — металлургическое производство, и металл наш конкурентоспособен. Наряду с этим развились торговля, ресторанный бизнес, гостиничный... Есть туристические ресурсы, на которые долго не обращали внимания, а сейчас начали развивать, и очень успешно. И это результат экономической перестройки. Традиционно Челябинская область была глубоко континентальной территорией. И вдруг, в начале 90-х, мы становимся приграничным регионом. В связи с этим тоже возникали болезненные вопросы, которые требовалось решать. Но в итоге сегодня мы имеем просто уникальный геополитический, интеллектуальный и административный потенциал! Перспективы развития экономики области просматриваются хорошие.

— Неужели нет серьёзных рисков?

— Фактором риска для Челябинска, к сожалению, стала экология. И это очень обидно! Люди, особенно молодые, реально напуганы сложившейся ситуацией и уезжают. Мы со студентами недавно рассматривали статистику. Население Краснодар за последние годы увеличилось на 100 тысяч человек. А наша область теряет население, в том числе и вследствие миграции. Главные направления, куда от нас уезжают, — Краснодар, Калининград, Москва и Санкт-Петербург. А ведь именно люди — тот потенциал, который никогда не позволял Южному Уралу быть в числе отстающих.

— В период экономической трансформации, о которой вы только что говорили, как менялось отношение к образованию, к факультету?

— О, это отдельная история! В Советском Союзе экономи-

ческие специальности и вузы существовали, но они никогда не были, как бы сейчас сказали, «раскрученными в массах». Тогда на взлёте были математики, физики, биологи. Помню, мы открыли на факультете две, казалось бы, ненужные специальности (они были только в нашем вузе): «финансы и кредит», «бухгалтерский учёт и аудит». И то лишь на заочном отделении. Идёт приёмная кампания, тогда бюджет был везде, на всех специальностях очного и заочного отделений. Остаются незаполненные бюджетные места на новых специальностях «финансы» и «бухучёт». Я, как человек, набирающий студентов, начинаю агитировать, чтобы люди, не прошедшие по конкурсу на традиционное для нас «социальное планирование», пошли учиться на финансистов и бухгалтеров. Туда их загоняла просто, умоляла поступать, люди плакали, правда, соглашались. И вот проходит меньше года. Начинаются экономические преобразования. Как грибы после дождя появляются банки, малые предприятия, аудиторские фирмы — всем нужны специалисты, а их не хватает. Особенно потребовались как раз бухгалтеры и финансисты. Тех, которых я «заталкивала» на первый курс, сразу же все фирмы начали нарасхват к себе зазывать. Через год-другой они, ещё не окончив вуз, стали руководителями.

— Вы сделали верную ставку.

— Да. Конкурс абитуриентов на специальности у нас вырос просто умопомрачительно! Мы получили право принимать на договорной основе, и помню времена, когда по договору на первый курс мы набирали по 200 человек. Одновременно уменьшилось бюджетное финансирование высших учебных заведений, и многие из вузов пошли по пути такого хаотичного открытия финансово-экономических специальностей. Именно это сейчас является одной из главных причин перенасыщения рынка труда экономистов.

— Для ваших выпускников это проблема?

— Нет. Во-первых, идёт естественная сменяемость кадров в компаниях и предпринятиях. Во-вторых, имеет значение качество подготовки, а оно у нас всегда было на достаточно высоком уровне.

— Как это качество удавалось обеспечить, особенно на заре преобразований? Вы упомянули, что в СССР экономисты были неприметны. Была ли научная школа, способная адаптироваться к новым условиям?

— Советская научная экономическая школа подготовила прочную базу, которая, конечно же, сыграла свою роль. Фундаментальные, базовые законы универсальны — действуют и при социализме, и в условиях рынка. Экономический факультет ЧелГУ всегда этим был

О. С. Лямина, Т. А. Верещагина, А. С. Ваганова

силён. На основе базового научного фундамента мы меняли дисциплины, уходили от подготовки экономистов для государственных структур и учили бухгалтеров, аудиторов для бизнеса. Неважно, в советской системе или любой другой подготовлен экономист, он прежде всего экономист. Такими были основатели факультета. Наши легенды — Александр Арсентьевич Голиков, Александр Владимирович Горшков, Валентин Владимирович Седов, вся наша профессура. Они были готовы к восприятию новых тенденций и помогли нам на ходу переучиваться. Уровень подготовки экономистов в нашем вузе отмечали везде, включая столицу. Своих успешных ребят на третьем курсе посылали на стажировку в финансо-

вую академию в Москву, чтобы они потом возвращались к нам в качестве преподавателей. Но ребята были настолько хорошо подготовлены, что их не отпускали обратно.

— Вы сожалели об этом?

— Радовались за них! Хотя это был очень сложный период: для факультета снижали финансирование, усиливалась система надзора над образованием, которая предъявляла свои объективные требования к обеспечению подготовки кадров. Кандидатов наук должно было

быть не менее 50 процентов от состава преподавателей, докторов — не менее пяти процентов. Именно в это время наш факультет активизировался, мы открыли совет по защите кандидатских диссертаций. Поняли, что самое разумное — оставлять наших ребят, учить их, готовить самим преподавательские кадры. И вы знаете — у нас получилось! Многие нынешние руководители заведующих кафедрами, декан — наши выпускники, с нашими традициями, нашим базовым образованием. Мы их стажировали в Москве, Санкт-Петербурге, за рубежом. Они выросли в грамотных специалистов рыночного толка. И вот эта традиция профессионального, личностного роста на нашем факультете продолжается.

Е

лена Иосифовна, вы не только авторитетный учёный ЧелГУ, но и его выпускница. Почему выбрали в 80-е годы только набирающий обороты молодой университет, а не отдали документы, например, в уже известный своими преподавателями и научными школами Челябинский педагогический институт?

— У меня был непростой путь в университет... С выбором вуза определилась ещё в школе, но поступила сюда лишь с третьего раза. В седьмом классе мы услышали об открытии ЧелГУ и заинтересовались: само название «университет» нагружено положительными ассоциациями (вспомним университет имени Ломоносова). С начальной школы я писала сказки, сочиняла истории, записывала свои наблюдения. А когда к нам в класс пришла учитель русского языка и литературы Ирина Константиновна, заменявшая нашего заболевшего преподавателя, я полностью увлеклась русским языком: мы взахлёб соревновались на уроках, кто быстрее подберёт однокоренные слова, продолжит синонимический ряд, приведёт антонимы... Именно тогда и определилась с выбором профессии. Окончив школу, подала документы на филологический факультет ЧелГУ, но при поступлении не добрала полбалла. В то время учитывался средний балл аттестата, который у меня был на уровне 4,5 (он снизился в старших классах из-за моего увлечения театром — я занималась в театральной студии «Товарищ» во Дворце пионеров имени Н. К. Крупской, и учёба отошла на второй план). Забирая документы, обратила внимание на энергичную женщину, которая там же, в ЧелГУ, настойчиво приглашала поступить в СГПТУ № 65

Е. И. Голованова: Филология помогает понять ценности и жизненные установки

Подготовила
Анастасия
Куренкова

Доктор филологических наук, профессор, мама троих детей, бабушка для пятерых внуков Елена Иосифовна Голованова знает, как гармонично сочетать преданность семейным ценностям и служение науке.

и получить профессию «машинистка-стенографистка со знанием основ делопроизводства и обязанностями секретаря». В программе был русский язык, и я подумала, что это хороший способ переждать год до следующего поступления, поэтому подала документы в это училище. Окончила его с отличием. Именно в училище впервые услышала имя Людмилы Александровны Шкатовой. Наш преподаватель русского языка Людмила Георгиевна Сотникова организовала встречу с ней, но по каким-то причинам Людмила Александровна прийти не смогла, и мы слушали её выступление в записи. Тогда я ещё больше утвердилась в своём желании поступать в университет.

Но во второй раз снова не набрала заветные полбалла и осталась работать в ЧЕЛЯБГИПРОМЕЗе (Челябинский государственный институт по проектированию металлургических заводов), где проходила практику в училище. Приняли меня на должность чертёжника технического отдела и уже через полгода повысили до чертёжника-конструктора, а выполняла я обязанности секретаря. Работалось интересно, в окружении большого коллектива в здании на самой высокой точке города, здесь я активно занималась общественной работой, пела в вокальном ансамбле и даже удостоилась поездки в Юрмалу. Начала задумываться, нужно ли мне поступать в ЧелГУ. Сомнения раз-

вела Людмила Георгиевна Сотникова, с которой я случайно встретилась на улице: «Обязательно поступай!». Как ни странно, именно в 1982 году вышел указ правительства о том, что диплом об окончании среднего специального учебного заведения приравнивается к аттестату с золотой или серебряной медалью, то есть таким абитуриентам давалось право сдавать один экзамен. Я успешно сдала русский язык и литературу устно. Принимала его Любовь Игнатьевна Миночкина, которая внимательно меня выслушала, а потом ушла совещаться с кем-то. Поставили пятёрку. Два года моей подготовки, конспектирования справочников, учёбы на подготовительных курсах не пропали даром. И вместе с другими отличниками я уехала в колхоз.

— Наверняка помните своих первых преподавателей. Кто произвёл наиболее яркое впечатление?

— Конечно же, Людмила Александровна Шкатова. Она сразу привлекла к себе внимание. Людмила Александровна умеет увлечь и заговорить своей речью: её слушаешь, и сразу хочется идти вместе с ней и чем-то важным заниматься. Она преподавала у нас современный русский язык. К экзамену лучшим студентам была дана возможность подготовить спецвопрос, и я выбрала тему «Паронимы в русском языке». Удивительно, но эта тема сопровождает меня всю жизнь: студенткой читала лекцию на практике в средней школе, будучи преподавателем, написала несколько научных статей, впоследствии одна из моих аспиранток, Елена Демидова, защитила диссертацию по паронимии в научном тексте (сегодня она работает начальником отдела лингвистической экспертизы в администрации Челябинской области). Наталья Алексеевна Новосёлова вела у нас практические занятия по старославянскому языку. Как преподавателя её отличала глубокая внутренняя культура и интеллигентность. Со второго курса я писала под её руководством курсовые, а потом и дипломную работу. Наталью Алексеевну в качестве наставника посоветовала мне Александра Яковлевна Каташева, читавшая нам историю русского литературного языка. А монография Федота Петровича Филина «Истоки и судьбы

русского литературного языка», взятая в библиотеке по её рекомендации, стала первой научной книгой, которую я законспектировала. Вместе с Натальей Алексеевной мы анализировали скорописные тексты XVIII–XIX веков из Челябинского областного архива, исследовали семантику страдательных причастий. Очень многое в этой работе я получила от общения с признанными учёными-лингвистами Геннадием Андреевичем Турбиным и Лидией Андреевной Глинкиной (Геннадий Андреевич читал у нас лекции по старославянскому языку, а с Лидией Андреевной я познакомилась на третьем курсе, когда участвовала в заключительном туре Всероссийской олимпиады по русскому языку в Ленинграде). А много позднее, в 1995 году, мы с Натальей Алексеевной в один день защитили кандидатские диссертации на первом заседании открытого в ЧелГУ диссертационного совета по филологическим наукам. Из литературоведов не могу не выделить Марка Иосифовича Бента, который вёл у нас весь курс зарубежной литературы, от «антички» до современности. Вообще, надо сказать, что на нашем филологическом факультете было невероятное созвездие учёных: Владимир Фёдорович Житников, Вячеслав Павлович Тимофеев, Александр Иванович Лазарев, Константин Глебович Исупов, Галина Яковлевна Шишмаренкова. Тогда мы думали, что в пединституте работают сильные языковеды, а в ЧелГУ сильнее литературоведы. Сейчас, как мне кажется, ситуация изменилась: у нас в университете очень сильная лингвистическая составляющая, только на нашей кафедре работает четыре доктора наук, да ещё на кафедре русского языка и литературы Людмила Александровна Месеняшина (и это историко-филологический факультет, а есть ещё факультеты лингвистики и перевода, Евразии и Востока, где работают прекрасные лингвисты).

— Чем запомнились студенческие годы?

— Не только встречами с талантливыми учёными и педагогами, но и общением с будущими коллегами по цеху. Например, ещё в колхозе я подружилась с Мариной Шишмаренковой [ныне профессор ЧелГУ Марина Викторовна Загидуллина], все пять лет мы учились

в одной группе. В фольклорной экспедиции после первого курса, руководителем которой был Вячеслав Александрович Михнюкевич, я встретила своего будущего мужа — Игоря Анатольевича Голованова. Сейчас он профессор кафедры литературы в Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете, где

трудится уже более 30 лет. Поженились мы, когда я была на втором, а он на третьем курсе. За университетские годы в нашей семье появилось двое детей. Было непросто, конечно, совмещать учёбу и семейную жизнь (академических отпусков мы не брали). Приходилось подрабатывать и мужу, и мне: на втором курсе трудилась секретарём на рабфаке, позднее набирала сборники статей для Александра Ивановича Лазарева, в том числе по материалам Бирюковских чтений (вот где пригодился мой слепой десятипальцевый метод печати на машинке!). Когда наша семья из студенческой перешла в статус аспирантской (нам с мужем в один год предложили места в очной аспирантуре — ему по фольклорис-

тике, а мне по русскому языку), поддержка мужа была особенно ценной. На семейном совете решили, что я буду защищаться первой, а муж продолжит преподавать.

— Как пришло понимание, что хотите остаться преподавателем в ЧелГУ, начать заниматься наукой?

— К науке у меня сразу возник интерес — со второго курса выступала на научных конференциях, с Натальей Алексеевной Ново-сёловой работала над совместной научной статьёй. А первые индивидуальные публикации появились в 90-м году. После окончания вуза, когда сыну исполнилось полтора года, я пришла в университет на кафедру русского языка к Людмиле Александровне Шкатовой (она тогда была заведующей кафедрой), и меня приняли на работу старшим лаборантом.

— Помните первый день в качестве сотрудника вуза?

— Это был август 1988-го. Мы пришли работать в один день с Еленой Николаевной Квашниной

Елена Иосифовна Голованова, ведущий российский терминолог. С 2013 года является членом Терминологической комиссии при Международном комитете славистов. Много лет проработала в комиссии по научной и инновационной деятельности Учёного совета ЧелГУ. В 2003 году возглавила созданное в Челябинске региональное отделение Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК), с 2006 года является членом Президиума РАЛК. С 2005 года руководит межвузовским теоретическим семинаром по когнитивной лингвистике, работающим на постоянной основе. Выступила организатором ряда крупных научных форумов — всероссийской конференции, научного семинара по программе повышения квалификации, пяти международных конференций «Языки профессиональной коммуникации» и первого в Челябинске Международного конгресса по когнитивной лингвистике. В 2019 году была выдвинута Учёным советом ЧелГУ кандидатом в члены-корреспонденты РАН по Отделению историко-филологических наук.

(тогда она была Червоткиной), её приняли лаборантом кафедры. Кстати, читая биографии многих известных учёных, я поняла, что почти все они начинали с должности лаборанта или младшего научного сотрудника, редко кто сразу начинал преподавать, придя в университет.

— Ваши научные интересы достаточно широки: от когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения до лингвофольклористики. Какими исследованиями сейчас занимаетесь?

— Круг моих научных интересов остаётся прежним. На первом месте сейчас изучение субстандартной профессиональной лексики: профессионализмов, профессиональных жаргонизмов. Вместе со студентами и аспирантами накапливаем лингвистический материал. От любимой терминологии я тоже далеко не отхожу: пишу доклад о проблемах гармонизации современной лингвистической терминосистемы. Давно назрела проблема упорядочения нашего метаязыка. Ведь лингвистика в последние десятилетия очень интенсивно развивается, появилось множество новых терминов, сформировались новые научные школы. Наша наука нуждается во внимательном и заботливом терминологическом изучении.

— Почему вам нравится терминоведение?

— Начинала я как историк русского языка, потом писала кандидатскую по терминологии уральских горных заводов XVIII–XIX веков, докторская была посвящена истории формирования системы наименований

лиц по профессии в русском языке, большая часть которых также была терминами. Терминология — это то, что всегда находится в центре внимания специалистов, какую бы область знания мы ни взяли. Терминологические словари изданы по всем без исключения областям деятельности. А изучать терминологию можно в любом лингвистическом аспекте, это, наверное, и привлекает.

В когнитивную лингвистику я пришла, можно сказать, случайно. В 1998 году отправила свои материалы на первую школу-семинар по когнитивной лингвистике в Тамбове, и, к моему удивлению, ничто не помешало мне туда поехать (и зав. кафедрой, и декан, и проректор по научной работе подписали командировку, хотя время было «жадное» на финансирование). И там, в Тамбове, благодаря выступлениям Елены Самойловны Кубряковой, родоначальника когнитивной лингвистики в России, и непосредственному общению с ней и её коллегами, мои научные горизонты необычайно расширились (надо понимать, что это было за время — конец 90-х, когда казалось, что умирает и русский язык, и русская культура, и русская наука). Потом были ещё школы-семинары, были конгрессы, крупные научные конференции лингвистов-когнитологов, и все они проходили в Тамбове. Вторым городом, которому доверили провести международный конгресс по когнитивной лингвистике, стал Челябинск (после нас уже были Санкт-Петербург, Москва, Белгород, Нижний Новгород). И мы по праву можем этим гордиться. Когда языковеды начали заниматься когнитивной лингвистикой,

интерес постепенно переместился с письменной речи на устную. Учёным стало интересно, как человеку за какие-то доли секунды удаётся обработать, переработать полученную информацию, отреагировать на неё. В одном из своих выступлений Елена Самойловна сказала: «Мы летаем в космос, погружаемся в глубины океана, многое знаем о патологиях человека, но до сих пор почти ничего не знаем о том, как в норме мыслит человек». И лучшим доступом к сознанию, как тогда стало понятно, служит язык. Анализируя речь человека, мы можем понять, что он собой представляет, какие ценности важны для него, какая картина мира сложилась у него в голове. То же можно сказать не только об отдельном человеке, но и о группе людей, о целом языковом коллективе, национальном или социокультурном.

Ну вот, например, жаргонизм в аспирантской среде «кирпич». Кирпич — что-то тяжёлое и однородное, а научная работа обязательно структурирована. Поэтому когда о диссертации говорят как о кирпиче — это значит, что она написана, но ещё не готова к защите, потому что не организована, не подверглась структурированию. Другой жаргонизм — «паровоз». Так называют человека, которого можно пригласить оппонентом и надеяться на то, что он тебя «вывезет» на защите. Как правило, это именитый учёный, мнение которого будет весомым для экспертов ВАК.

— Расскажите о вашей научной школе «Когнитивное терминоведение». Как она создавалась? Много ли сейчас последователей?

— Считается, что пять защит кандидатских диссертаций учеников дают основание для того, чтобы говорить о научной школе. В рамках когнитивного терминоведения с 2007 года у меня защитилось 12 человек. Первой была Екатерина Ивановна Минина (Гуреева), выпускница нашего факультета, заочница. Она готовила под моим руководством дипломную работу о спортивной терминологии и на её основе написала диссертацию. Сегодня на эту работу очень часто ссылаются, сама она трудится доцентом кафедры теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ. Интересная диссертация была у Евгении Игоревны Хабировой (Шестаки) о профессионально маркированных фразеологизмах. Это исследование

стало для нас своеобразным открытием: за фразеологизмом, в том числе в профессиональной среде, всегда стоит особое, внеположенное знание. Это уникальная единица, где взаимодействуют доступное обывателю наивное знание и специальное знание профессионала. Сегодня Евгения Хабирова — доцент ЮУрГУ. Алина Юрьевна Епимахова защитила работу по заимствованным наименованиям лиц по профессии, сейчас она заведует кафедрой восточных и романо-германских языков на факультете Евразии и Востока. Моя ученица вывела закономерность, по которой наименования лиц по профессии в современную эпоху заимствуются целыми микросистемами, что подтвердил, в частности, анализ терминологии маркетинга и менеджмента. Так получилось, что у меня больше учеников именно с факультета Евразии и Востока. Работать с китайцами, японистами хоть и тяжело, но очень интересно. На мой взгляд, актуальная работа получилась у доцента кафедры восточных и романо-германских языков Надежды Вадимовны Иванченко. Она защищалась в УрФУ по теме «Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка».

— **В 2018 году вы возглавили открывшийся центр экспертизы ЧелГУ. Много ли сейчас поступает в университет запросов от сторонних организаций, ведомств? Какие экспертизы нужны нашему региону?**

— Сразу после открытия наш центр стал востребованным экспертным учреждением не только для организаций и ведомств Челябинской области, но и для других регионов нашей страны — к нам обращались за помощью из Архангельска, Орска, Екатеринбурга, Москвы, Тулы, Санкт-Петербурга. Могу сказать, что к настоящему времени наши экспертизы завоевали заслуженный авторитет у прокуратуры и органов следствия. Сейчас у центра много работы, поэтому мы вынуждены не на все запросы откликаться. Постоянно проводим лингвистические и компьютерно-технические экспертизы, обращаются к нам за экологической, культурологической, экономической, биологической, физико-технической, психологической и религиозно-педагогической экспертизами. Мы принимаем запросы как от частных лиц, так и от учреждений и организаций.

Отдельный вид экспертиз — судебные, они должны отвечать ряду требований: полноты, объективности исследования, непредвзятости выводов. Заключение эксперта имеет чётко регламентированную федеральным законом о судебно-экспертной деятельности структуру и должно быть понятно неспециалисту. Мы провели целый ряд судебных экспертиз, в том числе комплексных психолого-лингвистических и религиозно-педагогических экспертиз по делам об экстремизме. Наши специалисты имеют опыт участия в судебных заседаниях, что также важно для экспертной деятельности.

Из самых необычных экспертиз, которые мы провели, назову лишь три. Первая связана с установлением наличия семян газонной травы в представленных на экспертизу образцах почвы (к нам в центр привезли пять мешков с грунтом, взятым с определённых участков Челябинска, на которых по контракту должна была быть посеяна газонная трава). Наш специалист-биолог провёл данную экспертизу, и по её результатам было заведено уголовное дело. Необычной была экспертиза изображения (татуировки), заключающаяся в установлении (опровержении) его сходства до степени смешения с нацистской символикой. Специалист-культуролог убедительно доказал, что представленное на исследование изображение имеет ряд принципиальных отличий от указанной символики. По определению Увельского районного суда наш специалист выявлял уровень шума в жилом помещении (в дневное и ночное время) от работы кондиционера одного из предприятий города. Были также экспертизы, связанные с установлением идентичности фамилии в документах, поданных в пенсионный фонд, определением подлинности подписей на китайском языке, выявлением лингвистических признаков принадлежности лица к польскому этносу и многие другие. Это очень интересная и вместе с тем ответственная работа.

— **В конце 2019 года в Челябинской области был создан объединённый диссертационный совет по филологическим наукам под вашим председательством. Насколько сегодня филология востребована как наука? Каковы тренды и тематика научных исследований в этой области?**
— Востребованность филологии

определяется прежде всего тем, что это фундаментальная наука. Она имеет длительную историю развития и глубокие корни, идущие от философии античных времён. Сегодня, как мне кажется, наиболее востребованы исследования, связанные с медиа- и политическим дискурсом, а также направленные на анализ групповой и этнокультурной ментальности, изучение языка в экологическом аспекте. Именно через медийный и политический дискурсы оказывается наибольшее влияние на сознание и картину мира

С 2016 года профессор Голованов входит в топ-100 самых продуктивных российских учёных в области языкознания по данным Российского индекса научного цитирования. Имеет почётные звания «Основатель научной школы», «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Ветеран труда РФ».

конкретного человека. Рядовому пользователю языком довольно сложно понять, какие средства манипуляции применяются в политических текстах, в выступлениях политиков. Свою задачу мы видим в том, чтобы помочь современному человеку справиться с тем количеством информации, которое на него ежедневно обрушивается, дать ему средства оградить себя от различных манипуляций и в конечном счёте сохранить свою индивидуальность и культурную идентичность. Кроме того, теоретическая лингвистика даёт основу для построения различных концепций, связанных с созданием искусственного интеллекта, автоматизированных баз данных, для составления различных словарей, разработки методики экспертной работы. Филология выполняет и другие важные социальные задачи, в частности, она способствует самоидентификации, воспитанию личности. Через конкретные языковые факты филология помогает понять молодёжные и иные субкультуры, осознать ценности и установки их носителей. Ведь любые идеи и смыслы выражаются в слове, в текстах, в языке.

А. П. Якуньков и В. Н. Севастьянов

Выступление преподавателей

Владимир Викторович, давайте начнём с того, когда и как вы заинтересовались историей и почему именно зарубежной.

— Понимаете, рационально это объяснить невозможно. Наверное, внутри что-то было заложено. Всегда интересовался отечественной историей. Книжки, какие попадались, все были о прошлом России. Так продолжалось, наверное, класса до шестого, лет до 12–13. А потом у меня появился учебник по истории средних веков за шестой класс. Он был великолепно издан: вощёная бумага, шрифт с витиеватыми буквами, прекрасные иллюстрации, большое количество цветных вклеек. И знаете, сразу начало работать воображение. Видимо, струны какие-то заиграли, и интерес стал склоняться к зарубежной истории. Наглядность, как оказалось, очень важна. А ещё притягивало то, что малоизвестно. Часто ведь чисто психологически человека влечёт к тому, что для него закрыто. И вдруг появляется возможность подойти к неизведанному поближе, рассмотреть более обстоятельно.

— История — единственное серьёзное увлечение школьных лет?

— Нет-нет, её я любил, но всё было не так однозначно. Одно время, правда, очень непродолжительное, собирался поступать на юридический факультет, но вовремя опомнился. Затем увлёкся английским языком: в девятом классе к нам пришла новая учительница, которая стала применять новые подходы к преподаванию. Раньше мы просто читали — переводили, читали — переводили. Такая монотонная работа. А тут она нас стала учить писать по-английски, говорить

**В. В. Грудзинский:
Всё, что мы переживаем,
происходит благодаря
тем, кто нас окружает**

Подготовили:
Валерия Гриднева,
Полина Захарова,
Виктория Котова

О роли личностей в истории отдельного человека, государства и общества размышляет профессор кафедры политических наук и международных отношений Владимир Викторович Грудзинский.

по-английски, чтение и перевод отошли на второй план. И я загорелся настолько, что после школы даже поступил в институт иностранных языков. Таких было в Советском Союзе, если не ошибаюсь, всего четыре или пять, и один из них в Иркутске, где я жил. Но, проучившись там буквально полгода, почувствовал себя не в своей тарелке. Первую сессию сдал, ко второй подошёл и понял, что это рубеж: если её сдавать, надо будет учиться дальше. Со второго курса уходить уже как-то нелепо. Надо делать выбор. И я подал заявление о добровольном отчислении. Меня пытались переубедить, даже декан со мной беседовал. Тогда деканом факультета английского языка был Геннадий Филиппович Куцев, который потом стал ректором Тюменского университета. Но я в своём решении пошёл до конца. Мне повезло, поступил во второй раз. Хотя конкурс на историю был очень большой, по числу претендентов истории уступали лишь юристам.

— Ваш интерес к Англии — следствие увлечения иностранным языком?

— Какое-то влияние оно, наверное, оказало, но не думаю, что это было главным. Многие мои однокурсники больше интересовались Францией: динамичная страна, где постоянно происходят резкие изменения, многочисленные революции. Плюс яркая культура, харизматические личности. Другие предпочитали историю США. Англия не особо пользовалась популярностью среди людей моего окружения. Меня же она привлекала. Чем? Опять-таки необъяснимо. Возможно, в силу её, как мне казалось, таинственности, загадочности. Что-то подсказывало: за внешним спокойствием, плавностью эволюционного английского развития таятся большие страсти. История колонизации, романтика дальних плаваний, походов, сражений... Вероятно, определённую роль сыграло и то, что научный руководитель, которого я себе выбрал, англовед, яркая личность. Его умение пробудить интерес к тому, чем он сам занимается, располагало. Говорю о Владимире Павловиче Олтаржевском. Он и по сей день здравствует, а тогда был у нас деканом.

— Многое повлияло на ваш выбор.

— Да, в то же время это не было чем-то абсолютно predetermined. Для меня важна личность человека, с которым общаюсь. Может, и с иняза не ушёл бы, встретить сразу людей, более близких мне по духу. Кстати, в институте иностранных языков такой преподаватель появился у меня во втором семестре. Замечательный человек, русская англичанка. Дочь белых эмигрантов. Родилась в Англии, но всегда чувствовала привязанность к России. Попросила советское гражданство, ей его предоставили. Будучи уже взрослой, окончила советский вуз, потому

Владимир Викторович Грудзинский окончил Иркутский государственный университет, аспирантуру Ленинградского госуниверситета. В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Новая Зеландия и война на Тихом океане (дипломатический аспект) 1941–1945 гг.». В 1983–1985 годах преподавал в Иркутском госуниверситете. С 1986 года работает в ЧелГУ: старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, декан. В 1997 году защитил докторскую диссертацию по теме «Великобритания и её доминионы в последней трети XIX — первой четверти XX века: идейно-политическая эволюция и проблема имперского единства». Автор ряда монографий и научных пособий. В настоящее время сконцентрирован на подготовке аспирантов будущих учёных-историков.

что нужен был отечественный диплом для преподавания. Английский являлся её родным языком, так же как и русский (в семье, вероятно, говорили по-русски). Объездила если не весь мир, то полмира точно. Человек особого склада, особого характера, очень уважительно относящийся к студентам, никогда не позволяющий себе даже намёком поставить кого-то в неловкое положение. Ответить ей «не готов к занятию» мне казалось немислимым. Если бы встретил её в самом начале своего студенчества, возможно, втянулся бы в изучение иностранного языка. Точно так же и на историческом факультете: не будь Олтаржевского, погрузился бы в российскую историю.

— У России и Англии много общего, в том числе в выстраивании межэтнического взаимодействия в период существования империй? Знаю, что этот процесс вы изучали, выиграв грант Российского научного фонда.

— Есть разные точки зрения на этот счёт, и англо-русские отношения весьма противоречивы, неоднозначны. Но мне кажется очень важным, что, когда наступает момент истины, Россия и Англия протягивают друг другу руки, находят взаимопонимание. Так было, например, в ходе наполеоновских войн, в Первую мировую войну и в борьбе с фашизмом. Диалог осложняется разной ментальностью. В России преобладает образ мышления традиционного общества, а значит, ощутимо воздействие мифологем, иррациональных представлений. В Англии это тоже имеет место, но всё-таки

английская ментальность гораздо более рациональна, прагматична. Это проявляется в идеологии, политических решениях. Если говорить о моментах, сближающих Россию и Британию в способах проведения колониальной политики, следует отметить, что обе державы немало преуспели в налаживании контактов между элитой метрополии и правящим классом стран, входивших в состав империи. Сильной стороной Англии было умение наладить связь с местными правителями, способность заинтересовать их, привлечь к себе. Империя действовала достаточно тонко, и прежде всего экономическими методами. Ресурс силы присутствовал, но в качестве запасного инструмента. Для России это тоже было характерно, поскольку элиты народов, составлявших Российскую империю, были частью её дворянского сословия. Конечно, есть и существенные различия, но мы ведь сейчас говорим об общих чертах.

— Вернёмся к началу вашего научного пути. После окончания истфака в Иркутске вы учились в аспирантуре Ленинградского госуниверситета. По вашим воспоминаниям, что лучше всего передаёт атмосферу вузов сибирского города и северной столицы?

— В Иркутске запомнилась особая обстановка доверия, взаимопонимания и, порой, даже товарищества между преподавателями и студентами, то, что, по моим представлениям, отличает университет. Дух демократии, отсутствие снобизма, высокомерия, простота общения, доступность не только научного руководителя, но и всей профессуры. Можно было запросто подойти к преподавателю, задать ему вопрос, попросить консультации. В то же время сохранялся пиетет, уважение к наставнику. Всё это поддерживало среду, из которой не хотелось уходить. Особенно это было характерно для кафедры всеобщей истории.

— А в Петербурге?

— Там обстановка несколько иная. Чётче соблюдалась иерархия. Коллеги в отношениях друг с другом старались придерживаться строгих рамок. Однажды спросил свою сокурсницу-аспирантку, зачем она пришла в университет с другого конца города, если у неё сегодня нет занятий. Девушка совершенно серьёзно ответила: поздороваться со своим педагогом. Для меня это нонсенс! Но встречались люди очень сердечные, гуманные — такие, как мой научный руководитель Борис Николаевич Комиссаров. Однажды я пропустил заседание кафедры (мы, аспиранты, обязаны были их посещать). Пропустил, нечаянно запамятовал. И получил самый настоящий нагоняй. Борис Николаевич был тому свидетелем. Потом он три года заботился обо мне, чтобы я заседания кафедры не пропускал. А в те времена телефон далеко не в каждой квартире был, добираться через весь город до человека — проблема. И он каждый раз слал мне срочную телеграмму-молнию: «Володя, заседание кафедры». Мне было так неловко! Постоянно ему говорил, что помню уже всё, что урок пошёл впрок. А он отвечает: самое главное, чтобы никто больше не бухтел. И вот он, профессор, молодой доктор наук, ради аспи-

ранта бежит на почту отправлять телеграмму. Хотя в основном люди очень ценили своё время, свой статус. Обращались с младшими весьма корректно, но всегда строго держа дистанцию.

— Не как в Иркутске?

— Нет, конечно. Но я благодарен кафедре в Ленинграде за высокий профессионализм. Тогда занимался Новой Зеландией — экзотическая тема. И меня предупредили, что её могут не утвердить. Но на первом заседании, наоборот, заведующий кафедрой очень мягко, но настойчиво убедил Бориса Николаевича Комиссарова взять на себя руководство этой темой, хотя изначально Борис Николаевич возражал.

— То есть ваш научный интерес сформировали тяга к неизведанному и стремление работать с близкими по духу людьми?

— Совершенно верно! И эти люди научили меня активно помогать тем, кто хочет по-настоящему учиться. Имею в виду нечто большее, чем профессиональное отношение. Важно не только знать свой предмет и доносить его должным образом до аудитории, но и всячески содействовать студенту, если он готов к серьёзной работе, к познанию чего-то за рамками учебного курса. Опыт показывает: люди, просто ориентированные на карьеру, зачастую не имеющие стремления и способностей к вдумчивой научной работе, всё равно пробиваются. Разными способами, правдами и неправдами обеспечивают своё благополучие. А вот те, кто могут работать в науке, не столь пробивные. Говорят, талант всегда найдёт себе дорогу. Ничего подобного! Как раз ему труднее пробиться. Есть, конечно, люди талантливые и при этом очень инициативные, предприимчивые, активные, способные за себя постоять. Но так бывает далеко не всегда.

— А почему? Одарённые тоньше чувствуют, боятся причинить друг другу неудобства?

— Да, у них более тонкая организация натуры, они глубже погружены в себя и в предмет своих интересов. Для них характерна определённая неприспособленность к жизни. Перед такими людьми возникают очень серьёз-

ные проблемы. Не знаю, как бы сложилась моя профессиональная судьба, если бы не мои наставники в школе, в Иркутском университете, в Ленинграде. Всё, что мы переживаем, происходит во многом благодаря тем, кто нас окружает.

— В начале сознательной жизни главное — разглядеть нужного тебе человека?

— Думаю, да. Это очень важно в юности. А задача преподавателя — увидеть талантливого студента и подействовать ему. Уже работая в Челябинске, по мере своих скромных сил и возможностей, старался это делать. Не всегда удачно. Помню свои ошибки, когда порой не мог разглядеть способности студента. А он потом демонстрировал незаурядные достижения.

— Не за счёт приспособленчества?

— Нет-нет, именно благодаря своим лучшим качествам, своей целеустремлённости в науке... Такие ошибки у меня были. Но иногда всё-таки удавалось вовремя увидеть человека и помочь ему реализовать себя с меньшими, может быть, потерями. Получалось это, благодаря атмосфере взаимопонимания между студентами и преподавателем — той самой, которую помню по Иркутску и по общению со своими наставниками в Ленинграде и Москве. Уже преподавая, познакомился в столице с очень уважаемым и авторитетным исследователем английской истории Николаем Александровичем Профеевым. Он видел меня впервые в жизни и сразу же пригласил к себе домой. Я ему говорю, что вечером уезжаю в Петербург. «Во сколько вы уезжаете?». «В 12 ночи». «Ну и хорошо, что в 12 ночи. Заберите свои вещи там, где остановились, и приезжайте ко мне по этому адресу». Казалось чем-то необыкновенным: фигура крупного ранга из академической науки может вот так запросто позвать к себе незнакомца, беседовать с ним, давать очень ценные советы. На этой атмосфере взаимодействия, взаимопонимания и строится университет. И эту значимую для себя атмосферу я почувствовал на историческом факультете ЧелГУ рубежа XX–XXI веков. Преподаватели Наталия Николаевна Алеврас, Таисия Анатольевна Андреева, Геннадий Борисович

Зданович были носителями тех же представлений, стремлений, что и я. Так, совместными усилиями пытались создать на факультете особый психологический климат.

— **Как вы попали в ЧелГУ?**

— В аспирантуре я учился по целевому направлению. В Иркутский госуниверситет, после защиты диссертации, меня не могли не взять. Но свободных мест на истфаке не было. Устроили преподавателем подготовительного факультета для иностранцев, желающих получить в СССР высшее образование. Основную часть слушателей составляли граждане Монгольской Республики. Потом стали появляться выходцы с Ближнего Востока. Преподавал им дисциплину, которая называлась «Советский Союз». Очень отдалённо она напоминала нынешнее «Россиеведение» и объединяла всё: географию, историю, культуру. Спустя семестр на ист-

факе произошли подвижки: очень серьёзный специалист по истории Франции поехал на три года работать в Африку, в Республику Мали. Меня приняли на освободившееся место и заверили, что коллеги, получив опыт работы за рубежом, в Иркутск вряд ли вернётся, переедет, вероятно, в Москву. Но он оказался душевно привязан к своему городу. И я заволновался: куда мне пойти? Возвращаться на подготовительный факультет или преподавать, например, научный коммунизм? Был 1986 год, и в коммунизм, тем более научный, уже мало кто верил. Начал искать новое место работы. Написал письма в несколько вузов от Владивостока до Челябинска. Из Владивостока и Челябинска пришли наиболее определённые и благожелательные ответы. Так как нацеливался на продолжение научной карьеры, выбрал Челябинск: в те времена географическая близость к московским

библиотекам и архивам являлась одним из главных условий успеха. Геннадий Борисович Зданович общал в своём письме, что в университете есть вакансии и можно приехать. Мы с ним созвонились, договорились о встрече. Я прибыл в Челябинск летом 1986 года. Геннадий Борисович сразу мне понравился своей человечностью, отзывчивостью, умением строить отношения. Тогда же он познакомил меня с ректором ЧелГУ Семёном Егоровичем Матушкиным. В итоге я остался здесь преподавать.

— **Что больше всего запомнилось из того времени?**

— ЧелГУ в середине восьмидесятых — очень маленький университет: менее трёх тысяч студентов. Думаю, во многом из-за этого была сильная заорганизованность. Каждый понедельник в ректорате собирались совещания с участием не только деканов, но и заведующих

кафедрами. Проводились они в актовом зале, длились с десяти утра и где-нибудь до двух часов дня. Конечно, подобные формы работы отягчали процесс обучения и всяческий научный поиск. Один характерный эпизод. Затронута тема дисциплины преподавателей: почему у них столь свободный график, в то время как они должны постоянно быть на кафедре, заниматься методической и научной работой. Встаёт Алексей Павлович Привезенцев, декан физического факультета. И, слегка улыбаясь, спрашивает: «Зачем же мне сидеть на кафедре, когда могу думать о проблемах теоретической физики на катке, например?» Боже, что Алексею Павловичу пришлось после этого вытерпеть! И нашлись же слова в ответ на его реплику, логично убеждавшие в угрозе полной дезорганизации и распада дисциплины!

— **Грядущие изменения в жизни страны чувствовались?**

— Конечно! Перестройка уже началась. В Иркутске, кстати, не было такой чёткой линии разделения между сторонниками и противниками перемен. А в Челябинске она ощущалась. И, в то время декан истфака, Николай Борисович Цибульский умел эту ситуацию сглаживать. Независимо от своих собственных предпочтений он понимал: на нём ответственность обеспечивать единство факультета. И он умел это делать, успешно маневрируя, снимая остроту противоречий. На кафедре всеобщей истории, где меня встретили очень доброжелательно, обстановка тоже была непростой. Но при этом, в основном благодаря Геннадию Борисовичу Здановичу, было и чувство взаимопомощи, поддержки, товарищества. Объединяла целеустремлённость, заряженность на работу, на поиск новых идей и методов преподавания. Проявляла себя молодёжь: Виктор Александрович Зонов, Борис Игоревич Ровный, Александр Павлович Большаков. Атмосфера поиска была очень продуктивной. С наступлением новой эпохи мы не потерялись, сумели адаптироваться к изменившимся условиям, и кафедра начала быстро расти.

— **Сегодня одно из популярных у абитуриентов направлений подготовки — «История**

и международные отношения». Такое сочетание слов сразу рисует в сознании образ столицы — именно там сосредоточены рабочие места с возможностью выехать за рубеж или как-то ещё участвовать в выстраивании взаимодействия между странами. Но что жителю Челябинска даёт знание основ международной политики? Какие смыслы вы вкладываете в специальность, в развитии которой активно участвуете?

— Такое направление подготовки в провинции — результат перемен, происходящих в России на протяжении 30 лет. В условиях советского общества это было невозможно: все зарубежные связи регулировались центром. Но сейчас расширение международных контактов идёт в том числе благодаря регионам. Возьмите Челябинскую область — у неё довольно обширное торгово-экономическое взаимодействие с очень многими провинциями и городами других стран. И этот объективный процесс, несомненно, будет развиваться. Подготовка специалистов, которые знают международные отношения, представляют региональную специфику, владеют иностранными языками, очень важна. Кроме того, на мой взгляд, не нужно всегда жёстко привязывать профессиональные знания и навыки к чисто утилитарным возможностям конкретного трудоустройства. Самое главное — создавать интеллектуальный потенциал общества из людей, широко и свободно мыслящих, способных анализировать события и делать выводы. И неважно, кто они по профессии. Тем более, после бакалавриата можно пойти в магистратуру на любое направление. Захотел международник стать юристом — пожалуйста! Журналистом — нет проблем! Или он решит совершенствовать язык и вырастет в классного переводчика. При этом будет знать не только лексику и грамматику языка, но и культуру, историю стран-носителей.

— **Как возникла идея обучать международников?**

— Один из моих добрых знакомых в Екатеринбурге, профессор Валерий Иванович Михайленко, ещё в середине 90-х создал отделение международных отноше-

ний на историческом факультете Уральского госуниверситета. Помню, в 1996 году я приезжал к нему с одним моим бывшим аспирантом, Вадимом Евгеньевичем Кукушкиным, который незадолго до этого вернулся из США. В России того времени компьютер на кафедре у гуманитариев был редкостью, а в отделении у Михайленко, как удивлённо заметил мой аспирант, оснащение ничем не отличалось от американского. Всякие принтеры, ксероксы...

— **Неужели сами заработали на всё это?**

— Да, они сделали Екатеринбург третьим после Москвы и Питера городом России, где студентов обучали международным отношениям. Естественно, у них практически не было конкурентов. Валерий Иванович мне сказал тогда: открывайте и у себя такое же отделение. И мы поняли, что у нас тоже есть ресурсы, есть люди, владеющие иностранными языками. Далеко не все могли преподавать на языке, но научную зарубежную литературу читали свободно. Постепенно идея начала оформляться, но её воплощение на рубеже 1990-х — 2000-х пришлось отложить: сильно изменился кадровый состав факультета. К началу десятых годов снова появились люди, способные и желающие этим заниматься. Активно подключилась наша молодёжь: Иван Михайлович Нохрин, Артём Михайлович Скворцов. И, конечно, большую роль сыграло руководство факультета. Сегодня у наших выпускников-международников широкие перспективы.

— **Самое время поговорить о ваших учениках.**

— Знаете, твёрдо стою на том, что у каждого педагога ровно столько учеников, сколько сами считают себя таковыми. Руководить написанием курсовой или диссертации ещё не значит быть учителем в настоящем смысле слова. Это понятие более ёмкое, и я даже не претендую на то, чтобы сравнить с ним как-то соотносить. Если кто-то считает меня учителем — спасибо! Но и не удивлюсь, если защитившие под моим руководством дипломную работу или диссертацию ориентировались на другую вдохновляющую их личность. Это абсолютно нормально!

П

ервая ваша специальность после окончания Свердловского горного института — «Технологии открытых горных работ». Вторую — «Экология и природопользование» — вы получили в Ленинградском горном институте. Почему в итоге выбор пал на экологию? Что вас привело в эту сферу?

— После армии, где отслужил три года, прибыл домой, в Коркино. Ребята компанией собрались и говорят: «Ну, Алексей, поехали все вместе учиться в Свердловск, в горный институт!» Вот так, за компанию, и поехал. В Свердловском институте мне не особо нравилось. Были мысли: «Наверное, не туда поступил». В ходе написания первой курсовой преподавателю откровенно сказал, что тема мне неинтересна. И получил вопрос на свою реплику: «А как будет развиваться ваше Коркино? Ведь всё равно когда-то уголь закончится». И именно эта тема природопользования меня зацепила. Став специалистом, эту тему использовал, работая над кандидатской, докторской диссертациями, занимаясь проблемой рекультивации нарушенных земель. После этого их можно было использовать в рекреационных целях, то есть для отдыха. За предложение по использованию нарушенных земель города Копейска получил всесоюзную премию. То есть в Ленинград меня уже направили как человека, начавшего свою научную деятельность.

— С чего она началась?

— С сектора рекультивации в Научно-исследовательском институте открытых горных работ, куда я устроился за год до окончания первого вуза. Там трудились специалисты разных профилей:

А. Ю. Даванков: Без связи с экологией и социумом экономика неинтересна

Подготовила
Мария Рогожина

О том, почему имеет значение не количество знаний, а практика их применения, как междисциплинарные связи способны менять среду и что побуждает студентов искать не обыденное, а новое, рассказывает профессор кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета ЧелГУ Алексей Юрьевич Даванков.

горные инженеры, кандидаты технических, экономических и биологических наук. Благодаря им, к моменту отъезда на учёбу в Ленинград, у меня уже сформировалось междисциплинарное мышление. Поступив в Ленинградский институт, я уже знал и понимал многие вещи. Не из учебников, а из профессионального общения со специалистами. Там же поступил в заочную аспирантуру и через несколько лет защитил кандидатскую диссертацию.

— Один из этапов вашей карьеры — должность старшего научного сотрудника в Челябинском филиале Института экономики Уральского отделения Академии наук. Как попали туда в 1987 году?

— Так сложилось, что мне пришлось покинуть институт открытых горных работ и искать новое место. Нашёл случайно, через объявление в газете. Институту экономики, его Челябинскому филиалу, требовались кадры с учёной степенью кандидата. Каких наук — неважно, я был технических. А им нужен специалист, разбирающийся в вопросах пространственного развития Челябинской области — отчасти моя тема. С этого момента стал заниматься экономикой природопользования.

— И экономика стала вашим приоритетом.

— Да. В стране как раз начались разговоры о региональном хозрасчёте. То есть о том, как регионам повысить свою бюджетную, экономическую самостоятельность. Дело в том, что все заработанные регионами деньги шли в централизованный бюджет государства, и уже Москва их распределяла. В итоге на одного жителя РСФСР бюджетных средств приходилось в семь раз меньше, чем, допустим, на одного жителя Грузии. И это никак не увязывалось с тем, сколько регион вкладывал в бюджет страны. Челябинская область в конце 1980-х производила продукции на 30 миллиардов рублей. Из них 11 миллиардов уходило в Москву, откуда на социально-экономическое развитие возвращались 900 миллионов, то есть менее десяти процентов. Естественно, такое положение дел нас не устраивало. Первые секретари обкомов партии Урала и Сибири предложили цент-

ру оставлять регионам половину средств, заработанных сверх плана. Чтобы эту идею осуществить, требовалась методика регионального хозрасчёта. Разработать её на примере нашей области поручили Челябинскому филиалу Института экономики. Я оказался полезен как специалист, способный оценить различные варианты использования ресурсов для введения платы за них, а именно платы за региональные ресурсы, воду, землю, загрязнения среды, полезные ископаемые и др. Именно плата за загрязнения окружающей среды по предложенной мной

Алексей Юрьевич Даванков, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития ЧелГУ. Родился 19.11.1945 года в городе Коркино Челябинской области. В 1964 году окончил Коркинскую среднюю школу и осенью пошёл служить в Советскую армию. В 1969 году поступил в Свердловский горный институт. В 1973 году пришёл работать в НИИОГР (институт открытых горных работ). В 1975 году окончил горный институт. В 1978 году командирован в Ленинградский горный институт для получения второго высшего образования по специальности «экология и рациональное природопользование». В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию по рекультивации нарушенных земель. В 1987 году поступил работать в Челябинский филиал института экономики УрО РАН. В 2000 году начал работать в Челябинском государственном университете на должность директора института социально-экономических и региональных проблем и преподавал на кафедре мировой экономики предмет «экономика природопользования». Является членом экспертного совета Законодательного собрания и Администрации Челябинской области, экспертного совета РАН. Автор более 200 научных работ.

методике была впервые в СССР введена на территории Челябинской области. Активно принимал участие в разработке и подготовке программы реабилитации радиационно загрязнённых территорий Челябинской области. Для обоснования программы рассчитал экономический ущерб территориям, подвергнутым радиоактивному загрязнению.

— Что представлял собою авторский коллектив, создающий методику?

— Коллектив — сотрудники Челябинского филиала института экономики, куда входили два будущих депутата Верховного Совета СССР, а потом РСФСР, деятельность которых была направлена на популяризацию значимости регионального хозрасчёта. Я среди них был самым старшим. Все методические указания делал, согласовывал у наших чиновников: кто-то из них занимался охраной природы, другие решали вопросы земельных отношений. В 1988 году появился комитет по охране окружающей среды — тогда с моей подачи оформилась идея введения платы за пользование природными ресурсами. Но мы не пришли к согласию: возникли противоречия между необходимостью вкладываться в сбережение природы и стремлением к финансовому результату. Тем не менее я продолжал искать экономические механизмы снижения уровня загрязнений. Смысл их в том, чтобы стимулировать предприятия-загрязнители к сокращению своего пагубного влияния на среду.

— Это соотносится с вашими сегодняшними интересами?

— Безусловно! Общественное благосостояние, сбалансированное развитие территории — основные проблемы, которые меня сейчас занимают. Сама по себе экономика неинтересна, она обретает значимость только вкупе с экологией и социальной сферой.

— В 2000 году вы заняли пост директора института социально-экономических и региональных проблем ЧелГУ. Как вы к этому пришли?

— К тому времени уже десять лет по совместительству преподавал на кафедре, всех знал. Знал Александра Арсентьевича Голикова — он создал и возглавлял

этот институт до меня и к началу нулевых годов стал подыскивать себе замену: ему уже было около восьмидесяти. Он и пригласил меня на постоянную работу. Чтобы меня отпустили из Челябинского филиала Уральского отделения института экономики РАН, в Екатеринбург, к академику Татаркину, поехала представительная делегация во главе с ректором Валентином Дмитриевичем Батухтиным. Поехали также Александр Арсентьевич и Татьяна Александровна Верещагина — декан экономического факультета. В итоге мой переход на постоянную работу в ЧелГУ был одобрен.

у властей города и региона был огромный. Мы участвовали в различных форумах, конференциях. Проводили экспертизы проектов. Но в начале нулевых интерес к экономической науке со стороны власти стал угасать. Тем не менее мы продолжали научную работу. Откликались на просьбы разных структур провести исследования. Делали это не для того, чтобы получить от них денег, а чтобы осмыслить тот или иной процесс.

— **У вас много единомышленников?**

— За последние 20 лет, когда стал доктором наук, под моим руко-

— **Какими были первые впечатления от университета?**

— На экономическом факультете преподавал предмет, который назывался «Экономика природопользования». Он только-только оформился как самостоятельная дисциплина, появлялись первые учебники. Мне — специалисту по экономической оценке природных ресурсов — легко давался этот курс. Так что впечатления были самые благоприятные.

— **Характер деятельности института менялся с течением времени?**

— Когда институт создавал Александр Арсентьевич Голиков, интерес к результатам научных исследований в области экономики

водством защитили кандидатские диссертации более 30 человек. Работаю также со студентами-дипломниками. Всех их люблю, все они очень интересные. Всем им надо немного подсказывать, убеждать заниматься наукой не ради галочки или оценки, а чтобы им самим это было полезно.

— **Как это сделать?**

— Можно приведу свой пример? Я готовил кандидатскую в институте открытых горных работ, и у меня была возможность посещать все уголки Советского Союза. Прежде чем защитить кандидатскую, докладывал её на конференциях от Владивостока до Таллина. По всей стране представлял свои

труды, где-то слушал, где-то спорил. Не стеснялся своих идей. Главное, чтобы у студентов не было замкнутости, чтобы они не боялись выслушивать критику, советы. Им сегодня не хватает общения с преподавателями. Важно же не просто прочитать материал лекции, а объяснить, как студент сможет использовать его в своей деятельности. Смысл не в изложении того, что уже известно, а в обучении методам использования знаний.

— **А вы узнавали от студентов, молодых коллег что-то для себя новое и важное?**

— Да, постоянно. Ведь как происходит процесс научного осмысления? Где-то что-то услышал, сначала не берёшь это в голову, потом начинаешь задумываться, и созревает идея. Люблю участвовать в таких молодёжных конференциях, где можно услышать нечто интересное. И читать больше всего люблю не толстые книжки и учебники, а авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, где есть научная новизна. Таких авторефератов у меня уже около 500 штук, вот такая богатая коллекция!

— **Есть оценка, что в российских вузах лучшие возможности для самообразования. Относительно ЧелГУ вы с ней согласны?**

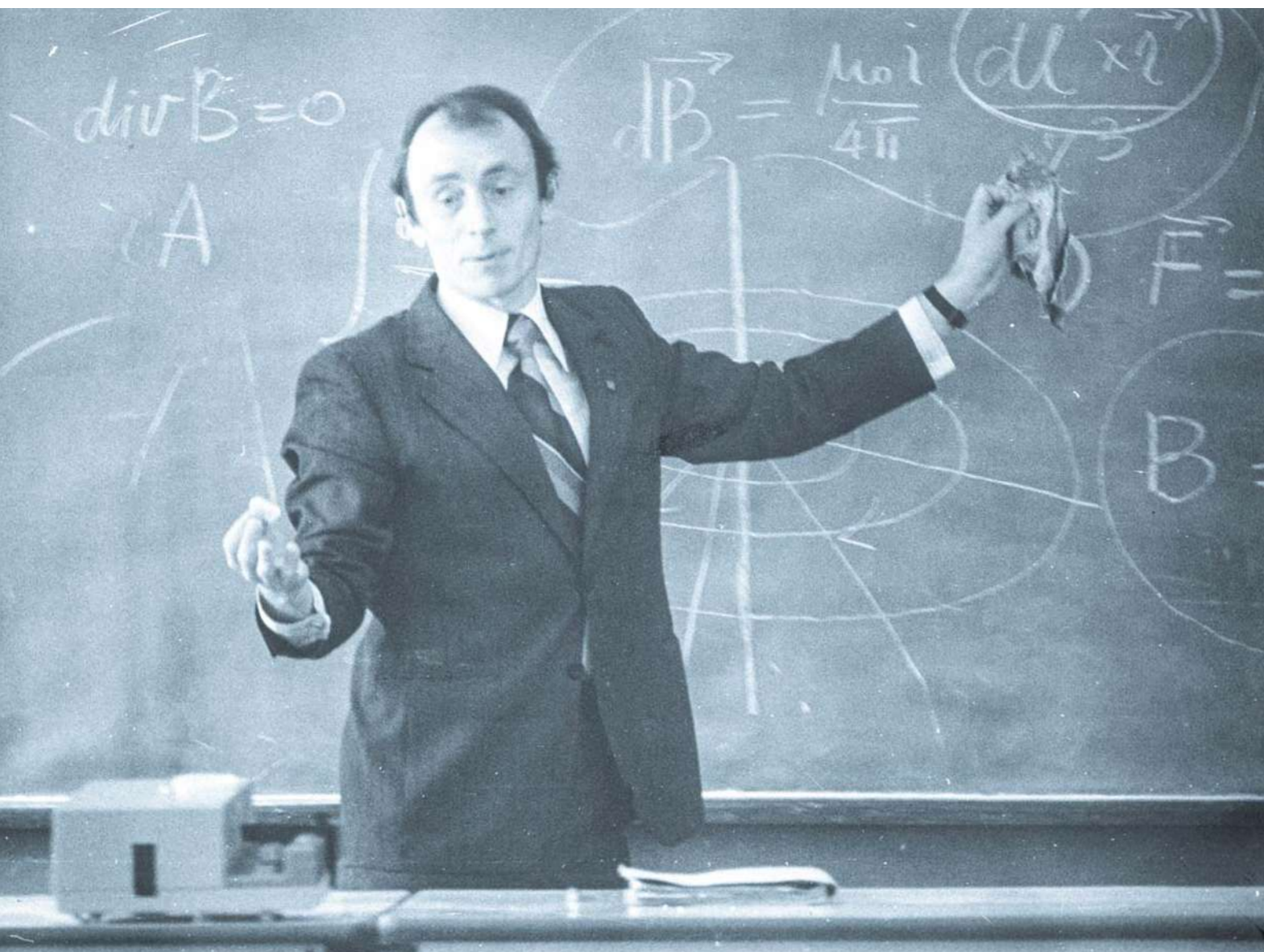
— Согласен. Студенты проявляются в поиске не просто знаний обыденных, а именно чего-то интересного, нового в тех предметах, которые изучают. Задают мне вопросы. Начинаю им что-то рассказывать, а они возражают, так как прочитали где-то статью, где автор утверждает иное. Возникает дискуссия. Вот такое видение, когда студенты обсуждают с преподавателем непростые темы, ценится. Оценивать знания нужно не по количеству, а по применению.

— **Что вы для себя открыли, работая в ЧелГУ?**

— Я полюбил преподавание. Если раньше просто занимался наукой ради науки, то в университете научился эту науку доносить до других. За это я благодарен ЧелГУ. Помогать магистрам, аспирантам, докторантам, в которых они раскрывают вопросы сбалансированного развития экономики, экологии и социальной сферы, — моя любимая работа.

Первый хор ЧелГУ. Руководитель В. А. Шереметьев

Профессор А. П. Привезенцев на лекции

Олег Николаевич, если позволите, хотелось бы начать с личного. У вас было не самое обычное детство. Достаточно сказать, что вы родились в Восточной Германии.

— Действительно, я родился в Берлине, в семье советского офицера. Отец — из тех самых выпускников 1941 года, которые в мае окончили школу. Из числа этих мальчишек после войны в живых осталось только три процента. Отец жил в селе под Нижним Новгородом, хотел поступать в университет. У него всегда была «пятерка» по математике. Но началась война, и его отправили в артиллерийское училище. Нам важно не забывать о том, что мы — страна-победитель, великая страна. Да, у нас есть недостатки. Но не собираюсь соглашаться с теми, кто называет нас «третьим миром», кто говорит «эта страна». Это моя страна.

— Что для вас показатель величия?

— Простой пример. 1945 год. Война закончилась. Страна потеряла в общей сложности около 30 миллионов человек, практически всё молодое поколение, будущее страны. Среди них — те самые мальчишки, вышедшие из школы в мае 1941-го. Так вот страна, в которой была разрушена самая населённая и экономически развитая часть территории, через 16 лет строит первую в мире атомную электростанцию, создаёт водородную бомбу, в 1961 году направляет первого в мире человека в космос. Через 16–20 лет после страшной, кровопролитной войны! Американцы фактически не вовали, только разбогатели в период Второй мировой и отстали. В Европе, конечно, была разруха, но там вместе с американцами —

О. Н. Дементьев: Роль университета — готовить не только специалистов, но и учёных

Подготовила
Виктория Котова

Свои мысли о любви к своей стране и о том, почему именно в этом содержится источник благополучия и развития, излагает доктор физико-математических наук, профессор, экс-декан математического факультета ЧелГУ, заведующий кафедрой вычислительной механики и информационных технологий Олег Николаевич Дементьев. С ним же говорим о принципах расстановки приоритетов в науке и обществе.

около 700 миллионов населения, а у нас только — 100 миллионов активно работающих людей. И мы обошли их в создании высоких технологий! Именно тогда мы были лидерами в этом направлении. Из этого и исхожу, говоря о величии страны, народа. В математике для решения задачи обязательно нужно знать начальные и граничные условия и на их основе строить модель движения, делать выводы о возможностях развития.

— **С вашей точки зрения профессора математики — человеческий, нравственный ресурс, который привёл страну к величию, возобновляем?**

Олег Николаевич Дементьев родился в 1948 году в Берлине (Республика Германия), в семье советского офицера. В 1952 году семья переехала в Москву, в 1955 году пошёл в школу в Ленинграде, а закончил среднюю школу с золотой медалью уже в Перми. В 1971 году получил диплом с отличием Пермского государственного университета по специальности «теоретическая физика (механика жидкости и газа)». В 1979 году после окончания аспирантуры (научный руководитель профессор Е. М. Жуховицкий) защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук в Институте теплофизики Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск). С ноября 1976 года работает в Челябинском университете: сначала в должности старшего преподавателя кафедры высшей математики, затем доцентом кафедры механики, заведующим кафедрой математического моделирования (с 1992 по 1998 год). О. Н. Дементьев был деканом математического факультета с 1995 по 2008 год. Диссертацию на соискание учёной степени доктора физико-математических наук защитил 5 октября 1999 года в Пермском государственном университете. Руководит работой аспирантов, заведующий кафедрой вычислительной механики и информационных технологий (с 2008 года).

— Думаю, да. Хотя мне трудно судить об этом. Нужно, чтобы решением проблем развития занимались люди, которые любят свою страну и свой народ. Знаете, что говорили мои зарубежные знакомые? Они спрашивали: как можно соглашаться с вашей оппозицией, если в её высказываниях, действиях нет теплоты, любви к Родине, её истории? Те же американцы говорили нам за чашкой кофе после открытия границ: зачем вам куда-то ехать в эмиграцию, стройте свою страну, вы же можете! А нам, современным россиянам, это непонятно. Мы часто исходим из того, что всё плохо. Было плохо, сейчас плохо и будет плохо. Нет! Вспомним, как разрушенный войной Советский Союз вышел в передовые державы мира всего через полтора десятка

лет. Потому что люди чувствовали себя победителями. Они в себя верили. Разная психология у победителя и побеждённого. Надо учиться видеть в своём прошлом и настоящем хорошее. О стране, как и о человеке, нужно судить не по недостаткам, а по достоинствам.

— **Вернёмся к вашему детству. Семье пришлось много переезжать. Это как-то отразилось на вашем характере, видении мира?**

— Отец окончил военное училище. В 1948 году был старшим лейтенантом. Ему, как способному офицеру, рекомендовали поступать в военную академию

переезжаете в другой регион, где другая школа, другой двор, другие люди. Потом ещё переезд. В Ленинграде мы сменили три района, и тоже каждый раз иная обстановка. Я очень болезненно переношу смену школ, учителей. Особенно когда из столичного города попадаешь, скажем, в Свердловск и к тебе начинают внимательно относиться — а что ты за человек? Тяжело терять друзей — они с твоим отъездом исчезают из поля зрения: тогда же социальных сетей не было. Мне уже потом стало в какой-то степени легче — я не входил в тесный контакт с окружающими людьми, только по мере необходимости. В конечном итоге понимаешь, что неизменным для тебя остаётся только семья: отец, мать, брат. И на них замыкаешься. Я готов к контактам, но в этом отношении, наверное, больше похож на англичанина, живущего по принципу «мой дом — моя крепость».

— **Когда почувствовали интерес к математике?**

— На втором курсе, во время учёбы в Пермском государственном университете, куда поступил, потому что родители переехали в Пермь. Уже думал о переходе с физического на механико-математический факультет, который в Перми был очень сильным. Потом немного работал в Новосибирском академгородке. Очень трудно разделить прикладную математику и теоретическую физику: решаешь одни и те же задачи в сущности одними и теми же методами. Поэтому серьёзных изменений в своей жизни не ощутил. Кандидатскую диссертацию защищал в институте теплофизики Сибирского отделения Академии наук СССР — одном из ведущих в стране. В то время особое внимание уделялось математике, физике, точным и естественным наукам.

— **Вы — воспитанник признанной, интеллектуально насыщенной научной среды. Что привело вас в Челябинск, в вуз, который на тот момент только формировался?**

— В открывающемся университете мне предложили работу, предоставили жильё. Без привычной научной школы сначала, действительно, было тяжело. Но было и то, что нравилось.

— **Например?**

— Один из американских бизнесменов — Генри Форд — говорил, что, создавая фирму, нужно набирать молодых и амбициозных людей в возрасте до 30–35 лет. Тогда они к ней привыкают, и она становится значимой для них средой. Так вот, с новым университетом происходит то же самое: оставлять своё место работы спустя время не хочется — много сил вложено в становление и развитие вуза. Наш математический факультет на рубеже тысячелетий стремительно рос в научном смысле, было много защит докторских диссертаций, и это было признанием коллег из разных институтов! Работать было очень интересно. Мы уже тогда понимали: университет не должен замыкаться в себе. Нужно, чтобы приходили люди извне, и мы к этому стремились. На нашей кафедре преподавали такие признанные учёные, как Валентин Фёдорович Куропатенко, Владимир Емельянович Неуважаев (Российский федеральный ядерный центр), мы вели совместные работы с Николаем Николаевичем Тихоновым (Государственный ракетный центр), в настоящее время у нас работает Виталий Иванович Кобер — профессор, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН (Москва). Нам было важно, чтобы студенты видели таких людей, учились у них.

— **Помимо чувства престижа, возможности вблизи увидеть авторитетных деятелей науки, что ещё подобное общение даёт студентам?**

— Люди извне представляют иные, совершенно разные точки зрения. Именно это позволяет смотреть вперёд и учить студентов, не только реагируя на запросы сегодняшнего рынка труда, но и с учётом тех изменений, которые неизбежно грянут. Уже через пять лет рынок труда будет другой. Идти на поводу у людей, ориентированных лишь на то, что работодатель от них требует здесь и сейчас, — значит ограничить возможности их развития в будущем. Поэтому нужно учить основам, тому, что «ум в порядок приводит», — математике в частности, которая потом позволит осваивать другие вещи.

— **Всегда необходимо играть на опережение?**

— Да, и это важно не только в работе со студентами. Наша страна в своё время существенно опережала американцев в космосе. И это, повторюсь, несмотря на пережитую разруху и колоссальные человеческие потери. Но мы в этой сфере доминировали, а американцы отставали. Как они нас догнали? Просто поставили цель: не нас настигнуть, а идти дальше, высадиться на Луну, используя преимущества своей промышленности.

— **Альтернативные государственным космические проекты?**

— Да. Они задействовали ресурсы своей мощной промышленности и стали здесь первыми, ведь космос — довольно дорогое удовольствие.

— **У нашей страны, в том числе у российской науки, есть ориентир, двигаясь к которому мы бы могли прокладывать свой собственный путь?**

— Есть и люди, и возможности. Надо только расставить приоритеты. С моей точки зрения, главным должен быть человек труда. Качественного труда. Столяр, фермер, математик, филолог, художник, поэт — неважно, кто ты по профессии, но должен делать свою работу хорошо. Человек труда — главный в своей стране. Элита — не те, кто купаются в бассейнах, наполненных шампанским, а те, кто создают что-то новое, движут страну вперёд. Без науки не создашь ни современного танка, ни нового самолёта, компьютера. Значит, в науку нужно привлекать самых талантливых людей. Соответственно, им нужен стимул, по-моему, прежде всего пряник.

— **Угроза жизни или свободе разве не стимул?**

— Так обычно говорят, забывая или не зная, как на самом деле было устроено. Испуганный человек хуже думает. Кандидат наук в сороковых годах зарабатывал столько денег, сколько не получал начальник цеха, зарплата доктора наук часто была больше зарплаты директора завода. А ещё — уважение людей, возможность получить квартиру, покупать книги, посещать кино, театр. Сейчас нам снова необходимо воссоздать уважение, и оно должно подкрепляться финансово, материально. История знает примеры того, что происходит, если

этого не делать. Очень упрощённо: была великая Испанская империя. Славилась множеством поэтов, художников, наукой, армией. Потом испанцы нашли пряности и золото в Латинской Америке. И оказалось: теперь, чтобы быть успешным, не надо ни стихи писать, ни теоремы доказывать, ни красивые дома строить — достаточно просто приобщиться к новому трафику. Добыча золота и пряностей не требовала много усилий, и приносила и деньги, и успех. Молодёжь и потянулась туда. В результате империи не стало, потому что люди занялись не тем.

— **Сейчас государство поддерживает учёных через гранты. Но чётко прописывает условия, которые не всегда совпадают с научными интересами исследователей. Можно ли гармонично сочетать творческие устремления человека труда с государственным интересом и гарантировать, что этот интерес основан на верно выбранных приоритетах?**

— По-моему, нет однозначно правильных рецептов, как этого достичь. Необходим баланс, золотое сечение. И люди стремятся к нему. Мне кажется, если человек делает свою работу хорошо, значит, он выполняет её с любовью.

Следовательно, она отвечает его внутреннему состоянию, и человек, и общество становятся лучше.

— Государству выгоднее поддерживать любящих своё дело или тех, кто готов отказаться от своих профессиональных предпочтений ради участия в создании общего блага?

— И на этот вопрос просто не ответить. Мир велик. Человеческий организм, общество, природа взаимосвязаны, воздействуют друг на друга. Характер этих динамичных связей требует внимания, аналитического подхода. Но убеждён: если человек делает свою работу хорошо, пусть получает достойную оплату, уважение, тогда будет собой доволен. Мы должны его уважать за хороший труд.

— Если за качественный труд не уважают, не проще ли уехать за рубеж?

— У меня была такая возможность. Но понимаете... За границу, не задумываясь, часто уезжали либо те, кто не состоялся здесь, либо очень молодые люди, которые не разобрались, что происходит. Происходящее же выражается просто: если

свою страну любишь, то многое открываешь в ней для себя.

— Это понимание помогло вам в 90-е, когда возглавляли факультет?

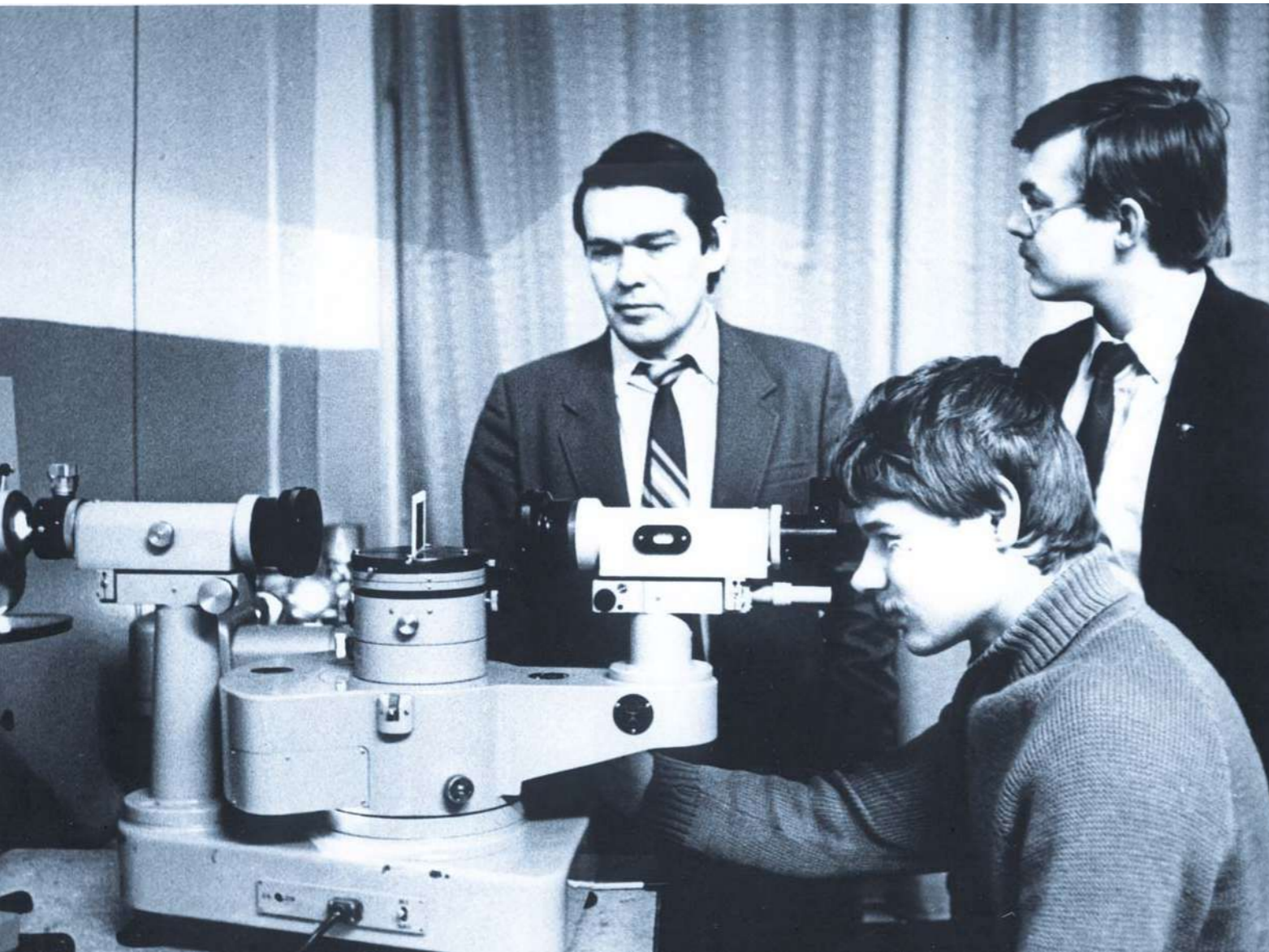
— Было очень тяжело, возникало ощущение, что нас бросили. В то же время тогда мы готовили гораздо больше научных работ. Как-то в один год защитили три докторских диссертации. Помните, как говорят: слабый ищет причину, а сильный — средство. В трудностях главное — не ныть, а находить выход, бороться, идти навстречу опасности, не ждать чуда и не убегать. Думаю, поступил правильно, оставшись в России. Хотя совершенно не согласен с мыслью, что «где родился — там и пригодился». Нет, нужно ездить, смотреть, обмениваться опытом, делать науку интернациональной. Я в разных странах бывал, на разных конференциях, с разными людьми общался. Они очень похожи на самом деле — те же математики — американцы, англичане, немцы. Науке неважно, как ты одет, на каком языке говоришь и кто ты по убеждениям: коммунист, демократ, либерал...

— Расскажите о своих учениках, выпускниках факультета.

— Когда-то от приезжавших к нам москвичей услышал фразу: «Не тот факультет хорош, который выпускает способных выпускников. Важно, чтобы среди них были люди, которые защитят диссертации». Роль университета в том, чтобы готовить не только специалистов, но и учёных. Но и это не всё. Кандидаты должны стать докторами наук. И вот когда у них появятся ученики, защитившие кандидатские диссертации, можно сказать, что факультет состоялся. У нас достаточно людей, ставших докторами и воспитавших учеников, уже защитивших докторские диссертации. Среди них — Александр Викторович Рожков, Леонид Борисович Соколинский, Владимир Евгеньевич Фёдоров и другие. Все они — выпускники нашего факультета. Таких примеров у нас много, и это радует. Почти 80 процентов математиков области — наши выпускники. Очень многие математики ЮУрГУ окончили Челябинский государственный университет. Всегда есть, ради кого работать и кто будет дальше продолжать наше дело.

Ректорат ЧелГУ, конец 1980-х годов: проректор по научной работе Р. П. Чапцов, ректор В. Д. Батухтин, проректор по учебной работе П. И. Чернецов

Лабораторная база ЧелГУ с первых лет работы была одной из лучших в городе.
Слева – преподаватель А. А. Федий

К сожалению, это интервью стало для Александра Егоровича последним. Он ушёл из жизни 3 марта 2021 года, когда шла подготовка к выходу этой книги

А

лександр Егорович, расскажите, как вы выбрали себе направление в жизни?

— Я хотел стать лётчиком, но не прошёл медицинскую комиссию. Астрономия в итоге оказалась ближе. В школе её преподавал Дмитрий Александрович Трегубенков — замечательный человек, был директором школы № 1 г. Катов-Ивановска. Помню, иногда он приходил в класс и говорил: «Давай, Шура, рассказывай (об астрономии)». А я действительно был увлечён звёздами, космосом, Вселенной.

— Что в астрономии вам было интереснее всего?

— Моему становлению как астроному я обязан Вафе Сагамановичу Сулейманову, который вёл кружок астрономии в Уфе. Он вовлёк меня в эту науку. В его астрономическом кружке мы наблюдали метеоры: у каждого был свой круг, с его помощью мы смотрели и считали метеоры. Это было в год метеорного дождя «Леониды». Кроме метеоров мы также наблюдали искусственные спутники Земли, было очень интересно. Я помню свои впечатления: лежу и смотрю в небо, лежу и смотрю. Представьте. Ты полностью погружён в процесс, тебе интересно, хочется смотреть больше и больше. Это завораживает!

— Загадывали тогда желания?

— А вы? (смеётся). Правильно, что загадываете, и я загадывал. Я был влюблён в девушку и хотел быть с ней. Но звёзды не помогли, и судьба не сложилась. Она сейчас живёт в Испании, большой учёный, очень хороший специалист в астрофизике. Но звёзды звёздами, а от судьбы никуда не денешься.

А. Е. Дудоров: Астрофизика — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Подготовила
Александра
Кузовенкова

Александр Егорович Дудоров (18.07.1946 — 03.03.2021) — астрофизик, исследовавший происхождение звёзд и планет. Волею судьбы из Уфы попал в Челябинский государственный университет, принимал участие в открытии кафедры теоретической физики, выпустил более сотни специалистов в области астрофизики. В последние годы жизни заведовал кафедрой теоретической физики в ЧелГУ.

— **Видели ли вы себя в роли преподавателя?**

— Мне всегда нравилось учиться, заниматься научной деятельностью, преподавать. Более ста учеников до сих пор шлют мне открытки и поздравляют, это очень здорово. Часто мои студенты звонят мне просто поговорить, узнать, как мои дела, и выразить благодарность. На семидесятилетие они прислали мне красивую презентацию с огромным букетом цветов. В разные поколения студенты по-разному относились к учёбе и к науке, но все они настолько удивительные, я люблю их.

— **Расскажите, как открывали кафедру теоретической физики в Челябинском государственном университете. Помните своих первых студентов?**

— Это было в 1978 году. Людей было немного: я и Анатолий Григорьевич Шкловский, старший преподаватель ЧелГУ, специалист по физике твёрдого тела. Семён Егорович Матушкин, ректор, предложил мне возглавить кафедру теоретической физики. Шкловский сначала расстроился, но потом мы с ним поладили и играли в шахматы. После приехали известный астрофизик Марий Анатольевич Свечников из УрФУ, физики-теоретики Вячеслав Михайлович Ярцев из Куйбышевского университета, Александр Владимирович Лаппа из Томска, все они впоследствии стали докторами и профессорами. Из Иркутска приехал Владимир Антонович Клименко, кандидат физико-математических наук. Они составили костяк кафедры теоретической физики на долгие годы. С тех пор я возглавляю кафедру с небольшим десятилетним перерывом в 80-х годах. Первые студенты были замечательные, просто фантастические. Первым выдающимся выпускником был Николай Николаевич Горькавый, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии, сейчас живёт в США. Также у меня учились Игорь Владимирович Игуменцев, доктор философии, Андрей Георгиевич Жилкин и Ярослав Николаевич Павлюченков, доктора физико-математических наук. Случайности у всех работают: выбор города Челябинска для меня случаен, так как в Уфе были проблемы с квартирой, а тут всем кан-

дидатам наук давали квартиры. Много моих учеников оказались в Москве в Институте астрономии. Наука оказывает большое влияние на судьбу каждого. Часть учеников работают в разных странах мира: США, Канаде и других странах.

— **Вы создали научную школу по астрономии. Какие вопросы она исследует?**

— Существует вопрос происхождения магнитного поля космических объектов Вселенной. Многие считают, что это результат работы динамо, а я считаю, что происхождение магнитного поля — следствие эволюции Вселенной, галактик

Александр Егорович Дудоров — астроном, профессор, доктор физико-математических наук. В 1997 и 1998 годах за научно-педагогическую деятельность получил гранты фонда Сороса. Заслуженный работник высшего образования РФ. Лауреат премии Губернатора Челябинской области работникам образования (2001). Награждён почётной грамотой Министерства образования РФ. Носит почётное звание «Почётный профессор ЧелГУ» (2012). Удостоен премии «Hooker Distinguished Visiting Professor», награждён медалью «За активное участие в международном научном сотрудничестве» Академии наук.

Удостоен премии имени Роберта Годдарда (2014, совместно с проф. Н. Н. Горькавым и американскими коллегами A. da Silva, D. Rault и P. Newman) за вклад в изучение Челябинского болида. За вклад в изучение метеорита «Челябинск» Международный астрономический союз присвоил астероиду 8795 (1981 E09) имя Александра Егоровича Дудорова.

Вёл активную научную работу, возглавлял научную школу, исследования которой отмечены грантами Министерства образования, РФФИ, федеральной программы «Астрономия». Руководил городским астрофизическим семинаром, являлся членом Международного астрономического союза, бюро Совета по астрономии Российской академии наук.

и звёзд. Сейчас мы немного расширились, занимаемся вопросами происхождения магнитного поля звёзд и планет. На повестке дня происхождение планет-гигантов, типа Юпитера, а также астероидов и даже метеоритов.

— **Расскажите, чем вас привлекла магнитная газодинамика процесса образования звёзд?**

— Магнитная газодинамика является частью электродинамики. Основными источниками электромагнитных полей являются заряды и токи. На Земле основным является электрическое поле, поэтому у нас строятся электростанции, электросети... Наша жизнь на Земле обусловлена использованием

электрической энергии в значительной степени. В Космосе всё наоборот. Когда-то кто-то во Вселенной, может, Господь Бог, на очень короткое время включил рубильник и создал электромагнитное поле. Электрическое поле быстро затухло, а магнитное поле существует до сих пор, поэтому основным в Космосе является не электричество, а магнитное поле. Разработкой всевозможных следствий существования магнитного поля мы и занимаемся. Разработали теорию остаточного магнитного поля звёзд, в настоящее время в рамках этой теории исследуем

происхождение магнитных прото-звёзд и протопланет.

— **Как вы изучали Челябинский болид, к какому результату пришли?**

— Над этими исследованиями кроме меня работала целая группа: доценты кафедры теоретической физики Сергей Александрович Хайбрахманов, Сергей Николаевич Замоздра, Ольга Викторовна Еретнова. Мы занимались анализом распределения по массам найденных фрагментов Челябинского метеорита. Вместе со студентами и аспирантами искали фрагменты в районе посёлка Депутатский. С Александром Евгеньевичем

Майером, заведующим кафедрой общей и прикладной физики ЧелГУ, мы сделали модель вспышки — взрыва, разрушившего метеорит. Оказалось, что Челябинский метеорит по размерам и мощности вспышки был равен приблизительно 500 кт [килотонн тротилового эквивалента. — *Примеч. ред.*] и считается вторым после Тунгусского метеорита. Работали вместе с Николаем Николаевичем Горькавым, он является дистанционным профессором кафедры, работает в группе «Суоми» [название искусственного спутника Земли. — *Примеч. ред.*], исследует аэрозоли в атмосфере. Он написал письмо, в котором сообщил, что обнаружил в атмосфере Земли новый пылевой пояс и предложил поискать космическую пыль в снегу в районах падения фрагментов метеорита Челябинск.

Это была большая находка, большая работа. Сергей Замоздра и начальник научно-исследовательского сектора ЧелГУ Андрей Валерьевич Кочеров возглавили экспедицию по сбору пыли. В экспедиции участвовали студенты и аспиранты.

За исследование пыли и доказательство, что она имеет космическое происхождение, Горькавый, Дудоров и американские коллеги A. da Silva, D. Rault и P. Newman получили престижную научную премию имени Роберта Годдарда. Мы исследовали физический и химический составы фрагментов метеорита, поднятых из озера Чебаркуль. Большую работу сделала группа «Алеут» по подъёму фрагментов из озера, в сетке достали порядка 650 кг метеорита. Поиск фрагментов в иле Чебаркуля был гениальной поисковой работой этой группы. Мы установили, что большая их часть является фрагментами нашего метеорита. Уже после поисковики приносили много образцов, в основном камни, мы их браковали. Многие университеты, институты и всё научное сообщество по всей стране в мире изучали этот вопрос. Больше всего осколков метеорита сейчас хранится в институте биохимии в Москве. У нас в историческом музее хранится самый большой фрагмент, весом в 503 кг. Исследования челябинского суперболида и фрагментов метеорита Челябинск опубликованы

в трёх изданиях: «Вестник ЧелГУ» (серия «Физика») в 2014 году, в книге «Челябинский суперболид» (издательство ЧелГУ) в 2016 году и его английском переводе издательства Springer в 2019 году.

— **Расскажите, чем вас привлекли звёзды типа Т-Тельца?**

— Тема исследований нашей группы — это большой раздел теоретической астрофизики: магнитная газодинамика, неустойчивости, волны, процесс образования звёзд и планет и многое другое. Так, мы с бывшим моим аспирантом, кандидатом физико-математических наук Сергеем Хайбрахмановым исследуем аккреционные диски молодых звёзд [аккреция — падение газа на гравитационный объект. — *Примеч. ред.*]. Магнитное поле аккреционных дисков лежит в основе рентгеновской вспышечной активности звёзд типа Т-Тельца и других интересных явлений, наблюдаемых в их окрестности. Раньше астрономов называли звездочётами. Сегодня астрофизика — это во многом передний край физики. Тёмная материя и тёмная энергия — это нынешняя «притча во языцах».

«Повзрослели» чёрные дыры, которые всё втягивают в себя и ничего не испускают. Их уже, можно сказать, открыли с помощью регистрации гравитационных волн. А недавно придуманные кротовые норы могут дать человечеству сверхсветовое общение с гражданами других вселенных. А открытие более 4 000 экстрасолнечных планет позволяет спросить, есть ли на них жизнь вместо «Есть ли жизнь на Марсе?». И это уже серьёзно.

— **Как астрофизика повлияла на вашу жизнь?**

— Отрицательно, если говорить о нормальной жизни. Астрономия и астрофизика финансируются по остаточному принципу. Получайте то, что осталось. Остаются обычно крохи. Мои ученики за рубежом живут значительно лучше, чем я. Положительно, если учитывать интерес, увлечённость, заоблачность. Астрофизика — это моя жизнь, это захватывающая область науки, в значительной мере фантастическая, это продолжение

и развитие взглядов Станислава Лема, братьев Стругацких, Айзека Азимова и многих других. И моя жизнь значительно более интересна, чем обеспечена. В моей жизни основная роль играли не деньги, а интерес, увлечённость, стремление раскрыть что-то неизвестное.

— **Александр Егорович, насколько теоретическая физика актуальна в настоящее время?**

— Весьма актуальна. Физика — экспериментальная наука. Обычно экспериментаторы получают результат, а теоретики его объясняют. Но они должны работать вместе. Яркий пример — взаимоотношения двух нобелевских лауреатов Петра Леонидовича Капицы и Льва Давидовича Ландау во время исследования сверхтекучести гелия. В настоящее время теоретическая физика вырвалась вперёд. Она определяет эксперименты по подтверждению теорий объединения физических взаимодействий. Уже обнаружили, можно сказать, бозон Хиггса, гравитационные волны, нейтрино, антигравитацию... Важно создать единую теорию всех четырёх типов физических взаимодействий и подтвердить её.

— **Вы преподаёте дисциплину «Современные проблемы физики», какие проблемы волнуют вас больше всего?**

— Во всякой проблеме можно найти интерес. В физике есть передовой фронт: теория объединения физических взаимодействий: гравитационного, электромагнитного, сильного и слабого. Развиваются теории каждого типа взаимодействий. На передовую выходит космология. С. Хокинг исследовал первые доли секунд нашей Вселенной [теория, что Вселенная была горячей. — *Примеч. ред.*]. Это теория, но есть перспектива выхода на экспериментальный уровень. Совсем недавно появились уникальные эксперименты по регистрации гравитационных волн. Мы знаем, что две сливающихся чёрные дыры генерируют гравитационный импульс. БАК [Большой адронный коллайдер. — *Примеч. ред.*] обнаружил элементарные частицы Хиггса. Это тоже фантастическое достижение. Возникли и новые проблемы.

Коллектив кафедры теоретической физики

Оказывается, что Вселенная лишь на 4 процента состоит из адронов и электронов, а остальное — это непонятно что: 31 процент — тёмная материя, а 65 процентов — тёмная энергия. Что такое тёмная энергия, мы только пока предполагаем. Предположительно, что она добавляет упругость Вселенной, может, она обуславливает антигравитацию. Галактики разбегаются с ускорением, это может вызывать тёмная энергия. Недавно Трамп подписал указ в поддержку коммерческого освоения ресурсов на Луне и других небесных тел. Речь идёт о колонизации спутников и планет. Это идея замечательного советского астрофизика Николая Семёновича Кардашёва о технологическом развитии цивилизаций [основана на количестве энергии, которое цивилизация может использовать для своих нужд. — Примеч. ред.]. Наша цивилизация техническая, обладает энергией, как у Земли. Следующим этапом она будет сравнима с энергией Солнца, да-

лее — с энергией Галактики. На Юпитере сейчас много редких металлов. Мы живём в век экспериментального освоения Солнечной системы. Большие преимущества получит та страна, которая свободно будет летать в космос.

— Расскажите, каким из исследований вы гордитесь больше всего? Какое самое значимое для вас лично? И почему?

— Основное моё достижение — разработка теории остаточной природы магнитного поля звёзд и её приложений. Но больше всего я горжусь своими учениками! Пусть они меня простят. Я, как в старину: Коля Горькавый, Таня Бучина, Игорь Игуменцев, Сергей Устюгов, Андрей Жилкин и многие-многие другие. В настоящее время мы исследуем магнетизмы аккреционных дисков молодых звёзд типа Т-Тельца и Ae/Be звёзд Хербига Аро. Основные результаты были получены в 80-х годах совместно с Юрием Сазоновым. В 1991 году

защитил докторскую, и только сейчас появились статьи, которые вновь поднимают данную проблему в мире.

— Как относитесь к популяризации астрофизики?

— К научно-популярным источникам в Интернете нужно относиться аккуратнее. Из журналов есть интересный — Scientific.ru. На него можно ссылаться, в нём нет «лабуды». Была хорошая передача «Очевидное и невероятное», отличные научные обзоры были в «Комсомольской правде». Раньше я читал Лема, Стругацких, Брэдли: любил фантастов. Это были высокообразованные люди. Там была глубина. В «Звёздных войнах» и «Интерстелларе» я не вижу глубины, это слишком поверхностно. С точки зрения науки — абсурдно. Такие способы популяризации я не уважаю, так как там слишком много научных несуразностей. Это просто шоу, многое делается сейчас просто ради шоу.

Первые библиотеки университета. Н. Ф. Грошева

Выступление хора ЧелГУ. Руководитель В. Усольцев

Н

асколько знаю, вы по первому образованию врач, шесть лет проработали в медицине. Но с 2005 года начали плотно заниматься юриспруденцией. С чем связана столь радикальная смена профессионального вектора?

— Я раздумывал над этим вопросом и, посмотрев на свой жизненный путь, понял, что это не смена, а расширение круга интересов. Основной вектор, которого придерживаюсь, — работа и интерес к ней. Всегда считал, что в любой деятельности нужно искать для себя что-то увлекательное, чтобы со вкусом работать. Соответственно, круг интересов расширяется.

— И в пределах одной профессии становится тесно?

— У меня когда-то был интерес к технике, к физике и математике. В 82-й гимназии Челябинска учился на физико-математическом направлении. И тогда, в 1993 году, задумавшись над тем, какие специальности востребованы, что нужно людям, остановился на такой, безусловно, гуманистической профессии, как врач. Она всегда нужна, и в 90-х это было немало важно. В то сложное время зарождения рыночных отношений многие профессии оказались не у дел: те же инженеры на рынке труда почувствовали себя неуютно. Решил заняться медициной, тем более в семье медики были. Самый далеко продвинувшийся среди нас по этой стезе человек — Михаил Васильевич Даниленко. Он ещё в советские годы стал доктором медицинских наук, профессором, членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР, Героем Соцтруда, ректором Львовского медицинского института. Поэтому мой профессиональный путь был

О. Н. Егоров: Студентам стараюсь объяснить: не следует искусственно сужать свой кругозор

Подготовила
Виктория Котова

Можно ли, защитив кандидатскую по медицине, стать профессиональным юристом, когда на это стоит идти и где пересекаются призвания врача и правоведа? Об этом, а также об особенностях рутинной борьбы с коррупцией и стремлениях современных студентов-юристов говорим с доцентом кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Олегом Николаевичем Егоровым.

тогда продуман и обусловлен многими обстоятельствами.

— **Какая сфера медицины вас интересовала больше всего?**

— Патологическая анатомия. Окончив в 1999 году медицинскую академию, именно по этому направлению поступил в ординатуру, а позднее — в аспирантуру. Параллельно почти шесть лет работал в патологоанатомическом бюро, на кафедре преподавал студентам. Для патологоанатома юридические аспекты деятельности очень важны. Отсюда мой интерес к юриспруденции. Здесь, кстати, тоже было, на кого равняться в семье — мой дедушка, Залётов Николай Михайлович, долгие годы был председателем районного суда. Моя кандидатская диссертация посвящена медико-юридическим проблемам.

— **О чём она?**

— Я изучал осложнения хирургического лечения болезней лёгких. Подчеркну: осложнения не болезни, а именно лечения. Есть такой термин «ятрогения» — заболева-

это агрессия. Но это необходимый и осознанный риск, на который врачи идут, чтобы помочь пациенту. Им нужно знать, в каком проценте случаев вероятен неблагоприятный исход, от чего он зависит и как его предотвращать. В моём исследовании, с одной стороны, описывались симптомы осложнения лечения, с другой — выявлялись признаки, позволяющие результат лечения предсказать. Ну, и, конечно, немаловажно, как грамотно построить диагноз, чтобы это правильно отражало суть явлений с медицинской, да и юридической точек зрения. В моей работе медицинских аспектов больше, чем правовых, но и юристы активно интересуются этой проблематикой. С 2018 года председатель Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин создаёт в структуре СК РФ отделы по расследованию ятрогенных преступлений. А если говорить о медицине, то учение о ятрогениях в ней развивается с 20-х годов XX века, причём велика заслуга в этом отечественных

ценился, в том числе в правоохранительных органах.

— **Ваше перевоплощение в юриста действительно выглядело последовательным. Но не было ли в ваших мотивах оттенка разочарования в первой своей профессии, что характерно для многих студентов старших курсов?**

— Очень сочувствую людям, которые разочаровываются в своём выборе. Мне всегда нравилось учиться, узнавать что-то новое. А в нашей современной жизни это неизбежная необходимость. Известный финансист Герман Греф года полтора назад озвучил идею о том, что в будущем наличие трёх-пяти дипломов о высшем образовании станет нормой для современного человека. Наверное, он прав. Рынок труда активно меняется: то одна профессия на грани исчезновения, то другая. Остаётся учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал Владимир Ильич Ленин. На мой взгляд, главное, чтобы все полученные знания помогали в жизни.

— **То есть смена профессиональных приоритетов у вас проходила безболезненно?**

— Давайте разграничим работу и учёбу. Учиться всё время интересно и хорошо. А вот менять работу в 2005 году было страшно, не скрою. Мне тогда исполнилось 29 лет, многие в этом возрасте хотят чего-то консервативного, устоявшегося. У меня за плечами к тому моменту медицинское образование, кандидатская диссертация, опыт работы врачом, преподавателем в вузе. Казалось бы, что ещё?! И вдруг это всё оставлять.

— **И как решились?**

— Закрыв себе пути к отступлению: уволился с кафедры и из патологоанатомического бюро. Пошёл устраиваться в юридическую фирму, чтобы обрести опыт. А потом так сложилось, что два моих профессиональных вектора — медицинский и правовой — сошлись в одном направлении. В 2005–2006 годах работал экспертом в челябинском подразделении Росздравнадзора. Там оба моих образования оказались востребованы. И я был такой не один — со мной на службу поступила Лариса Александровна Землянская. У неё первое образование тоже

медицинское, а юридическое мы получали вместе в ЧелГУ. Сейчас она возглавляет Управление Росздравнадзора по Челябинской области.

— **Из чего состояла ваша работа?**

— Мы занимались лицензированием медицинской, фармацевтической деятельности, а также деятельности, связанной с законным

каждой сделки. Думаю, известно, сколько в этой сфере совершается нарушений.

— **Да, вечная тема.**

— Несколько лет назад президент говорил, что, по его данным, в России коррупция съедает в сфере закупок триллионы рублей. А Счётная палата только в 2020 году выявила четыре тысячи нарушений с суммой

С А. И. Киселёвым на научно-практической конференции, проводимой Самарским юридическим институтом ФСИН России

оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Несколько раз в Арбитражном суде Челябинской области приходилось отстаивать правильность нашей позиции по отказу в выдаче лицензии, по мерам, применяемым к нарушителям лицензионных правил и условий ведения лицензируемой деятельности. В 2006 году я вернулся в медуниверситет, но уже в новом качестве: прошёл путь от юрисконсульта до начальника управления контрактной службы. Занимался в основном правовым обеспечением закупок. Это одна из серьёзных проблем современного правового поля, а медуниверситет — крупный федеральный заказчик, у которого значительный объём и разнообразный ассортимент закупаемого. Поэтому закупали и лекарственные средства, и медицинские изделия, а это — исключительно сложный комплексный, в том числе и юридический вопрос. При покупке товаров с высокой стоимостью нужно обеспечить правовую чистоту

ущерба в 350 миллиардов рублей. Треть из них — результат злоупотреблений при закупках. Но добросовестным заказчиком необходимо обеспечить правовую чистоту их сделок.

— **Коррупцию при этом можно победить?**

— Проблема страшная, тяжёлая. И правоприменительная практика показывает, что всё очень тревожно. Значительная часть коррупционных нарушений приходится на сферу закупок: бюджетные деньги — лакомый кусок для коррупционера. Правовое обеспечение закупок — новая отрасль знания, которая в последнее десятилетие стремительно развивается на стыке юриспруденции, экономики и менеджмента. Кстати, как вы думаете, сколько лет институту закупок?

— **Предполагаю, что около трёхсот...**

— Петровские времена вспомнили. При Петре I вышел указ о подряд-

ных торгах. «Буде кто из купцов избыточно снизит цену, выдать столько-то бато́гов (то есть ударить купца) и спросить, настаивает ли он на этой низкой цене. Если не настаивает, то пустить с миром и продолжить торги с предыдущей отметки. А если настаивает, тогда заключить контракт (тогда он назывался подрядом), но предупредить, что, если не выполнит, то помимо всех финансовых последствий купец получит удвоенное количество бато́гов». Вот так с демпингом, говоря по-современному, боролись в петровские времена. Но закупки на Руси ещё древнее. Им не менее тысячи лет. На берестяных грамотах, найденных в Новгороде, обнаружили протоколы подрядных торгов, в том числе для нужд города. Сфера закупок — действительно наука по всем признакам научного знания: повторяемость, логичность и так далее. Есть Институт по ресурсному обеспечению управления закупками и продажами для государственных и муниципальных нужд закупок им. А. Б. Соловьёва при Высшей школе экономики. Есть ряд тематических изданий — как бумажных, так и интернет-ресурсов. Учёные работают по этой теме. Сейчас наш заведующий кафедрой — Андрей Владимирович Майоров — мне и ещё одному нашему доценту, Андрею Владимировичу Кудряшову, поручил подготовить отзыв на присланную одним исследователем в Институт права диссертацию по правовым вопросам противодействия коррупции в закупках. Есть курсы повышения квалификации для тех, кто работает с закупками, и их нужно проходить регулярно. Также я слышал, что разработан проект Федерального государственного образовательного стандарта программ высшего образования в сфере закупок. Не исключено, что через несколько лет абитуриенты смогут поступать и на это направление подготовки.

— **С развитием Интернета стало проще отслеживать коррупционные сделки?**

— Зависит от того, какой этап закупок надо проконтролировать. Конечно, не выходя из дома, многие вещи можно обнаружить через Сеть. Запланировал заказчик закупку — вывешивает её в плане, прописывает техническое задание, обосновывает цену. Здесь же размещаются и протоколы закупочных

Олег Николаевич Егоров имеет опыт практической работы в медицине (1999–2005 годы) и юриспруденции (с 2005 года), в том числе руководителем среднего звена. Выполнял организационно-правовую работу по обеспечению закупочной деятельности бюджетных учреждений, выстраивал взаимодействие с административными и правоохранительными структурами. С 1999 года преподаёт в высших учебных заведениях. Автор около 100 научных трудов.

ния, вызванные действиями или бездействием медицинского работника. К примеру, проводят бронхоскопию или торакоскопию и могут при этом задеть кровеносный сосуд, спровоцировать кровотечение, повредить нерв. К сожалению, бывает и так, что врачи забывают при операции в организме больного инородные тела. Юристы чаще всего оценивают это как халатность (статья 293 Уголовного кодекса РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 Уголовного кодекса РФ). У меня в диссертации один из таких случаев продемонстрирован: хирурги оставили марлевую салфетку в плевральной полости, что привело к гибели больного. Но бывает, что медики ни в чём не виноваты. В определённой доле случаев любое вмешательство может закончиться неблагоприятно. Любая хирургическая операция —

учёных; надо отметить, что у нас в Челябинске давно сформировалась общепризнанная научная медицинская школа по изучению этого явления. Её основы заложил профессор Владимир Леонтьевич Коваленко.

— **В реальности медицина и юриспруденция не так далеки друг от друга, как кажется.**

— Мы с научным руководителем даже рассматривали вопрос о том, не стоит ли защищать диссертацию сразу по двум специальностям. В итоге решили ограничиться тем, что есть. Но, ещё работая над исследованием, в 2001 году, я поступил в Челябинский госуниверситет получать второе высшее образование — юридическое. Вуз выбирал не по принципу «ближе к дому», а вполне осознанно. Диплом юриста, полученный в классическом ЧелГУ, уже тогда очень

процедур. Этими данными активно пользуются политики, блогеры, общественные деятели, выявляя, например, спрос на «золотые унитаза» и прочую роскошь. Действительно, возможности контроля расширились. Но и действия коррупционеров как реакция на это смещаются из публичных этапов сделки в непубличные. Выбор поставщика, подрядчика и исполнителя достаточно прозрачен — руководителю можно задать вопрос: «Почему вы заключили контракт с данной конкретной фирмой?». И он должен объяснить, например: проводили аукцион и победитель на установленных условиях предложил наименьшую цену. Но техническое задание можно составить так, что его будет способна выполнить лишь одна фирма. Можно поиграть с начальной и максимальной ценой — или в сторону увеличения, чтобы коррупционный резерв был выше, или, наоборот, назначить минимальную цену, чтобы подряд взяла только одна фирма, которой за деньги пообещали, что не будут проверять объём и качество исполнения контракта. Вспоминается случай в Санкт-Петербурге, о котором писали СМИ несколько лет назад. Заказывали замену труб. Все документы подписаны, акты сделаны, оплата произведена. А потом правоохранительные органы обнаруживают, что ни одного метра трубы не заменили. Насколько знаю, руководитель учреждения, который проводил закупку, до сих пор в розыске, сотрудники под следствием. Это наглядный пример того, как коррупция перемещается в ниши, за которыми сложно следить через Интернет.

— **Работая в медуниверситете, вы отстаивали его интересы как добросовестного заказчика?**

— Да, управлением контрактной службы я руководил до 2018 года, параллельно преподавая в двух вузах — медицинском и в ЧелГУ. Потом полностью посвятил себя преподаванию.

— **В профессиональном становлении в качестве врача и юриста кто из наставников на вас повлиял?**

— Мне повезло, так как на моём жизненном пути встречались умные, компетентные, коммуникабельные люди, с которыми было приятно беседовать. Конечно, научный руководитель — профессор Ка-

зачков Евгений Леонидович. Могу назвать Владимира Михайловича Шадрина, который преподавал теорию государства и права в те годы, когда я получал здесь второе высшее. Роберт Валентинович Голубев читал лекции по прокурорскому надзору. Одна из причин, по которой выбрал в качестве специализации уголовное право, — наибольшее количество дисциплин. Это давало возможность общаться со многими преподавателями, больше узнавать. Немалое влияние на меня как на учёного-правоведа оказал первый заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Сергей Павлович Олефиренко. Конечно же, хочу отдельно поблагодарить своих родителей, Галину Николаевну и Николая Михайловича Егоровых, за их неизменную поддержку меня на моём жизненном пути — и материально, было дело, помогали, и, что ничуть не менее важно, всегда поддерживали меня, в том числе и в выборе профессии, стези, морально. Я очень им благодарен.

— **Современные студенты учатся на юриста, рассчитывая на стремительную карьеру, или же присутствует мотив борьбы за правду, свободу, порядок и прочие незыблемые ценности?**

— Вы задали очень хороший и серьёзный вопрос. Мы в институте права стараемся анализировать, пошло ли нашим студентам образование на пользу. По заданию директора Валерия Витальевича Киреева проводили опрос среди наших выпускников. И я тоже принял в нём активное участие. Есть исключения из правила, но подавляющее большинство работает по специальности. Наши выпускники есть в полиции, в прокуратуре, в Следственном комитете, в различных федеральных службах, в судах. С развитием дистанционных форм обучения появилась возможность работать с магистрантами со всей страны. У меня одна из лучших выпускниц живёт в Ханты-Мансийском автономном округе. Были магистранты из Москвы, из Ставрополя. Что касается мотивации. Я беседую со студентами, и среди них есть небольшая доля тех, кто просто получают диплом. Есть те, кто пришли по настоянию родителей.

Но, как правило, люди учатся осознанно. Мне как отцу троих детей кажется, что выбирать за ребёнка профессию — неправильно. Заниматься на работе чем-то тебе неинтересным очень тяжело. Знаю людей, которые в офисе всё время смотрят на стрелку часов, ожидая, когда она достигнет пяти вечера. Очень тяжело таким людям. Поэтому лучше, чтобы человек сам выбирал, что ему делать. А задача родителя — предложить как можно больше вариантов, расширить для своего ребёнка коридор возможностей. Не стоит огорчаться, если выбор не получился с первого раза. Мотивация современных студентов сложнее, чем у нас в конце 90-х, даже в том, что касается сугубо материальных аспектов. Если мы интересовались в основном уровнем заработной платы в профессии, то сегодня молодые люди думают не столько о доходе, сколько о социальных льготах, преференциях, надеются раньше выйти на пенсию, получить лучшее санаторно-курортное обеспечение.

— **А где же реализация своего «я»?**

— Яркие личности, конечно же, есть. И элемент альтруизма в их действиях почти всегда присутствует. Свои научные работы студенты выполняют исключительно на энтузиазме: пишут статьи, публикуются, выступают на конференциях. Есть и те, кто просто живут, плывя по течению, но и это своего рода цель. Тем более, высшее образование даёт не только набор узких компетенций, но и широту кругозора. Студентам стараюсь объяснить: не следует искусственно сужать свой интерес. Как в медицине шутят: «Не надо превращаться в специалиста по левому уху, вдруг придётся работать ещё и с правым».

— **Могли ли предположить лет двадцать назад, что кафедра преподавателя университета станет для вас основным местом работы?**

— Конечно, в деталях свою судьбу предвидеть не мог. Но предполагать, что займусь наукой, основания были. Меня всегда это интересовало, первые научные работы выполнял ещё в гимназии. У меня даже кличка была — «профессор». Надеюсь, когда-нибудь она реализуется в учёном звании.

Преподаватели-математики: В. Г. Бондарев, С. Г. Иванов, Г. А. Завьялов, 1980 год

Преподаватели историко-филологического факультета, 1 мая 1983 года

Марина Викторовна, помните свои первые — ещё студенческие — впечатления от ЧелГУ, с какими эпизодами, событиями вашей жизни они были связаны?

— Порог университета переступила 1 апреля 1980 года. Моя сестра уже там училась, она меня и пригласила именно тогда на праздник, который назывался «Юморина». В стареньком актовом зале с деревянным полом была сцена с флагами советскими — помещение от школы не отличалось. Но на сцене происходило что-то невероятное! У меня было ощущение человека, который всю жизнь сидел с радиопрограммой «Пионерская зорька», ничего краше, слаще в жизни не видел — и тут ему показали шоу XXI века. Полный карнавал: мальчишки с бородой и усами в бальных платьях, изображавших то Анну Каренину, то ещё кого-нибудь. Это было просто уморительно, безумно смешно! Получилось, что я впервые пришла в университет не как в научное заведение, а как в клуб. В тот день была ужасная, отвратительная весенняя погода, всё вокруг развезло, к корпусу невозможно было даже подступиться. И вот ты, прыгая через эти лужи и льдины, добираться до крыльца, поднимаешься — и висит объявление: «Извините, вход с другой стороны». И стрелочка — иди в обход здания. Господи! Ты опять через лужи прыгаешь, огибаяешь здание, все ноги мокрые (обувь же тогда плохая была). Допрыгиваешь до другого входа, и видишь большое объявление: «С первым апреля! Вход — там» — и стрелка, указывающая туда, откуда ты только что припрыгал. Вот этот квест со входом — я же его помню, насколько это было смешно и остроумно! А самое главное,

**М. В. Загидуллина:
Цифровыми
технологиями
невозможно заменить
присутствие человека**

Подготовили:
Андрей Сафонов,
Алёна Огурцова

Профессор Марина Викторовна Загидуллина умеет точно подмечать актуальные тренды культуры и массовых коммуникаций, детально их анализировать на основе обширных и одновременно глубоких фундаментальных знаний. При этом её отличает уникальная жизненная энергия, позволяющая без лишних барьеров общаться со школьниками, студентами и коллегами самых разных возрастов и сфер деятельности. Говорим с ней об атмосфере ЧелГУ, с которой Марина Викторовна знакома со школьных лет, эмоциях и смыслах в сетевом общении, а также о том, как в условиях современной медиасреды преподавать гуманитариям на журфаке.

когда ты прыгаешь через лужи обратно, вспоминаешь: «Боже мой! Мне навстречу шло столько людей, и все шли молча, никто не говорил “не ходи туда, это розыгрыш”». И ты потом идёшь точно так же молча, участвуя в этом «заговоре».

— Такое погружение...

— Мне показалось, что это просто другой мир, его нельзя сравнить со школой. И тогда, в восьмом классе, я поняла, что это здорово — учиться в университете. Через два года задумалась: может быть, ехать в Москву, в большой университет? Родители меня отговорили. Думаю, просто боялись за меня: как там буду в другом городе, и я хорошо их понимаю сейчас. Но я не чувствовала себя обделённой из-за того, что с золотой медалью поступаю именно в ЧелГУ — всё равно для меня это было пространство совершенно новое и неожиданное. Студенты, кто очно учился, они свой первый курс помнят как начало новой жизни, кардинально отличающейся от того, что было раньше: у тебя новый коллектив, другие задачи, ты совершенно по-другому учишься, чем в школе. И ты вступаешь в период взрослости, у тебя начинается и твоя активная личная жизнь. И всё это вместе умножается на какой-то карнавально-яркий мир!

— Со студентами других факультетов общались? Университету тогда — всего несколько лет, он не был большим, вероятно, и общение было более тесным?

— Да, мне, к тому же, повезло. Поступала с одним экзаменом. Тогда было правило: если у тебя золотая медаль, и первый экзамен сдаёшь на «пять» — тебя зачисляют сразу, раньше других. Наградой для всех, кто сдал на «отлично» единственный первый экзамен, была немедленная отправка в колхоз. Первого августа тебя зачислили, пятого — ты уже на полях в окрестностях Полетаево. Все отличники со всех факультетов! И там я впервые подружилась с физиками, химиками, математиками. В первом в твоей жизни «колхозе» формируется коллектив. И мне повезло, что, помимо группы на филологическом факультете, в которой я училась, у меня был круг общения со студентами других специальностей. Мы очень подружились, стали таким сбитым коллективом. Довольно долго

до окончания университета и даже после встречались — этакий «сельскохозяйственный отряд отличников 1982 года». Когда мы впервые после колхоза встретились на Новый год в январе, мы все взахлёб друг другу рассказывали, что происходит в наших группах. И помню, что они все хором сказали: «Марина, у тебя самый интересный факультет!» А я им просто рассказывала истории из книг по античной литературе. На каждом факультете было интересно, и везде эта атмосфера умножалась на юность, на свежесть. Да и сейчас, вероятно, это так работает.

— Ощущение клуба сохранялось в процессе обучения?

— На первом курсе — может быть, но потом учёба стала всё больше доминировать. Вовлечь нас в общественную, как тогда говорили, комсомольскую работу становилось всё труднее — надо же было столько читать по учебным дисциплинам! А к пятому курсу это уже был мир вполне взрослых людей, решающих по-настоящему взрослые проблемы, и представить, что мы по-прежнему будем с воодушевлением скакать по сцене... Хотя мы во всём участвовали, конечно. Университетская жизнь объединяет всё: и личные переживания, с которыми ты делишься с друзьями, и занятия в аудитории, где ты говоришь, что тебе скучно или, наоборот, интересно, и совместные гуляния. И ещё два месяца в колхозе каждый год — числа с десятого сентября и до ноябрьских холодов, когда нас всех помороженных, с простудами, почти с цингой возвращают в город. Помню, как в течение 30 суток — на завтрак, обед и ужин — нас кормили гороховой кашей. Ещё хлеба было навалом, и кипятком. Жили в неотапливаемых бараках пионерского лагеря, где температура ночью в районе ноля, а под утро — минус три. Но была солидарность в стремлении пережить это всё.

— Галина Яковлевна Шишмаренкова — знаковая фигура для Челябинского государственного университета. Каково было учиться на филфаке, когда декан ваша мама?

— Было нелегко. С самого начала столкнулась с преподавателями, которые меня на всякий случай презирали как «деканскую дочку».

Марина Викторовна Загидуллина в 1987 году окончила филологический факультет Челябинского государственного университета. В 1992 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Традиции Пушкина в романах Достоевского». С 1987 года работала в средней школе № 58 Челябинска учителем русского языка и литературы. С августа 1992 года переведена в ЧелГУ на филологический факультет. В 1999 году получила звание доцента. В 2002 году защитила докторскую диссертацию «Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема». Профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций ЧелГУ. Научный руководитель 19 кандидатов филологических наук. Руководитель ряда исследований, поддержанных Российским научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований, Министерством образования и науки РФ.

На советском жаргоне это называлось «блатная»: «Ну, она же блатная — деканская дочка!». Зато ребята в группе были замечательные! Да и на всём потоке. Мы были товарищами, они меня поддерживали, когда очередной педагог начинал глумиться по поводу моего «благородного происхождения». Я вспоминаю их поддержку с благодарностью, а своих «иронизирующих» преподавателей — без всяких обид. Конечно, из-за моего «статуса» мимо меня проплыла и ленинская стипендия: я подходила по всем требованиям — отличница, активистка и прочее, но, увы, попадала под клеймо «семейственности», так тогда именовалась коррупция.

— С позиции ценностей, с вашей точки зрения, и тогда, и сейчас университет — это про что?

— Невозможно отрефлексировать ценности, находясь внутри процесса. Пока ты студент, ты не понимаешь, что ценить, что для тебя важно, что у тебя в памяти останется навсегда, и ты не представляешь, как то, что тебя раздражает в данный момент, будет ценным воспоминанием

Семья Шишмаренковых. В первом ряду — родители М. В. Загидуллиной (она сама слева во втором ряду): декан факультета педагогического образования В. К. Шишмаренков и декан филологического факультета Г. Я. Шишмаренкова

через пятнадцать, тем более — через сорок лет. Надо очень сильно отодвинуться во времени, чтобы понять, что было ценного. Мы все критиковали большую часть наших преподавателей, считали, они дают нам то, что никогда в жизни не пригодится, что подготовка в университете нулевая — всё, что студенты сейчас говорят, мы говорили в своих 1982–87-м годах. Мы считали, что то, как нас учат литературе и русскому языку, не даст нам возможности реализоваться в жизни и т. д. То есть нам недодали, мы недополучили, нас недоучили — вот это отношение всегда было. Оно особенно обострилось на четвёртом курсе. У нас сейчас бакалавры в это время диплом защищают — это очень хорошо занимает их мозг и отвлекает от грустных мыслей. А мы были лучшая группа университета — из 25 человек 22 учились на «четвёрки» и «пятёрки». Мы были «высоколобые и высокобровые», образование-то было гуманитарное. А гуманитарное образование быстро делает людей снобами — просто неизбежно: ты начинаешь ценить свою «интеллектуальность»,

которая есть просто элементарная начитанность. В итоге приходило ощущение пустоты, которое мешало эти ценности понять.

— Почему?

— Пустота возникала из-за отставания рефлексии от фактов. Эмоциональное ощущение от того, что ты «крутой», а тебя всё ещё продолжают пичкать какими-то парами, лекциями, практиками, списками вопросов — всё это начинает раздражать. А потом, когда уже много лет прошло, поняла, что университет всю твою самостоятельную хаотическую интеллектуальную работу (я и до поступления очень много читала) систематизирует. Когда у тебя есть расписание (лекция — семинар, семинар — лекция), в клеточках которого ты работаешь, сама «клетчатость» этого расписания систематизирует твои знания. Ты оказываешься в системе, где знания разбиты на дидактические обозримые кусочки. Например, сегодня мы проходим культуру барокко. Прошли. Ты можешь задуматься: что понял, что не понял, обсуждаешь эту те-

му с друзьями, читаешь книжки. А следом уже новая тема — ренессанс и так далее, неостановимо.

— Такое давящее нагромождение не до конца осмысленных студентом фактов.

— Но — потом окажется, что ты понял сам принцип логических цепочек, исторической последовательности. И это становится частью когниции. То есть когда ты закончил университет, твой мозг работает по-другому, чем у тех, кто его не закончил. Даже если они много занимались, сами себе прокладывали пути. Твой мозг будет системным. И это ты получишь, независимо от своей любви или ненависти к преподавателям, занятиям, низкому качеству твоей успеваемости и чему угодно ещё. Полтора часовой формат пары — это совершенно другая, чем в школе, когнитивная работа, вовлечение и погружение.

— То есть университет — система, где есть целеполагание?

— В университете у тебя как студента нет целеполагания. Когда ты начинаешь учиться — это то же

самое, что покупаешь кота в мешке, куда бы ты ни пошёл — в ЧелГУ, МГУ, МГИМО, Оксфорд... Ты вступаешь с какими-то радужными ожиданиями, представлениями, предположениями, которые все будут сломаны. Ты попадёшь в мир утраченных иллюзий. Неизбежно. Но когда ты утрачиваешь иллюзии, это говорит не о том, что система плохая, а о твоей личной инфантильности. Однако эта мысль придёт тебе в голову только через сорок лет. Будучи преподавателями, ждать от студентов осознанного целеполагания мы не можем. Нет адекватной мотивации по цели у студента. Не может её быть. Потому что образование гораздо шире того, что может вместить сознание молодого человека. Задача университета — развить когнитивное мышление, а не дать в руки условный «гаечный ключ», конкретный инструмент, прикладной навык. Единственное, в чём можно убеждать с этой точки зрения студентов возраста 18–22 лет, единственная цель, на которую их можно ориентировать, — не останавливаясь, искать цель.

— В чём здесь роль преподавателя?

Вручение дипломов магистрам-журналистам, 2021 год

— Преподаватель точно не может быть суммой компетенций. Опротестовано думать, что если ты обладаешь нужными компетенциями, ты уже педагог. Никакой ты не педагог. Для наставничества реально должно быть внутреннее желание тратить себя на других. Если у тебя этого нет, если тебя тяготит, что ты должен своё время, свои эмоции, свои знания потратить на других людей, ты не педагог, тебе нечего здесь делать. Если ты тратишь себя только с целью получить какие-то бонусы — ты не педагог, не надо даже заикаться об этом. И я не педагог, потому что у меня нет желания поставить себе в качестве императива тратить себя на других: чувствую, что мне скучно, неинтересно, меня утомляет это. У меня нет сил на то, чтобы себя тратить. Знаю, что могу прекрасно о чём-то рассказывать, и, если возьмусь, то сделаю, но мне это не надо. С другой стороны, не может быть какой-то одной универсальной формулы наставничества.

— Значит, всё-таки реально стать педагогом, не растрчивая себя?

— Можно быть просто очень продвинутым в какой-то одной области знания. И относиться к этому не начётнически: типа, я прочитал две книжки и умею про них рассказывать. А ты въехал во что-то достаточно глубоко, и сам себе отвечаешь на вопрос, насколько ты прокачан в этой теме, насколько системно она уложена в твоей голове. Ты выходишь к студентам, и легко, доходчиво им это всё объясняешь. Классно! Даже если ты эгоист и не способен «сердце отдавать детям», ты приносишь им пользу. Потому что ты не говоришь им: «Я это знаю лучше, чем вы». И что студент из этого извлечёт? Что он ничтожество, а ты крут?! Очень мило! Это не университет уже, а поглаживание личных амбиций. Но если студент увидит, что ты умён в своей теме, никогда он не скажет, что ты эгоист, даже если как человек ты ему чем-то не нравишься. И если я берусь, то умею рассказать о чём-то студентам так, что они зажигаются этим знанием. Значит, моя цель достигнута. При этом не думаю, что цель преподавателя провести студентов через

лабиринты знаний. Знание усложнено и углублено так, что это уже не по силам одному человеку даже в пределах небольшого раздела.

— Можно ли сказать, что преподаватель, глубоко разобравшись в предмете, ненавязчиво, на своём примере демонстрирует студентам возможность приближения к цели, к самоопределению?

— Да, это хорошая мысль! Педагог является примером демонстрации пути, дао. Показываю, что сама готова идти и их зову за собой или показываю студенту возможность обрести свой путь. Пусть даже на материале небольшого отрезка, какого-то жизненного явления, в котором педагог помогает студенту разобраться. Но это ощущение открытия, достижения результата очень важно! То есть цель, достижение которой длиною в жизнь, мы подменяем возможностью сегодняшнего шага вперёд и выше. Цель — всё время идти вперёд и выше.

— Вопрос о вашем пути. Широта ваших научных интересов впе-

чатляет. Вы начинали как исследователь творчества Пушкина и Достоевского, потом глубоко изучали массовую коммуникацию, затем появилась книга «Рацион», раскрывающая пищевые коды культуры. Кроме того, вы возглавляете оргкомитет конференции «Аркаимские чтения», включив тем самым в поле своих интересов ещё и археологию. Как вы определяете, в каком направлении двигаться? Что для вас является навигатором?

— Думаю, здесь есть элемент разбросанности моей, потому что мозг у меня работал всегда энциклопедически универсально. И это в данном случае себе не в плюс, а в минус ставлю. Когда чувствую, что чего-то не знаю, готова погружаться в новое для себя поле исследований со всем отчаянием и каким-то губительным восторгом. Именно поэтому мне были интересны физика, химия, математика — мои любимейшие предметы в школе. Мне они нравились именно тем, что всё время держали мозг в тонусе. На их фоне литература или русский язык казались более простыми. До сих пор удивляюсь, как я не стала доктором физико-математических наук — просто на любви к этой сфере. Что касается социально-гуманитарного знания, то на самом деле здесь всё связано идеей универсализма человечности и человека, идеей гуманизма.

— В чём её суть?

— Идея человека, который стоит в центре довольно запутанной социальности (им же самим сделанной) плюс довольно равнодушной природы. Человека, который постоянно должен задавать себе вопросы и отвечать на них. Вот эта идея всегда привлекала. Поэтому цивилизационная тематика того же Аркаима для меня была примерно тем же самым, что и тема еды. Пищевые коды человечества фактически и есть основа цивилизационного развития. Когда говорим о социуме, мы по-прежнему определяем уровень бедности человека по тому, какую часть дохода он тратит на еду. В работе над «Рационом» для меня очень важно было через пищевые коды выйти на коды высокого гуманизма, идеи служения человеку. Например, понять, почему люди всег-

да говорят спасибо за еду, почему всё устроено так, что до сих пор считают еду каким-то даром, радостью, а не тем, что должно быть тебе приписано просто по факту рождения. Это значит, что ты как живой организм всё время живёшь со страхом умереть от голода. Мне кажется, это очень важная тема, которую до сих пор подпитываю, не хочу терять с ней связь, участвую в разного рода конгрессах. В этом смысле и Аркаим является идеей цивилизационного развития в гуманитарном измерении: как мы вообще оцениваем цивилизацию. И это поле нельзя найти ни в одной отдельно взятой науке — оно слишком широкое.

— Ещё одно из полей, которое вы внимательно исследуете, — образование с использованием цифровых, интернет-технологий. В связи с этим, Zoom — всё-таки средство связи или барьер в общении, например, преподавателя и студента?

— И то, и другое. С одной стороны, спасибо, что есть Zoom, благодаря которому во время пандемии можно проводить лекции. Но ничто не заменит живого, физического, физиологического присутствия человека на расстоянии вытянутой руки от тебя. Ничто и никогда: ни телевидение, ни Zoom, ни голограмма в 3D. В этом смысле следую за концепцией Ульриха Гумбрехта, у которого в 2004 году вышла и на русский язык переведена книга «Производство присутствия». Гениальная работа, гениальная метафора! Он говорит о том, что как бы мы ни прокручивали технологии коммуникации, мы ничем не сможем заменить производство нашего присутствия нашими телами. Тело производит присутствие. Если мы не в одной аудитории, то, несмотря на язык жестов, мимику, которые Zoom позволяет передать, ты не чувствуешь моей харизмы, как бы я ни старалась: я — двумерное изображение на экране и необязательна сейчас для тебя. А когда в аудитории, я обязательна для тебя: произвожу харизму, которая возникает только при личном контакте. Темой, мыслью человек может увлечь тебя и через экран телефона или компьютера. Заменить себя своим изображением — никогда!

В

2000 году вы окончили с отличием исторический факультет Челябинского государственного

университета по специальности «Историк. Преподаватель». Вы целенаправленно шли к профессии историка?

— Да, я учился в Челябинском лицее № 11 в университетских классах. У нас историю вели преподаватели ЧелГУ, в частности, Виктор Александрович Зонов. Он один из тех, кто привил мне интерес к истории.

— Как вы можете охарактеризовать школьника, поступающего на исторический факультет? Вы когда-то были одним из них.

— Гуманитарий, имеющий склонность к критическому мышлению, который умеет отделять факты от их оценок и пытается видеть истинные свойства за риторикой политических партий, общественных деятелей. Это человек, ищущий истину, способный формулировать свои мысли, чтобы делиться ими с окружающими. Сейчас это стало более актуально, чем в то время, когда я поступал: есть Интернет, социальные сети — очень большое пространство, где можно обмениваться идеями.

— После ЧелГУ вы очно учились в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Насколько глубоко погрузились в атмосферу МГУ?

— В Москве, в общезнании, жил три года — во время учёбы в аспирантуре на кафедре политической психологии отделения политологии философского факультета. Готовил диссертацию и защитил её. Очень много мне дал университет в плане понимания академической культуры. Сейчас работаю со студентами

В. А. Зорин: Южноуральцам важно чувствовать свою причастность к высокой миссии

Подготовила
Делия Кульбекова

Что может извлекать Южный Урал из актуальных для страны политических событий? Почему в сознании россиян лидер и власть — не одно и то же? Зачем идут общаться со студентами люди из политики и бизнеса? Об этом говорим с заведующим кафедрой политических наук и международных отношений историко-филологического факультета ЧелГУ Василием Анатольевичем Зориним.

и пытаюсь им передать то, чему научился в МГУ.

— Не было желания остаться в столице? Что подвигло вас вернуться в Челябинск?

— Вернулся потому, что здесь, на историческом факультете, сформировалась очень интересная и сильная команда. Георгий Александрович Гончаров — декан, Андрей Аркадьевич Пасс заведовал кафедрой. Они смогли убедить меня в том, что я нужен им в ЧелГУ. Я поверил им, принял решение вернуться и ни одного дня не жалел об этом.

— Ваша кандидатская диссертация посвящена анализу политико-психологических портретов Владимира Путина, Леонида Кучмы, Александра Лукашенко. В политическом и, шире, историческом процессе — что играет более весомую роль: свойство личности лидера или совокупность объективных условий развития?

— Вопрос классический. Об этом думали очень многие мыслители, и есть разные точки зрения. В курсе по психологии политического лидерства, который читаю в ЧелГУ, это отдельная тема — лекция на полтора часа. Однозначный ответ на ваш вопрос был бы заведомо неверным. Личностный фактор — один из важных, его нужно учитывать. Но это не отменяет того, что на ход истории влияют экономика, культура, событийный контекст, структура общества и множество других моментов. В условиях стабильного развития, жёстко регламентированного институтами и нормами, роль личности менее выражена. Во время революции, переходных событий, слома социальных структур она становится более значимой.

— Сегодня её влияние возрастает?

— Завершается определённый этап общественно-политического развития. Возникнет точка перехода, смены модели власти. Вероятно, роль личностного фактора в ближайшем десятилетии в российской политике увеличится.

— От чего и к чему совершается переход?

— Может произойти смена авторитарного вектора, обозначившегося в поздний период президентства

Владимира Путина, на более демократический. И это не зависит от того, сколько лет Владимир Владимирович будет находиться у власти. Кстати, авторитарные проявления связываю не с личными интенциями Путина. Это как раз тот случай, когда многое обусловлено историческим, внешнеполитическим контекстами, экономикой, общественной структурой и т. д. Думаю, определённый либерализация — неизбежный тренд ближайшего будущего.

— На что в этом тренде следует обратить внимание человеку, который выстраивает свою жизненную траекторию?

— Уже сам ваш вопрос говорит о том, что резко увеличился общественный интерес к работе политологов — людей, понимающих, как устроена публичная политика, умеющих с ней взаимодействовать — в структурах управления. Наша кафедра готовит таких специалистов — политтехнологов, политоло-

гическую роль играет не идея, а герой, сильный лидер. Массовый избиратель в нашей стране ищет в образе президента отца — того, кто может взять на себя ответственность, проявить заботу, укрыть от бед, невзгод, обеспечить, поддержать и т. д. Владимир Путин на протяжении большей части своей политической карьеры преуспевал именно потому, что соответствовал этому запросу.

— Мы говорим о происходящих и вероятных процессах в политике страны. Какое место в них занимает Челябинская область?

— Особенность российской политической культуры в том, что она предопределяется событиями в Москве. Именно в столице начинались все общественно значимые процессы. Но Челябинск — один из городов-миллионников — совершенно точно не дальняя провинция. События, актуализирующиеся в Москве, практически сразу отзываются

Василий Анатольевич Зорин окончил исторический факультет ЧелГУ в 2000 году и аспирантуру философского факультета Московского государственного университета. В 2002–2003 годах являлся младшим научным сотрудником отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Защитил кандидатскую диссертацию по специальности 19.00.12 – «политическая психология» (по политическим наукам). С 2004 года – доцент кафедры этнополитологии и социально-политических процессов субъектов Российской Федерации. В настоящее время — заведующий кафедрой политических наук и международных отношений историко-филологического факультета ЧелГУ. Разработал программы следующих учебных курсов: «Политическая психология», «Сравнительная политология», «Психология политического лидерства», «Введение в политологию», «Психология социального влияния». Свободно владеет английским языком. Участвует в прикладных исследованиях, имеет опыт руководства избирательными кампаниями. Член Российской ассоциации политической науки (РАПН) и Международного сообщества политических психологов (ISPP).

гов, в том числе в сфере международных отношений... Что касается вариантов реакции избирателя на происходящее, то можно ориентироваться на идеи, можно на личности политиков. Идеи — нечто более устойчивое. Носителями идей являются политические партии, они берут на себя определённые содержательные обязательства — либеральные, консервативные и т. д. Но в России чаще всего весо-

у нас. Мы очень близки к центру основной движущей силы. В то же время мы, к сожалению, утрачиваем восприятие своего региона как опорного края державы. Мне кажется, нам нужно возвращать себе самоощущение людей, которые делают важное для страны дело, реализуют мощный проект. Челябинцы всегда были причастны к определённой миссии. В начале XX века ею являлся Транссиб — он

связывал огромную территорию страны в единый хозяйственный механизм. Потом — Великая Отечественная война и колоссальная роль нашего региона в производстве вооружений. Затем был ядерный проект. Сейчас нам не хватает дела, благодаря которому Челябинск обрёл бы статус города федерального значения.

— **В постиндустриальную эпоху такая миссия может зародиться внутри региона или вновь будет поручена извне?**

— То, что вы называете постиндустриальной эпохой, не отменяет базовых параметров российской традиции. В России всегда драйвером модернизации было государство. Думаю, это нас ожидает и в будущем, что уже проявляется в кадровой политике. Губернатор Челябинской области Алексей Текслер демонстрирует традиционные лидерские качества, эффективный контроль над государственными ресурсами и одновременно с этим абсолютную личностную ориентацию на изменения, прогресс, высокие технологии.

— **Что университет как научная среда может привнести в политику региональных элит?**

— В нашем случае это экспертная площадка для сопоставления позиций, точек зрения. Надеюсь, проект «Экспертный клуб», который мы нашей кафедрой ведём, будет существовать долго и превратится в привычное для коллег пространство обмена мнениями. Вовлечённость в общественно-политический процесс — сильная сторона нашей кафедры. Наши выпускники придерживаются самых разных политических взглядов, работают и в «Единой России», и в руководстве оппозиционных партий. И это замечательно! Мы прежде всего учим студентов думать, овладевать эффективными технологиями, дискутировать. Благодаря этому, исторический факультет ЧелГУ традиционно является кузницей кадров для политической сферы Челябинской области и не только. Яркий пример — первый вице-губернатор Ирина Альфредовна Гехт.

— **Ваша кафедра на протяжении двух десятилетий исследовала динамику отношения студенческой молодёжи к власти. Что показали результаты?**

— Такое исследование было, и мы с выпускником нашей магистратуры Павлом Овсянниковым опубликовали на эту тему статью в журнале «Русская политология». Главный вывод — отношение к власти стабильное. Оно строится на достаточно устойчивых конструкциях, которые выживают под ударами смены режима, политической повестки, событийного ряда. И это заставляет задуматься о том, что между властью и обществом существует разрыв. Власть воспринимается как чужая, отвлечённая от общества сущность. Для российской политической культуры характерно это противопоставление: мы — народ, они — власть. И это не черта именно современной действительности. Это то, что формировалось долго, упорно, является нашим наследием. И если мы воспринимаем себя не только в качестве исследователей, но и граждан, конечно, должны направлять усилия на то, чтобы этот разрыв преодолевать.

— **А как же лидер, к которому относятся как к отцу?**

— Лидер в массовом сознании —

не власть. Путин был тем и силен в свои лучшие годы, что мог в глазах людей отстраняться от «чужой» власти, защищать от неё интересы простого человека. У моего учителя, профессора МГУ Елены Борисовны Шестопал, в начале 2000-х была публикация в известном журнале «Полис» с подзаголовком «Почему в России не растут апельсины?» Идея в том, что как бы мы ни мечтали, какие бы планы ни строили, нужно понимать: существуют традиции, особенности массового сознания. Российская культура древняя, богатая, насыщенная. Наши люди не готовы принять всё что угодно и меняться под влиянием сиюминутных внешних и внутренних воздействий.

— **Для студентов это тоже характерно?**

— Студенты, повторюсь, разные. Но очень много ребят, предрасположенных к интеллектуальной работе, к тому, чтобы реализовать

себя в политологии. У нас на кафедре было много коллег, которые ушли в бизнес, в политику. Но они всё равно возвращаются к нам преподавать. Их интересует возможность живого общения, свежие умы, способные задавать неудобные вопросы.

— **У вас есть опыт работы в руководстве исполкома Челябинского регионального отделения партии «Единая Россия». Для вас это материал научного анализа, дополнительная площадка для трансляции своих идей или возможность обрести политический опыт?**

— И первое, и второе, и третье, причём этот список можно продолжить. Время работы в «Единой России» для меня было чем-то вроде включённого наблюдения. Было интересно посмотреть на политическую систему не только как теоретика, но и изнутри. Тем более занимаюсь политической психологией, изучением личностей поли-

тиков. Со многими, почти со всеми челябинскими политиками имел возможность пообщаться лично, посмотреть на них вблизи, не через объектив телекамеры или страницы газеты. При этом однозначно могу сказать: за годы работы в «Единой России» я не испытывал какого-то ценностно-идеологического дискомфорта. Позиции, которые партия занимает, и решения, которые мы принимали во время моей работы в её структурах, не противоречат моим убеждениям.

— **Профессиональные роли «политолог», «политтехнолог», «политик» легко сочетаются в личности одного человека?**

— От Елены Борисовны Шестопал я как-то услышал афоризм: «Либо ты политик, либо аналитик». Этой позиции я и придерживаюсь. Ни когда не был политиком. Я — политолог, в отдельных случаях — политтехнолог. Но политиком себя никогда не считал.

В

алерий Витальевич, в 1986 году вы с отличием окончили Свердловский юридический институт.

Выбор вуза был осознанным?

— Я поступал в Свердловский юридический институт после службы в Советской армии. Но тяга к юриспруденции появилась ещё раньше. Для меня эта сфера всегда представляла собой нечто сложное, неизведанное, таинственное. Ещё со школьных времён я заинтересовался вопросами юриспруденции, меня всегда влекла тайна — наверняка детективы все читали. Мне было интересно, как устроены отношения между людьми, государством, юридическими лицами. Поэтому я поступал на следственно-криминалистический факультет — по базовому образованию я следователь.

— После окончания аспирантуры вы работали в должности старшего преподавателя в альма-матер. Но уже в 1994 году уехали работать в Челябинский государственный университет. Почему вы решили переехать?

— Я получил предложение от первого декана юридического факультета Абдулганея Абдулвалеевича Хашимова. И, поразмыслив, я это предложение принял. Потому что в то время Челябинский госуниверситет активно развивал юридическое образование. И ряд коллег уже работали в ЧелГУ. К этому времени я защитил кандидатскую диссертацию в Москве, был полон сил и энергии. И я хотел принять участие в социально значимом деле — развитии юридического факультета челябинского вуза.

— Какое впечатление у вас сложилось тогда о Челябинске?

— Когда мы с Владимиром Фёдоровичем Горбовым приехали устра-

В. В. Киреев: Наши выпускники работают по всей стране

Подготовила
Полина Захарова

Доктор юридических наук, директор института права ЧелГУ Валерий Витальевич Киреев с большой теплотой рассказывает о студентах и преподавателях университета.

иваться на работу в ЧелГУ, первое, что нас поразило, — огромное яркое солнце. Это было утром, и, может, мы были свидетелями какого-то атмосферного явления. Город был залит солнечным светом, что создавало торжественное ощущение. После Екатеринбурга, где было нередко пасмурно, мы получили яркое эмоциональное впечатление. В целом города несколько отличаются и по климату и по менталитету, хотя, казалось бы, они недалеко находятся друг от друга. Челябинск для меня — один из значимых центров науки и техники, здесь живут очень доброжелательные люди. Это научный, культурный, спортивный город, который можно полюбить всем сердцем, и я его полюбил. Это не значит, что я отказался от дорогого и важного для меня периода жизни в Екатеринбурге. Но сейчас Челябинск для меня родной город. И я с гордостью называю себя челябинцем.

— Что вам вспоминается о первых годах работы в Челябинском государственном университете? Как вас приняли коллектив и студенты?

— Коллектив принял меня очень хорошо. Абдулганею Абдулвалеевичу удалось создать атмосферу товарищеского и трудового сотрудничества. Из Свердловского юридического института (позднее — Уральская государственная юридическая академия) в Челябинск прибыл целый десант: Андрей Анатольевич Арямов, Иван Яковлевич Дюрягин, Владимир Фёдорович Горбовой, Владимир Ильич Попов. На юридическом факультете в то время трудились и такие замечательные выпускники Свердловского юридического института, как Олег Петрович Митичев, Валерий Фёдорович Кузнецов. Это те люди, которые непосредственно участвовали в развитии ЧелГУ, щедро делились достижениями свердловской школы права. У нас в коллективе был прекрасный климат. Было замечательное общение, ощущение большой дружной профессиональной семьи. Перечисленные мной и другие работники, стоявшие у истоков юридического образования в Челябинском государственном университете, смогли заложить прочную основу успешного развития факультета, высокой конкуренто-

способности наших выпускников. Если говорить о студентах, они реагировали на нас замечательно — с интересом слушали лекции, задавали множество вопросов, писали яркие курсовые, дипломные работы.

— Сферой вашей научной деятельности является конституционное право. Почему вы выбрали именно эту отрасль?

— Конституционное право называют ведущей отраслью российского права. Оно регулирует наиболее фундаментальные, значимые общественные отношения. Положения конституционного права конкретизируются в других отраслях отечественного права, распространяют на них своё действие. Без конституционного права не мыслится существование современного государ-

Валерий Витальевич Киреев, доктор юридических наук, доцент. Принимал участие в разработке проектов законов Челябинской области. Член Ассоциации юристов России. Награждён медалью Следственного комитета Российской Федерации «За содействие», почётной грамотой Минобрнауки России. Область научных интересов — исследование проблем конституционного права.

ственно организованного общества. Поэтому исследования каких-либо конституционно-правовых явлений и процессов не просто интересны. Они позволяют сформулировать выводы, которые могут оказать влияние на окружающую нас действительность, на правовую политику, стратегию развития общества, государства, смоделировать направленность, динамику различных политико-правовых процессов. Не умаляя значения других отраслей юридической науки, отмечу, что для меня масштаб, специфика и многообразие конституционно-правовой проблематики придают этой сфере научных исследований особую привлекательность.

— Тема вашей докторской диссертации сегодня крайне актуальна — «Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации». Как предстоящие возможные изменения в Конституцию РФ согласуются с основными идеями вашей работы?

— Обсуждаемые поправки — это сфера моих научных интересов. Поэтому во время обсуждения поправок я пытался донести свою по-

зицию на встрече с членами Совета Федерации, которая проходила в Законодательном собрании Челябинской области, выражал своё мнение на телевидении, давал интервью. Я приветствую такого рода изменения. Это создание дополнительного запаса прочности для нашего общества и государства посредством укрепления суверенитета, развития конституционных гарантий, которые касаются социальной сферы, совершенствования взаимодействия между ветвями власти, кадровой политики.

— Вы участвовали в разработке законов для Челябинской области, были членом экспертного совета Законодательного собрания Челябинской области, представителем Законодательного собрания Че-

лябинской области в квалификационной комиссии Адвокатской палаты Челябинской области. Чем обусловлено такое активное участие в жизни региона?

— Один из аспектов научной деятельности — это ещё и работа на общество, работа на людей, оказание различного научного содействия государственным органам, органам местного самоуправления. Мы стараемся активно участвовать в научно-экспертной, консультативной, других видах деятельности на благо родного города, региона, страны. В ходе обсуждения законопроектов мы можем применить свои знания, выразить свою точку зрения, поучаствовать в различных нередко острых дискуссиях, когда сталкиваются различные концепции, несовпадающие взгляды на решение животрепещущих проблем. Это, что называется, живая работа, это интересно и позволяет нам расти, совершенствовать наши профессиональные навыки.

— Расскажите о материальной базе, которой располагает Институт права ЧелГУ. Что есть в распоряжении студентов и преподавателей для развития?

Открытие аудитории им. И. Я. Дюрягина

— У нас неплохое материально-техническое обеспечение образовательного процесса, так, есть кабинет криминалистики, при этом оснащение указанного кабинета, помимо достижения других целей, позволяет дать обучающимся наглядное представление об объектах, подлежащих криминалистическому исследованию. В составе учебной лаборатории криминалистики также находятся учебный полигон под открытым небом «Детская площадка», учебный полигон «Квартира», которые используются для проведения практических занятий по криминалистической технике и тактике, общей методике расследования, а также расследования уголовных дел различных категорий. В нашем распоряжении имеются учебный зал судебных заседаний, фотолаборатория (лаборатория цифровой фотографии), лазерный стрелковый тир, кабинеты тактико-специальной подготовки, специальной техники, огневой подготовки.

— А есть какие-то недавние приобретения?

— Недавно мы закупили дорогостоящую вещь — современный программно-технический комплекс «Папилон-Растр» с репродуктивной установкой «Папилон

Эксперт Лаб.», отвечающие современному состоянию криминалистической техники, а также развитию в целом отрасли юриспруденции, для которой университет готовит специалистов. Нам удалось закупить и новые унифицированные криминалистические чемоданы «Криминалист» расширенной комплектации, которые предназначены для фиксации обстановки места происшествия; выявления, изъятия и упаковки следов и других вещественных доказательств, также имеется уникальная возможность проведения предварительных исследований на месте происшествия. Наличие встроенной светодиодной подсветки с аккумуляторным электропитанием и портативного ультрафиолетового осветителя позволяют использовать их автономно в ночное время суток. В состав таких криминалистических чемоданов входит, наряду с другим оборудованием, и цифровой фотоаппарат с возможностью вести видеосъёмку с места происшествия с последующей обработкой этой информации на ПТК «Растр». В целом у нас хорошая материальная база, но, естественно, имеются планы по её развитию. В том числе

мы хотим оборудовать специализированные аудитории гражданского права и процесса, уголовного процесса и экспертной деятельности, усовершенствовать материально-техническую базу «Юридической клиники». Планов много — здесь самое главное не стоять на месте, так как требования к уровню подготовки юристов неуклонно возрастают, и мы должны им соответствовать для того, чтобы обеспечить конкурентоспособность наших выпускников, приток специалистов во все сферы, где требуются квалифицированные юридические кадры.

— А как изменилось право за это время?

— Прогресс не стоит на месте. По мере развития общественных отношений усложняется и право. При этом существенно возрастает информационная составляющая. Правотворчество становится всё более и более динамичным, в результате чего возрастает количество нормативных правовых актов, усложняются их структура и содержание. При изучении нового нормативного правового акта юристу необходимо сформировать профессиональное представление о том, какие новеллы содержит

этот акт, как он взаимодействует с другими актами, каким образом регулирует общественные отношения и насколько эффективно он может это делать, как могут толковаться его положения, оценить все другие многообразные его аспекты. Поэтому не случайно говорят, что юрист всю жизнь учится. Когда я захожу в аудиторию, то говорю студентам: «Здравствуйте, уважаемые коллеги!» Говорю так потому, что мы коллеги в познании сложной материи права.

— Когда вы возглавили институт права, что вы ощутили?

— Прежде всего — огромную ответственность. Перед студентами, преподавателями и перед самим собой. Это позитивная ответственность по своему содержанию. Но всё было бы не так оптимистично, если бы моя деятельность ограничивалась только одной из граней моей работы, грань необходимая, но далеко не единственная. Есть очень много радостных аспектов, так как у директора имеются возможности для развития института, движения вперёд, реализации тех идей, которые способствуют укреплению и развитию университета. И даже самое малое достижение приносит радость, наполняет новыми силами, даёт импульс для дальнейшей работы.

— Из чего состоит обычный день директора института права?

— Рабочий день у меня начинается рано. Как правило, уже за полчаса до начала рабочего дня я на месте. Мы с помощником проводим планёрку. У нас большой контингент студентов, поэтому выражение «высокая интенсивность труда» для меня не является абстрактным, так как оно воплощается в ежедневных управленческих и других действиях, решениях. Затем начинается и продолжается весь день работа над документами — их необходимо анализировать, обеспечить их движение, в случае необходимости — довести до исполнителей, а также поставить их исполнение на контроль. Естественно, исполняю устные распоряжения руководства. Если необходимо, готовлю отчёты, подписываю различные справки, характеристики, другие документы, обеспечиваю процессы, проходящие в университете, выполняю

другие многообразные обязанности. Самое главное в нашей деятельности — люди. Каждый день встречаюсь с преподавателями, обсуждая различные вопросы, принимая много звонков и звоню сам. В случае необходимости общаюсь с работодателями, провожу встречи и совещания, веду приём по личным вопросам. Скучать некогда. При этом у меня есть правило — если в моём кабинете нет посетителя, дверь в него всегда открыта. Несмотря на текущие дела, важно думать и над перспективами развития института. Помимо этого, я главный редактор журнала «Вестник ЧелГУ. Серия: Право». Занимаюсь преподаванием, научной работой, пишу статьи, отзывы на авторефераты диссертаций, выступаю официальным оппонентом на защитах диссертаций. Неотъемлемой частью работы директора Института является ещё и участие в различного рода совещаниях и других мероприятиях, которые проводит университет. Ещё я председатель комиссии по трудовым спорам университета, член комиссии по учебной и внеучебной работе Учёного совета ЧелГУ.

— При этом ещё успеваете преподавать?

— Я преподаю, читаю лекции, веду практические занятия, руководжу подготовкой выпускных квалификационных работ. В условиях существующих нагрузок делать это непросто. Необходимо, что называется, переключаться. Бывало, что перед началом лекции, когда необходимо настроиться на общение со студентами, наиболее эффективную подачу материала, ловил себя на мысли о материальном развитии института. Потому что, например, когда проходит ремонт, мне необходимо следить за тем, насколько качественно его выполняют, нередко участвовать в приёмке его результатов. И помимо всего, я провожу приём посетителей. Иногда бывает, что посетители приходят с острыми проблемами, которые необходимо решать очень оперативно. Рабочий день очень много в себя вмещает. И один не похож на другой. В конце дня провожу ещё одну планёрку, чтобы определить, что сделано, и наметить программу действий на завтрашний день.

Работы много, и она очень интересная. Чаще всего мне способствует многозадачность. Но помогает очень простой подход: делай, что должно, и делай с полной отдачей, на благо института права и нашего университета.

— Что удалось сделать на этом посту, чем вы гордитесь больше всего?

— Я думаю, удалось внести определённую лепту в научную сферу ЧелГУ, поучаствовать в подготовке многих квалифицированных специалистов, которые нередко занимают значимые должности в разных структурах. Удалось поделиться знаниями, умениями и навыками, которые я приобрёл как представитель свердловской школы права. Думаю, что получилось и поспособствовать развитию авторитета Челябинского государственного университета, подставить в трудные моменты плечо, чтобы мы развивались и дальше, шли по пути прогресса и процветания.

— Какое место Челябинский госуниверситет занимает в вашей жизни?

— Это очень существенная часть моей жизни. И не только с позиции времени, но и с позиции содержательной. Думаю, что мне удалось поспособствовать развитию университета, но и университет мне тоже помог. Так, свою докторскую диссертацию я защитил в диссертационном совете Челябинского государственного университета. Для меня это неразрывное взаимодействие. Наш университет предоставляет много возможностей: гранты, работа в современных библиотечных системах, работа с нормативными правовыми актами в справочных правовых системах. Университет проводит очень много интересных культурных, спортивных и других мероприятий, в университете работают очень интересные, замечательные люди, с которыми я с удовольствием общаюсь. Поэтому, когда кто-то произносит слова: «Челябинский государственный университет», моё сердце наполняется теплом. Это организация, с которой я связан тысячами незримых связей. И я горжусь, что работаю в первом классическом университете Южного Урала.

Б

орис Николаевич, вы не одно десятилетие возглавляли ведущую региональную газету «Челябинский рабочий». Акцент на слове «рабочий» даёт понять: область, где распространяется издание, промышленная. Будучи главным редактором, вы одновременно развивали журналистское образование на Южном Урале — сначала в качестве заведующего кафедрой, а затем — декана факультета журналистики ЧелГУ. Опираясь на этот профессиональный опыт, можете предельно просто ответить на вопрос, зачем промышленной области классический университет?

— ЧелГУ возник как ответ на актуальный вызов эпохи. Региону, осуществившему грандиозную индустриализацию народного хозяйства, уже не хватало знаний и энергии её подвижников — металлургов, машиностроителей, строителей, сельских инженеров. Я помню время, когда в различных властных структурах области вопросы развития культуры, науки, образования решали выпускники технических вузов, в лучшем случае — педагогического института. Это были мудрые и опытные управленцы, они понимали, что новые сложные задачи требуют новых решений, которые по силам специалистам с фундаментальным образованием, научным мировоззрением и глубокими знаниями, которые невозможно получить в техническом вузе. Решить эту задачу должен был ЧелГУ — первый классический университет на Южном Урале.

— Можно ли сказать, что его появление создавало интеллектуальную среду, позволявшую найти иные принципы, стратегии развития, помимо уже привычных?
— Открывалось совершенно новое

Б. Н. Киршин: Университет предвидел грядущее информационное общество

Подготовил
Андрей Сафонов

С деканом факультета журналистики ЧелГУ Борисом Николаевичем Киршиным говорим о том, что в середине 1970-х годов позволило новому вузу обрести признание на Южном Урале, в чём роль символического капитала и как в контексте истории университета развивается факультет медиа-специалистов.

измерение, несущее позитивный смысл, который общество воспринимало как очень значимый для себя. С появлением ЧелГУ Челябинск стал университетским городом. Это всегда (до искусственного переименования всех российских институтов в университеты) был особый статус. Он предполагал наличие в городе большой науки, серьёзной культуры и классического образования. Позднее ЧелГУ через свои филиалы поделился частицей этого статуса с другими городами — Троицком, Костанамом, Миассом, заметное поднимая их престиж.

— Вы сказали, что местное сообщество хорошо понимало значение университета.

— Да, челябинцы высоко ценили миссию ЧелГУ. Могу судить об этом по попечительскому совету университета, который возглавлял в годы ректорства В. Д. Батухтина. В него охотно согласились войти руководители ведущих предприятий, банкиры, крупные учёные, главы городов и районов. Немногие из них по своей основной службе имели непосредственное отношение к университету, но все стремились внести вклад в его развитие — пополняли эндаумент-фонд, со знанием деталей властного механизма обсуждали и иногда корректировали стратегию ректората. Попечительский совет стал своеобразным фундаментом университета в общественном мнении, гарантом его лояльности.

— Оправдал ли ЧелГУ надежды Южного Урала?

— Нет необходимости обосновывать очевидное: выпускники Челябинского государственного университета преобразили экономику, науку, культуру, общественную жизнь региона, помогли ему соответствовать самым серьёзным вызовам времени. Математики и физики, экологи и лингвисты, юристы и международники-востоковеды — эти и другие редкие прежде специалисты стали благодаря ЧелГУ существенной частью научного потенциала нашей области. Два примера, подтверждающих это. Первый — Аркаим, открытый в 1987 году учёными ЧелГУ. Археологические изыскания и научные исследования Г. Б. Здановича и его челябинских коллег сделали его мировой достопримечательностью, снискавшей живой интерес учёных разных стран и тысяч россиян, неравнодушных к отечественной истории. Историю Челябинской области это открытие археологов Челябинского государственного университета невероятно обогатило, сделало значительнее, многомернее и привлекательнее. В эпоху интенсивной глобализации Аркаим стал её яркой приметой, выделяющей регион из множества подобных, привлекающей взоры не только любителей истории, но и потенциальных инвесторов в его будущее. Другое событие, получившее всемирный резонанс, — метеорит, навесивший Челябинск в 2013 году. Очень многие люди в различных уголках планеты тогда впервые узнали этот топоним и не сразу находили его на карте. Космического странника «приземлили» и сделали понятным для них

Борис Николаевич Киршин — почётный профессор ЧелГУ, награждён орденом Почёта, знаком «За заслуги перед Челябинской областью», грамотой Министерства образования РФ, лауреат премии Правительства РФ, премии Союза журналистов РФ. Возглавлял ведущую газету региона «Челябинский рабочий» и Попечительский совет ЧелГУ.

в первую очередь учёные Челябинского государственного университета — А. Е. Дудоров, Н. Н. Горькавый, О. В. Еретнова, С. Н. Замоздра. Они дали Челябинску не меньше, чем знаменитые металлурги, известные машиностроители или популярные спортсмены — обеспечили значительный прирост столь ценного в наше время символического капитала, который при умелом использовании способен принести огромные дивиденды.

— То есть университет себя оправдал не только в качестве центра науки, образования, но и как экономически эффективная структура?

— На мой взгляд, только эти два примера окупают затраты города на создание университета в далёком уже 1976 году. А если ещё учесть вклад в экономику и культуру всех его выпускников, отдачу от его научных проектов, взвесить предложенные им инновации... Попробуйте сами посчитать суммарный эффект.

— **Факультет журналистики ЧелГУ — один из факторов укрепления позиций университета в сознании южноуральцев?**

— Конечно. Я обратился к истории вуза, чтобы показать: университет всегда реагировал на актуальные вызовы времени, помогал региону быть современным и успешным. С этих позиций закономерным и в то же время поразительным выглядит решение о том, чтобы в 1987 году начать подготовку журналистов. На мой взгляд, это было какое-то предчувствие, предвидение грядущего информационного общества, грандиозной роли информации в будущем.

— **С чего всё началось?**

— С решения немалого количества важных задач. Напомню некоторые из них. Весьма непростым делом представлялось творческое освоение обширного и разнообразного теоретического багажа зарубежной журналистики, открывшегося для российских исследователей в 1990 году. Эту работу можно сравнить с выходом в открытый космос: новые теории, новые имена, неведомая прежде практика. Важно было критически осмыслить всё это, определить наиболее ценное для отечественной школы, скорректировать привычные стандарты. Непростое, но интересное дело.

— **Как удалось с этим справиться, учитывая, что особенности развития, а значит, и ценностные приоритеты отечественной и зарубежных школ журналистики несколько отличаются?**

— Успеху способствовали, в частности, непосредственные контакты с зарубежными коллегами. Вспоминаю, с каким интересом на одну из первых наших международных конференций с участием руководителей Клуба австрийских журналистов съехались в Челябинск главные редакторы крупнейших средств массовой информации Большого Урала. Теперь участие в международных конференциях — обычное дело для наших преподавателей. Очень плодотворным следует признать наше до сих пор актуальное взаимодействие с коллегами с факультета медиа Университета города Киль (ФРГ).

— **Вы не раз говорили, что современная качественная журна-**

лика не может существовать в отрыве от науки...

— Нам удаётся последовательно и неуклонно наращивать научный потенциал. У истоков факультета стояли несколько практиков. Мечтали принять хотя бы одного кандидата наук. Сейчас у нас свои доктора и кандидаты наук, многие кандидаты работают над докторскими диссертациями. Немногие неостепенённые, думаю, скоро получат учёные степени. Факультет при этом получает пользу не только от самих научных проектов. Главное — преподаватели несут новые знания студентам, делая журфак ЧелГУ привлекательным для общества. То же самое о грантах, которые мы регулярно выигрываем. Они тоже имеют не только большую научную ценность, но и немалый имиджевый капитал. Молодым хочется быть рядом с серьёзными учёными, получившими общественное признание. Особую роль в этом играет профессор М. В. Загидулина. Двери в науку распахнулись для нас, когда она стала заместителем декана по научной работе и настойчиво и целеустремлённо взялась за дело. Сейчас с улыбкой вспоминаю, как когда-то некоторые преподаватели жаловались мне, что она слишком требовательна, заставляет интенсивнее работать над диссертацией. Теперь они сами над этим смеются.

— **Мир информации сегодня — далеко не только традиционные журналистские навыки. Как факультет реагирует на изменение запросов аудитории?**

— Информационное общество потребовало от журналистов овладения новыми технологическими ресурсами. SMM, основы программирования, seo-копирайтинг, мультимедийное продюсирование — эти и другие современные медийные инструменты предлагает сегодня журфак студентам наряду с традиционными литературой, риторикой и русским языком. Новые направления подготовки тоже отражают реалии цифрового мира: к журналистике добавились «Реклама и связи с общественностью» и «Медиакоммуникации». Знания и компетенции современных студентов факультета журналистики ЧелГУ несравнимо шире и основательнее тех, что мы давали их предшественникам, к примеру, десять лет назад. Хотя должен сказать, что и раньше багаж выпускников журфака позволял им уверенно чувствовать себя в любых средствах массовой информации и пресс-службах — уральских, столичных, питерских. Знаю это по «Челябинскому рабочему», редакция которого была процентов на 90 укомплектована выпускниками нашего факультета. Это они сделали его одной из лучших региональных газет России. В настоящее время наши выпускники занимают ключевые должности в ведущих средствах массовой информации, пресс-службах государственных структур и крупнейших компаний области. Их глазами мы смотрим на природу и общество, они формируют нашу картину мира. Считаю, в целом они делают это неплохо.

Редакция газеты «Челябинский университет» (сейчас — «Университетская набережная»)

Физическая лаборатория, 1989 год. В. Д. Батухтин, Г. П. Вяткин, А. И. Шейнкман, А. П. Яловец

Т

атьяна
Александровна, вы
по образованию эконо-

номист. Чем привлекла вас эта сфера?

— Не могу сказать, что с детства мечтала об экономике. Лет до 14 хотела быть учителем начальных классов. Но потом выбирала между экономикой и экологией. Победила экономика. Профессия экономиста всегда была одной из наиболее востребованных. И даже когда в «лихие девяностые» (я поступила на экономический факультет в 1990 году) в нашей стране происходила достаточно серьёзная трансформация, было понятно, что экономика никуда не денется. Возможно, она будет другой, но специалисты в этой области всегда будут нужны.

— Кто во время учёбы наиболее поспособствовал вашему профессиональному становлению?

— Мне в жизни везёт на хороших людей, и в стенах ЧелГУ я чувствовала это уже с первого курса. Введение в специальность читал Александр Арсентьевич Голиков, доктор экономических наук, один из основателей экономического факультета и университета. Во многом благодаря ему у нас сложилось представление о том, что такое экономика и как её изучать, работать с научным аппаратом. Очень значимый для меня человек — Владимир Никифорович Белкин. У нас была дисциплина «Политэкономия капитализма». Не самый лёгкий предмет для первокурсников. Но Владимир Никифорович, читая лекции, мог настолько просто, понятно объяснить материал, что мы воспринимали его как сказку. В своих исследованиях А. А. Голиков и В. Н. Белкин оперировали

Т. А. Коркина: В приоритете должны быть реальные интересы человека

Подготовила
Виктория Котова

С доктором экономических наук, профессором кафедры государственного и муниципального управления ЧелГУ Татьяной Александровной Коркиной говорим о том, почему без осознанного формирования и разумного применения человеческого капитала у нас не очень радужные перспективы.

мог вам развить навыки не только исследователя, но и преподавателя, наставника?

— Да, и если говорить о моём становлении в качестве преподавателя, то здесь очень значительную роль сыграла Лариса Архиповна Кузнецова. В то время она заведовала кафедрой экономики и социологии труда, вела у нас несколько дисциплин. Именно благодаря ей я и осталась работать на кафедре. Её особенность была в том, что она подходила неформально и к процессу обучения, и к студенту. Относилась к каждому как к члену своей большой семьи. Став преподавателем, я ощутила это ещё сильнее. И, вероятно, поэтому мне настолько понравилось работать со студентами. Я такого не ожидала! Получив диплом, пришла на кафедру с целью стать кандидатом экономических наук и потом поискать себе другие варианты профессионального развития. Но в том числе благодаря Ларисе Архиповне мои приоритеты изменились. Желание не останавливаться на достигнутом, всегда находиться в поиске новых подходов к преподаванию, профессиональному развитию, применение инновационных форм в обучении — каждый семестр мы придумывали и воплощали что-

в поле — не воин, поэтому важны взаимодействие и взаимоотношение в коллективе. Именно благодаря Ларисе Архиповне был открыт факультет управления. Сейчас о нём знают в регионе и за его пределами. А тогда даже мысль о том, что будем готовить служащих для государственных и муниципальных органов власти, вызвала трепет.

— Помните свои первые занятия в качестве педагога?

— Было страшно, особенно с заочниками! Но только до первого занятия. А потом интерес победил страх. Хотя были, конечно, неловкие ситуации. Например, в моей первой очной группе были студенты, с которыми я училась. Они уходили в академический отпуск, а когда вернулись, увидели меня за кафедрой. Встал вопрос — как общаться? Договорились, что в аудитории я для них — Татьяна Александровна. А за пределами университета — продолжаем общаться как раньше. В итоге проблем не возникло. Что касается заочников, то быстро стало понятно: это такие же студенты, только, как правило, взрослее и с опытом работы. К тому же, я не истина в последней инстанции. Мы вместе проходим эту дорогу, и, если кто-то знает её лучше — за-

Татьяна Александровна Коркина с 1990 по 1995 год обучалась в ЧелГУ по специальности «Экономика и социология труда». С 1995 года работает в Челябинском государственном университете на факультете управления. В 2002 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Организация управления социально-экономическим развитием муниципального образования городского типа». В 2010 году защитила докторскую диссертацию «Управление инвестициями в человеческий капитал угледобывающих предприятий». Подготовила в качестве научного руководителя трёх кандидатов наук. В 2019 году присвоено учёное звание профессора. Является членом трёх диссертационных советов.

глубоко научными категориями. Но, разговаривая с нами, студентами первого-второго курсов, они спустились до нашего уровня понимания и, таким образом, поднимали нас, приближали к своему видению профессии, пробуждая к ней всё больший интерес. Когда мы защищали дипломные работы на пятом курсе, В. Н. Белкин входил в государственную аттестационную комиссию. Он задал вопрос, который до сих пор помню: «Какой сейчас

уровень безработицы в Челябинске?» Помню потому, что ответить не смогла, и было очень стыдно! С тех пор стараюсь тщательно вникать и владеть показателями по теме, которую исследую.

— Путь профессионального исследователя выбрали сразу после получения диплома?

— Да, осталась в университете, и мы с Владимиром Никифоровичем оказались сотрудниками одной

кафедры. Он согласился быть научным руководителем моей кандидатской диссертации. Мы пытались изучать проблему оплаты труда, но в середине 90-х эта тема была невостребованной, и кафедра, где я работала, стала специализироваться на подготовке выпускников в сфере государственного и муниципального управления. Пришлось и мне менять вектор исследований. В. Н. Белкин с пониманием к этому отнёсся. Его роль на этапе под-

готовки к защите всё равно была очень существенной. Ведущей организацией (она даёт заключение о работе) назначили Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, который Владимир Никифорович возглавлял. Когда готовила докторскую диссертацию, поддержал меня, выступив как оппонент. За всё это я ему очень благодарна!

— Можно ли сказать, что пример В. Н. Белкина и А. А. Голикова по-

нибудь новенькое и интересное, а также сформированные в коллективе кафедры и факультета уважительные отношения к коллегам и студентам, взаимовыручка — вот то главное, чему я научилась у неё.

— Это форма борьбы с эмоциональным выгоранием людей?

— На самом деле, это правило жизни. Стоя на месте, ты двигаешься назад. Поэтому нужны амбициозные цели. И, как известно, один

мечательно, давайте друг друга обогащать. И оказалось, что с заочниками даже интереснее работать — благодаря своему опыту они реалистичнее смотрят на жизнь, критичнее относятся к изучаемому материалу, смелее высказывают своё мнение. Кстати, до сих пор семинарские занятия больше люблю, чем лекции. В них есть живое общение, диалог. И с возрастом всё чаще нахожу то, чему могу поучиться у своей аудитории.

— Что в царившей на кафедре атмосфере было для вас самым значимым открытием?

— То, что административные рычаги в преподавательской сфере не действуют. Здесь работают люди творческие, и если на них давить, всё сводится к чистому формализму, который качественных результатов не даёт. Поскольку начинала я работать в кризисные 90-е, больших возможностей стимулировать деньгами не было. Угрозы взыскания или увольнения бессмысленны: университет, конечно, воспринимался как некий оплот стабильности, но она была относительной.

— И как управлять?

— Только через выстраивание отношений с каждым сотрудником кафедры. Лариса Архиповна умела это делать. Помню, я всегда могла рассчитывать на поддержку — информационную, методическую, психологическую... Не было такого: вот тебе дисциплина, и читай, как хочешь. Причём, помощь была ненавязчивой, без воспитательных интонаций и нравоучений. Ты чувствуешь себя членом коллектива, где важны интересы каждого и благодаря этому реализуются общие интересы кафедры и факультета, то есть почти членом семьи. Нечто похожее есть на японских предприятиях: человек приходит в организацию и знает, что он про-

работает здесь всю жизнь, поэтому организация заботится о нём, а он заботится об организации.

— Ваши дисциплины связаны с организацией труда и управлением персоналом. Ключевое понятие — человеческий капитал. Что, помимо оплаты труда, обеспечивает профессиональный рост работника? Мотивация?

— Вы сами ответили на свой вопрос. Что такое человеческий капитал? Есть наши профессиональные умения, навыки, компетенции. И есть волшебное слово «мотивация», которое позволяет навыки, умения, компетенции переводить в доход. У многих людей навыки в профессии примерно одинаковы. Но они получают разную зарплату. Безусловно, на это влияют психологические факторы. Но главный — мотивация, интерес к тому, чем занимаешься. Он выстраивает твоё профессиональное развитие.

— На чём этот интерес может быть основан?

— Например, на стремлении изменить место жительства. Зарботная плата в Москве и Челябинске разная. Если ты готов к переезду, мотивирован на улучшение жизни, способен нести определённые затраты — вперёд. Два ключевых элемента создают твой человеческий капитал: мотивация и квалифика-

ция. Они формируются исключительно самим человеком в отличие, скажем, от здоровья.

— Хорошо, если бы всё зависело только от нас! С учётом столь малого количества бюджетных мест в вузах число образованных людей, кажется, хотя и свести к минимуму. Разве государство не должно вкладывать в человеческий капитал?

— Оно вкладывает. Россия — страна с наиболее высоким уровнем образования населения. Бюджетные затраты на образование приличные, но эффективность использования человеческого капитала низкая. Над этим надо работать, особенно в реальном секторе экономики. Количество рабочих часов в России по сравнению с другими развитыми странами одно из самых высоких. А отдача, то есть то, сколько мы получаем внутреннего валового продукта, выраженного в том числе в оплате труда за один отработанный час, — очень низкая.

— Как это изменить?

— Нужно внимательно смотреть, что происходит в цепочке «государство — предприятие — человек». И сделать так, чтобы в приоритете были реальные интересы человека, а не обновление материально-технической базы даже в таких сферах, как здравоохранение и образова-

ние. Предположим, привезли новое оборудование. А кто на нём будет работать и получать доход? Люди. А у людей нет либо квалификации, либо мотивации. И вот мы снова вернулись к человеческому капиталу. Поэтому только деньгами проблему не решить.

— Почему работодатель охотнее инвестирует в технику, а не в обучение сотрудников?

— Во-первых, кажется наиболее простым и быстрым способом развития. Купили современный станок — предприятие оптимизировано, продукции будем выпускать больше. Потом выясняется, что для управления этой машиной требуются определённые условия и набор компетенций. Необходимо переобучить сотрудников, то есть соотнести их возможности с ресурсами новой техники. Во-вторых, инвестиции в человеческий капитал всегда связаны с риском — обученный, квалифицированный работник в любой момент может уйти. Обе этих причины связаны с качеством управленческого процесса, и именно в нём алгоритм начинает хромать: то человека нет, то квалификации, то нужного регламента. Соответственно, проблема не в деньгах, а в том, как они тратятся.

— Для государственного управления это тоже актуально?

— Безусловно! Скажу о наиболее болезненном: у меня ощущение, что цифровая бюрократизация постоянно усиливается. Если раньше мы могли необходимые документы, курсовые, выпускные квалификационные работы собрать и распечатанные хранить до следующей проверки, то сейчас должны всё отсканировать, выложить для общего доступа. Люди тратят своё рабочее время, и им за это должны платить. А какая экономическая отдача от того, что дипломы и курсовые сегодня размещены в электронном виде в общей базе? Никакой! Наш человеческий капитал бюрократия просто съедает!

— Всё это настолько очевидно, что возникает вопрос: почему так до сих пор происходит?

— Вероятно, в наших головах по-прежнему работают модели и подходы, взятые из социалистической экономики. Такое чувство, что они заложены в генах. Простой при-

мер. Современный студент (при социализме, кстати, не живший) платит за обучение в университете. А потом ищет варианты, как не делать самому курсовую работу, выпускную квалификационную работу, сдать экзамен, не посещая занятия. То есть сознательно не получает необходимые знания и навыки. Где логика? В итоге деньги вложены, диплом в руках, но реальной квалификации у человека нет. Значит, нет и отдачи. Другой пример. Есть бюджетные места на специальности, которые не востребованы рынком. И абитуриенты туда идут, хотя интереса к этой специальности у них нет. Они экономят на оплате обучения, но тратят своё время, деньги на проезд, питание, проживание и т. д. И через четыре года попадают в ситуацию: интереса к профессии нет, а значит, классными профессионалами они не станут, спроса на неквалифицированных специалистов в этой профессии тоже нет или там мизерные зарплаты. Поэтому потраченное время и деньги не дают ни экономического, ни социального эффекта. Пока не сформируем реальную модель поведения, при которой вложения в человеческий капитал должны иметь отдачу, мы обречены на потери: наши инвестиции не будут окупаться.

— Является ли проблемой, что человек, получив даже качественное и востребованное на рынке труда образование, не работает по специальности, уходит в сферу, где платят больше?

— Такое было и будет всегда. Когда мы заканчивали университет в середине 90-х, кто-то нашёл себя в смежных профессиях, кто-то осознал, что изначально выбрал не свою специальность. И сейчас происходит точно так же. Поступая в университет, абитуриент не очень чётко понимает, чем он будет заниматься по окончании и с чем столкнётся на рабочем месте. Есть закон Парето, согласно которому все процессы работают примерно по соотношению 80/20, применительно к нашему вопросу — 80 процентов выпускников идут работать по специальности, а 20 нет. Проблема, если происходит наоборот. А в последние годы тенденции и темпы развития экономики и рынка труда таковы, что нам всё чаще придётся переучиваться и менять сферу деятельности.

— Постоянно приходится слышать о перенасыщении рынка труда экономистов и юристов.

— Потому что это престижные и востребованные направления подготовки. И сколько бы ни было выпускников, они находят работу. В любом городе бесчисленное количество организаций. И практически везде нужны менеджмент, экономическое мышление и юридические услуги. Всегда востребованы профессионалы. Если ты являешься таковым, неважно, сколько у тебя конкурентов: тебе и ставку откроют, и место предоставят, и все условия создадут. Управленческие навыки в жизни пригодятся точно. Знание юриспруденции, экономики и психологии, которое получают наши студенты, помогут в любой сфере. Тем более наше образование системно, позволяет реализовать себя не только в России, но и за рубежом.

— Поддерживаете связь с выпускниками?

— Конечно! С кем-то просто общаемся, с кем-то активно сотрудничаем. Многие из них уже состоявшиеся в профессии коллеги. Например, Святослав Захаров — выпускник специальности «Менеджмент», кандидат экономических наук, заведующий лабораторией «Организации и оплаты труда» в научно-исследовательском институте. Мы с ним прошли путь защиты кандидатской диссертации, сейчас движемся к докторской. Ольга Шивырялкина — тоже закончила специальность «Менеджмент», защитила под моим руководством кандидатскую диссертацию, имеет опыт научной и практической деятельности по управлению персоналом. Ксения Куксенко — заканчивала бакалавриат по управлению персоналом и магистратуру по менеджменту, сейчас её деятельность связана с подбором и обучением персонала, и, участвуя в аспирантуре, она исследует проблемы управления человеческим капиталом. С Ольгой Конаковой, выпускницей по специальности «государственное и муниципальное управление», проводим прикладные исследования по проблемам мотивации персонала. Все они помогают нынешнему поколению студентов преумножать человеческий капитал, участвуя в учебном процессе, проводя мастер-классы и тренинги, руководя практикой и стажировкой студентов. Спасибо им за это!

Е

лена Александровна, с вашим именем связывают воплощение на Южном Урале идеи доступности высшего образования для людей с инвалидностью, с ограниченными возможностями здоровья. С чего всё начиналось?

— Южный Урал — первый регион России, где эта идея воплощена в жизнь. Вполне естественно, что произошло это в университете, который создавался в регионе как классический университет, проповедующий и реализующий принципы гуманизма. Первые двенадцать молодых людей, передвигавшихся на колясках, при поддержке благотворительного общества были приняты в университет в специальную группу в начале 90-х годов. В то время не было мысли том, чтобы учить их вместе со всеми, и преподаватели сами приходили к ним в четвёртый корпус. Там построили пандус, выделили отдельное помещение. Но очень скоро стало понятно, что обучать студентов с инвалидностью в отдельных группах — не просто тяжело, но в принципе неправильно. Надо переходить на интегрированное обучение.

— Что побудило пойти по этому тяжёлому, но, как мы сейчас видим, правильному пути?

— Самое время вспомнить известный тезис о роли личности в истории. Ректором тогда был Валентин Дмитриевич Батухтин — космополит, много видел мир, понимал процессы в образовании, в том числе связанные с обучением инвалидов. В одну из своих поездок в США он провёл ряд встреч, переговоров, бесед — собрал группу единомышленников, которые представляли Европу. Так появилась Европейская ассоциация

Е. А. Мартынова: Любую проблему можно решить усилием души

Подготовила
Валерия Гриднева

Доктор педагогических наук, профессор Елена Александровна Мартынова рассказывает о том, как гуманистическая идея помогает переживать тяжёлые времена и почему стремление к доступному образованию может сделать общество более сплочённым.

доступности (ЕАН). Наш вуз был единственным российским вузом, присоединившимся к ней. С того момента (это был 1995 год) мы тесно взаимодействовали с Советом Европы по делам образования, в том числе по вопросам доступности. В разных европейских странах было запущено много проектов, касающихся мигрантов, инвалидов, жителей с низкими доходами, людей, которые чувствовали себя ущемлёнными по национальному или гендерному признаку. Уже тогда стало понятно, что во всех странах наиболее дискриминируемой в сфере доступности образования являлась категория инвалидов. Проводилось множество конференций, в которых мы также участвовали. Проблема усиленно анализировалась и осознавалась как сложная, комплексная, требующая и технических решений, и педагогических, и научных, и серьёзных экономических изменений в образовательной сфере.

— Экономически развитая Европа высвечивала и осваивала и эту проблему одновременно с нами?

— Да. На решение этих проблем Комиссией по науке Совета Европы выделялись средства на программу «Темпус» — проект по повышению доступности высшего образования для инвалидов. Среди английских, французских, испанских, португальских, немецких вузов был единственным вуз из России — Челябинский государственный университет.

— Проблема обучения инвалидов осознавалась как общая для европейских стран. Но были ли особенности её проявления в России?

— Были — в нашей стране относительно инвалидов к тому времени укоренилась так называемая «теория разумной полезности». Труд инвалидов применялся там, где был им посилен и полезен для окружающих. Не более.

— О расширении возможностей речь не шла?

— О высшем образовании никто даже не говорил. И только с середины 90-х разворачивается достаточно бурная деятельность в сфере доступности высшего образования в нашем регионе. Помимо инвалидов, мы занимались ещё и доступностью высшего образования

для жителей сельских территорий, для социально уязвимых категорий граждан, бывших военнослужащих, молодых женщин с маленькими детьми, да и просто школьников, в том числе одарённых детей. Для инвалидов и этих жителей, проживающих вне Челябинска, были созданы представительства в городах и районах Челябинской области. Подбирался персонал, местные администрации выделяли помещения, оказывали помощь. Наши преподаватели осуществляли предварительную подготовку, организовывали олимпиады, проводили лекции и консультации для студентов-заочников. Для инвалидов, не имеющих возможности учиться очно, это было реальным путём к высшему образованию.

— Гуманистическая идея помогла решать практические задачи. Вы действовали в одном русле с европейскими коллегами. Но европейцам с их устойчивой экономикой, вероятно, труднее было преодолевать протекцию. Как к вашему проекту в разгар кризиса 90-х относились в России? Никто не советовал подождать до лучших времён?

— Сказать, что наш проект был принят всеми сразу и с энтузиазмом, конечно, не могу. Но интерес он вызвал огромный. Тот период ценен тем, что мы находили единомышленников. Мысль о том, что образование должно быть доступным, проникала в сознание людей. И не только тех, кто работает в вузе. С нашей работой знакомилась

Елена Александровна Мартынова работает в Челябинском государственном университете с 1977 года. В 1978 году защитила кандидатскую диссертацию, получив учёную степень кандидата технических наук. В 2003 году защитила докторскую диссертацию по педагогике на тему «Теоретические основы построения и функционирования системы высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями». Это первая в России докторская диссертация по изучению проблем доступности высшего образования инвалидов. В 2005 году получила учёное звание профессора. Автор более 180 научных и научно-методических работ по направлению «Педагогика».

Сейчас — профессор кафедры общей и профессиональной педагогики, ведущий научный сотрудник Ресурсного учебно-методического центра инклюзивного обучения при ЧелГУ. С 2018 года руководит программой дополнительного образования ФПК ЧелГУ «Организационные и педагогические основы инклюзивного высшего образования для лиц с инвалидностью и с ограниченными возможностями здоровья». С 2019 года преподаёт на курсах повышения квалификации Ресурсного учебно-методического центра инклюзивного обучения при ЧелГУ для преподавателей и сотрудников вузов Челябинской, Свердловской и Курганской областей. В 2016–2019 годах — внештатный преподаватель курсов повышения квалификации Межотраслевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров (Москва) и приглашённый лектор по проведению семинаров повышения квалификации ряда вузов: Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Высшая школа экономики, Московский государственный психолого-педагогический университет, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский государственный педагогический университет. Институт специального образования, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. Награждена нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью имени К. Д. Ушинского. Почётный профессор Челябинского государственного университета.

очень многие известные люди: Валентина Ивановна Матвиенко, Пётр Иванович Сумин, министр образования Андрей Александрович Фурсенко, ректоры вузов. Неоднократно посещал нас ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий. Изначально у нас не было ничего, кроме нравственного стремления. Люди удивлялись, откуда мы берём деньги. Они шли из разных источников. Мы получили большую помощь от губернатора Челябинской области Петра Ивановича Сумина, от Законодательного собрания области, от министерства социально-развития региона. Выигрывали областные и федеральные гранты. И, конечно же, средства вкладывал и сам университет, чем удивлял многие другие вузы, сетовавшие на нехватку денег.

— Сегодня многое можно сделать благодаря информационным технологиям. Четверть века назад они были не настолько развиты. Что помогало учить студентов?

— У нас практически сразу появилось по программе «Темпус» оборудование для студентов с нарушениями слуха и зрения. Эта лаборатория есть до сих пор, но она усовершенствована и существенно отличается от той, что мы имели. Сопровождение учёбы осуществляли сотрудники созданного Регионального центра обучения инвалидов. Его организовывали

такие специалисты с большим социальным и профессиональным опытом, как Смирнова Людмила Николаевна и Мануйлова Юлия Николаевна. Сами взаимодействовали с преподавателями, родителями, даже доставляли студентам и абитуриентам учебную литературу. Что касается непосредственно информационных технологий, то наш ведущий сотрудник Дарья Феликсовна Романенкова создала первый информационный ресурс по высшему образованию инвалидов — сайт wil.ru («Путь к независимой жизни»). Позже мы уже участвовали в проекте «Pen International» (международная неправительственная организация, ПЕН-клуб, отстаивает принципы беспрепятственного обмена информацией внутри каждой страны и между всеми народами). Он был направлен на помощь людям с нарушениями слуха. В нём участвовали США, Китай, Япония, страны Азии. В рамках этого проекта мы начали развивать современное сетевое взаимодействие. В России была организована так называемая группа Pen-Russia во главе с Московским государственным техническим университетом имени Н. Э. Баумана — мощнейшим инженерным вузом, создающим в том числе средства для обучения инвалидов. В его рамках был создан сетевой проект межвузовского взаимодействия. В него вошли вузы Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Самары, Казани и ЧелГУ.

— Студентов первого выпуска помните?

— Они работают сейчас в разных сферах — в юридической, законодательной, информационной... Некоторые действительно поднялись очень хорошо. Все наши ребята толковые, старательные, симпатичные, открытые. С ними довольно легко работать. Сложности взаимодействия, конечно, тоже бывают. Но рано или поздно всё заканчивается нормально — хорошим дипломом, чаще всего красным. У очень многих красивый диплом.

— Сейчас технологий и технических средств, обеспечивающих доступность образования и индивидуальный подход к студенту, довольно много. В 90-е их приходилось наработывать с нуля. Когда вы поняли, что процесс об-

учения инвалидов обретает правовую, организационную инфраструктуру в масштабах страны?

— Поворотным моментом в развитии инклюзивного образования России стала ратификация нашей страной Конвенции ООН о правах инвалидов. Произошло это в 2012 году. Тогда же был издан известный Указ Президента России от 7 мая 2012 года, где говорилось о принципах государственной социальной политики, в том числе в сфере доступности образования. Эти же идеи были отражены в новом законе об образовании от 29 декабря 2012 года. В нём появились совершенно новые понятия: «инклюзия», «адаптированная программа», «средства обучения инвалидов». В качестве юридически оформленных терминов они раньше не применялись.

— Всё это зафиксировано в законе?

— Да, но тогда, после 2012 года, чтобы закон начал действовать, требовались нормативно-методические документы, которые бы дополняли, расшифровывали, детализировали его положения. К их разработке федеральное Министерство образования привлекло наш университет, имеющий богатый и уникальный опыт в этой сфере. Приходилось работать очень интенсивно. Взаимодействовали с рабочей группой министерства, обсуждали, спорили. Многие наши подходы сначала были не поняты: вузы были удивлены, иногда просто ошеломлены, не понимая, чего от них требуют и зачем им всё это надо. Макеты новых федеральных государственных образовательных стандартов с учётом положений о реализации инклюзии и условий, которые надо создавать в вузах для этого, — первое, что было сделано. Мы разработали порядок и условия обучения инвалидов в вузе, работали над утверждением правил приёма абитуриентов с инвалидностью на обучение в вузы, проведения практик и государственной итоговой аттестации. Теперь этими документами пользуются все. Эти государственные задания и аналогичные, но в отношении инклюзии в среднем образовании мы выполнили за три года.

— Что в традициях вашей семьи помогает вам гармонично соче-

тать самоотдачу на работе и способность оказывать внимание близким?

— В семье у меня все преподаватели. Мой папа, профессор, доктор технических наук, был крупным учёным в области строительства. Он много сделал для строительства общественных и производственных зданий не только в Челябинске, но и в других регионах страны и зарубежья. Муж мой тоже из сферы высшего образования, тщательно готовился к лекциям, любил и уважал своих студентов. Последние годы он работал у нас на экономическом факультете. Сестра моя преподаватель высшей школы. По сути, наша семья — несколько поколений педагогов.

— Но вы получили высшее образование с квалификацией инженер-механик.

— Да, я поступала в Челябинский политехнический институт, где был очень продвинутый факультет приборостроения с очень высоким качеством преподавания не только инженерных, но и математических дисциплин. Проводились специальные лектории, куда приглашали лучших математиков Челябинска. Плюс ко всему мой заведующий кафедрой — Геннадий Алексеевич Завьялов — обладал очень широким кругозором по части математики, хотя не имел математического образования. Но когда открылся Челябинский государственный университет, заведовать кафедрой математики пригласили именно его. Он меня и позвал в ЧелГУ, когда я закончила под его руководством аспирантуру — так я стала работать на математическом факультете. Но случилось несчастье — Геннадий Алексеевич рано умер. Одновременно, в конце 70-х, в стране начался развал высокотехнологичной науки и производства. Я же осталась в университете, преподавала математику в первые годы, когда создавался математический факультет. Потом перевелась на кафедру математических методов в экономике. Там было очень интересно преподавать. И вдруг поворот: меня назначают ответственным секретарём приёмной комиссии. И шесть лет я работала секретарём приёмной комиссии. Сейчас выручает ЕГЭ, а тогда были вступительные экзамены, шквал народу. ЧелГУ имел самый высокий рейтинг среди вузов нашей обла-

сти. Было очень сложно. Но кто такой секретарь приёмной комиссии? Человек, который соприкасается с системой среднего образования. За шесть лет я вжилась в эту сферу, поняла всю её специфику. В результате мне предложили возглавить

факультет непрерывного образования, созданный по инициативе ректора ЧелГУ Василия Николаевича Севастьянова, который был ответственным за это направление и руководил им. Это были годы активного развития и освоения новых идей. Но я не единственная, кто прошёл путь от технических наук к гуманитарным.

— Такое движение естественно?

— У меня получилось естественным. Насильно никого не столкнёшь из инженеров в педагоги. Но меня приняли в педагогической среде. Много ценных советов я получила от Семёна Егоровича Матушкина. Очень благодарна Сергею Арсеньевичу Репину, Петру Ивановичу Чернецову — они отнесли ко мне по-доброму, положительно оценили мою работу и её перспективы, помогли мне вжиться в коллектив педагогов-профессионалов.

— Какое направление развития инклюзии вы считаете сейчас наиболее важным?

— Выход за рамки отдельных вузов, создание региональных учебных методических центров. Это не только, когда один университет помо-

гает другим вузам. Речь о функционировании региональных систем, способствующих профориентации студента, его обучению, трудоустройству. В этом участвуют службы занятости, структуры, занимающиеся сбором информации. Вуз, обуча-

ющий студента-инвалида, должен видеть реальный рынок труда: какие профессии востребованы, стоит ли молодому человеку рекомендовать ту или иную специальность. Когда студент приходит на предприятие, его профессиональное становление продолжается: должно быть подготовлено рабочее место; мастер, который встретит выпускника. Роль университета в решении этих задач существенна. Особенно с учётом изменений, которые происходят в обществе. К примеру, есть поручение президента предоставлять людям, ставшими инвалидами в трудоспособном возрасте, возможность получить бесплатно второе высшее образование.

— Мир постепенно становится лучше?

— Любую проблему можно решить нравственным, душевным усилием, меняя отношение к окружающему. Единомышленники найдутся всегда. Ценно то, что инвалиды всегда сами активно стремились к высшему образованию, создавали сообщества и в России, и за рубежом. Если бы не их стремления, наши усилия вряд ли кому-то были бы нужны.

С

Сергей Владимирович, вы родились в небольшом посёлке в Башкирии, окончили восемь классов, а потом поступили в физико-математическую школу-интернат при МГУ. Как удалось из небольшого городка попасть в Москву?

— Я родился в рабочем посёлке Раевка под Уфой. Мои родители — учителя математики и физики. В доме постоянно лежал журнал «Математика в школе», в шестом классе я увлёкся решениями задач из него. В восьмом классе стал победителем олимпиады по математике (первое место по Башкирии) и занял второе место на Всероссийской олимпиаде. Всё зависит от учителя, а он у меня был хороший. И на моё счастье отец выписывал журнал «Математика в школе». Он подсунул мне задачку — какую — уже не помню, но я решил и обрадовался. Гордость брала, что могу решить то, что не может учитель.

С 1963 года студенты и преподаватели МГУ приезжали в небольшие города и искали одарённых ребят. Им предлагали поехать в Колмогоровскую школу-интернат для одарённых детей [Андрей Николаевич Колмогоров — один из крупнейших математиков XX века. — Примеч. ред.]. Они выезжали во многие города, в том числе и в Уфу. Я участвовал в таком собеседовании, и повезло, задача попала не очень сложная. Решил её хитрым способом, и это понравилось. Предложили поехать на учёбу, и я захотел, в математике чувствовал себя сильным. А в самом интернате у каждого были разные способности: один стал музыкантом, второй — книжки писал, третий ещё в какой-то сфере преуспел. Это, скорее, не одарённые, а инициативные дети. И у нас

С. В. Матвеев: Человеческий мозг не заменим компьютером

Подготовила
Наталья Горюнова

Сергей Владимирович Матвеев работает в ЧелГУ практически с основания вуза — с марта 1977 года. Академик РАН рассказывает, что за это время университет вырос, а выпускники математического факультета разъехались по всему миру.

в интернате были хорошие преподаватели, сам Колмогоров читал лекции.

— Окончив МГУ и аспирантуру МГУ, уехали в Челябинский политехнический институт. Почему именно Челябинск?

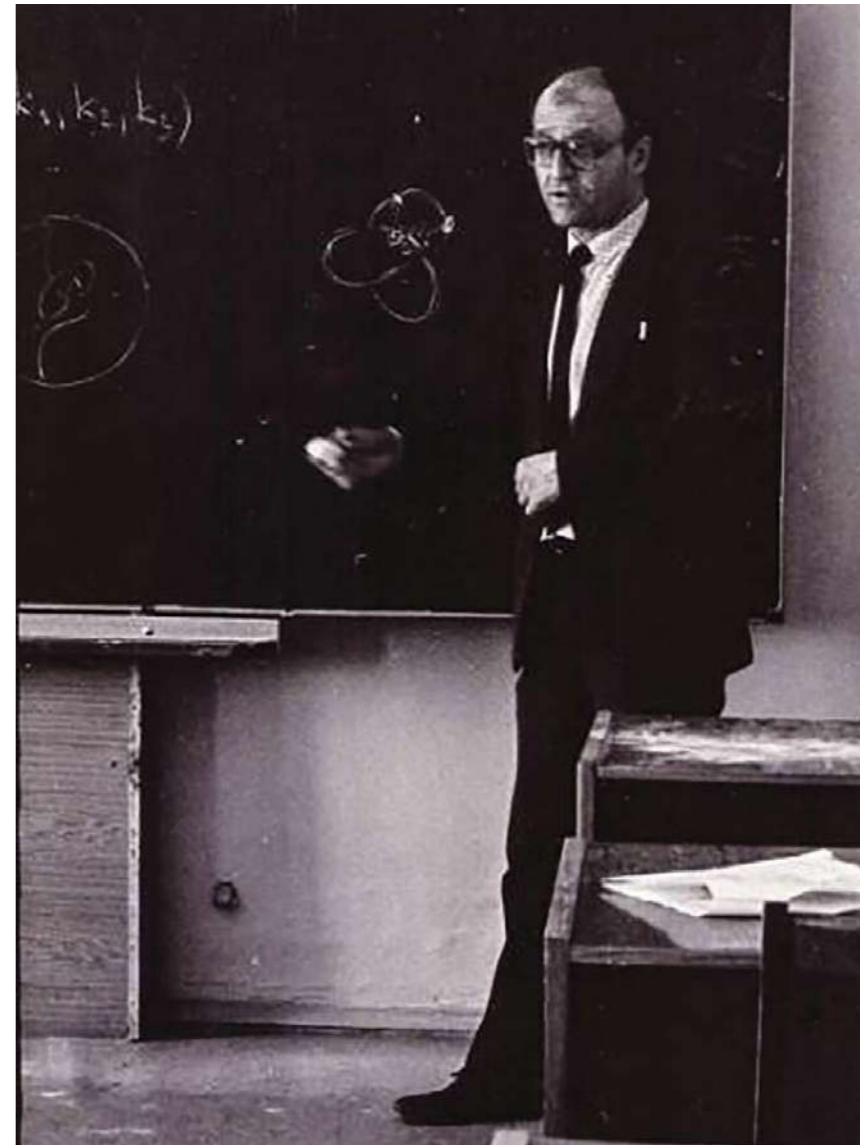
— Я приехал к своей жене — Любови Васильевне Матвеевой, она родом из Челябинска. Она тоже математик и тогда уже работала в ЧПИ на кафедре математики. Мы вместе с ней учились в интернате для одарённых, я познакомился с ней, как только приехал в Москву. Ещё к концу обучения понял, что мне нравится и учить, и учиться, поэтому решил стать преподавателем, поскольку преподаватели всегда учатся сами и учат других. Этим я и занимаюсь до сих пор.

— Тяжело было начинать преподавать?

— Было тяжело, потому что в ЧПИ мне сразу дали 20 часов в неделю: 10 лекций и 10 практических занятий. Я некоторых разделов — например, операционного исчисления — не знал, пришлось много учить, готовиться. И со студентами нужно было выстраивать общение, но я уже имел опыт работы в школе-интернате при МГУ преподавателем. Так потихоньку влился в работу.

— С 1977 года и по сегодняшний день вы работаете в Челябинском государственном университете. Что привлекло вас в нём?

— Будущий ректор ЧелГУ Семён Егорович Матушкин проявил инициативу и уговорил челябинское руководство создать университет. Потому что городу всё-таки нужен был классический вуз. Первый ректор Матушкин — это глыба. Он построил университет, каким мы его знаем. В конце 70-х годов в ЧелГУ приехали молодые инициативные способные математики. Это Сергей Георгиевич Иванов, Вячеслав Михайлович Быков, Сергей Михайлович Воронин, Владимир Игнатьевич Ушаков и другие. Сам я с 1973 по 1976 год работал в ЧПИ. Но мне хотелось не только учить студентов, но и заниматься научной работой, вести дипломников и курсовиков. Как-то уже в ЧелГУ, рассказывая студентам об узлах, я искал простое доказательство одного утверждения и нашёл его, что дало основание

описать новый класс важных алгебраических объектов, легло в основу целого раздела математики.

— Так как мы заговорили о математике, расскажите простыми словами о вашей области научных интересов — компьютерная топология, топология многообразий. Возможно ли вообще простыми словами объяснить, что это такое?

— Понятие алгоритма лежит в фундаменте математики. Все в школе знакомилось с методом математической индукции [метод математического доказательства, который используется, чтобы доказать истинность некоторого утверждения для всех натуральных чисел. — Примеч. ред.], а это и есть алгоритм. Выступая на Европейском матема-

тическом конгрессе в 2000 году, я говорил, что задача построения эффективного частичного алгоритма является хорошо поставленной математической проблемой. Этот математический подход позволяет решить множество современных прикладных задач. В двух словах я не смогу рассказать о своей работе. Но хочу привести слова Джорджа Буля, который более 150 лет назад писал о своей работе, что она не найдёт практического применения. Но сейчас на идеях булевой алгебры работают наши компьютеры.

— Ваши исследования нашли применение в гиперболической геометрии, теории интегрируемых гамильтоновых систем. Вместе с учениками развили теорию эффективного распознавания

трёхмерных многообразий. Можете ли пояснить, каким образом это повлияло на дальнейшее развитие науки?

— Трудно привести конкретные примеры. Каждый день на почту приходят сообщения со ссылками на мои работы. Группа из МГУ под руководством Анатолия Тимофеевича Фоменко поддерживает с нашей кафедрой постоянную связь, его ученики приезжают с докладами к нам на семинар. У нас хорошие контакты с Академгородком Новосибирска и Томским университетом. Для серьёзных занятий математикой необходимо общение с коллегами, принадлежащими другим школам и придерживающимися других взглядов.

— Вы работали в университетах и институтах Англии, Германии, Израиля, Италии, Канады, США, Китая и т. д. Отличаются ли студенты этих стран от наших студентов?

— Отличий немало. Те студенты много работают самостоятельно. Но должен отметить, что у них недельная лекционная нагрузка не превышает 12 часов. Университеты имеют прекрасные комплексы, где студенты занимаются спортом в своё свободное время. Много возможностей для культурного отдыха. В математических институтах прекрасные условия для занятий наукой. В 1997 году я был организатором конференции в Калифорнии. Всю подготовительную работу на себя взяли секретари. Мы только решали вопросы, связанные с математикой.

Я могу сравнить с нашими конференциями. Наша кафедра организовывала международные конференции несколько раз. И каждый раз это была огромная нагрузка на математиков. Обязанности по организации научных конференций не были разделены между университетскими службами. Все вопросы — транспорт, гостиницы, аудитории — лежали на нас тяжким грузом.

Несколько лет назад к нам приезжал для совместной работы аспирант из Италии. Мы сами искали и арендовали ему квартиру. А в Математическом институте Бонна секретари заранее предлагали мне квартиры для аренды на выбор. Сейчас, конечно, ситуация в университете изменилась. Ректор Сергей

Валерьевич Таскаев — талантливый организатор. Он на своём месте — знает потребности вуза. Так, мы совершенно гладко, без всяких потерь, перешли на дистанционное обучение в период пандемии. Я месяц или больше просидел дома, при этом общаясь со студентами.

— Интересно было изучать университеты в других странах?

— Конечно, и интересно было преподавать. Один из эпизодов меня поразил. Мы прилетели в Америку.

Сергей Владимирович Матвеев — академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, профессор. Заведующий кафедрой компьютерной топологии и алгебры Челябинского государственного университета, руководитель отдела алгоритмической топологии Института математики и механики Уральского отделения РАН. В 2001 году за успехи, достигнутые в педагогической и научной деятельности, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, в 2007 году — медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени. Благодаря усилиям Сергея Матвеева кафедра КТиА ЧелГУ в 2014 выиграла грант в размере 90 млн рублей. На базе университета была открыта международная лаборатория квантовой топологии.

Нас встретили и говорят мне — у вас через 20 минут лекция, идите. Ну, я прочитал. Прочитал о дифференциальных уравнениях. У меня училась большая группа студентов. И была парочка — он и она. На первом экзамене они получили задание и сели на самый верхний ряд. Я думаю, пускай списывают. Но что меня поразило: он решил правильно, она — нет. Я решил узнать, почему же они не посмотрели правильные ответы. Мне сказали, что так нельзя, это будет неправильно. Такими честными оказались.

— А вы строгий преподаватель?

— Нет, я не строгий. У нас на кафедре все дружелюбно относятся к студентам, могут вместе кофе выпить. Бывает даже, что студента защитить надо. У меня был ученик, его уже хотели отчислить. Я его поймал в коридоре и спрашиваю: в чём дело? Он объяснил, что не смог решить задачу. Я ему помог понять. Он в итоге окончил университет и поехал в школу работать, до сих пор работает директором. Встречал меня и благодарил.

— А по вашему мнению, что важно для хорошего преподавателя?

— Первое — преподаватель должен знать свой предмет как следует. Второе — это внутренние каче-

ства — чтобы к студентам он относился по-человечески. Пожалуй, этих двух и достаточно. При этом преподаватели-математики бывают разные. Некоторые читают лекции строго, но непонятно, другие — понятно, но не строго. Много тех, кого и понять трудно, и строгости нет.

— Сергей Владимирович, вырос ли у студентов в последнее время интерес к математике?

— Студенты бывают разными, но в целом интерес к математике

растёт. Выпускник математического факультета имеет больше шансов уехать за рубеж. Покажет себя, и могут его к себе пригласить. Мне постоянно пишут коллеги, приглашают студентов в аспирантуру. Максим Соколов говорил, что у него при учёбе в аспирантуре в Вашингтоне не было проблем кроме языковых вначале.

— Читала, что вы просите студентов читать научные статьи из иностранных журналов уже со второго курса на языке оригинала. Это необходимо для развития?

— Статьи по математике надо читать на том языке, на котором они написаны. Потому что если будешь читать на русском, то можно неправильно понять, а это себе дороже. Хорошему математику важно знать языки.

— Встречались ли вам за время преподавания действительно одарённые студенты? Для математики нужны склонности?

— Конечно, нужны склонности. И в ЧелГУ есть одарённые студенты. Например, мой ученик Филипп Глебович Кораблёв. Он сейчас и сам маститый преподаватель, и мне теперь конкуренцию составляет. К нам приезжали ученики

академика Анатолия Тимофеевича Фоменко из Москвы, чтобы рассказать свои результаты. Кораблёв сразу беседовал с ними на равных, всё понял.

— Какое место сегодня математический факультет ЧелГУ занимает в мировом научном сообществе?

— Нас и наши работы хорошо знают, регулярно ссылаются, но многие выпускники уезжают работать в другие города и страны. В США работает мой аспирант Максим Соколов. Защищал диссертацию и уехал Андрей Перфильев. Пару лет назад переехал в Санкт-Петербург мой ученик Евгений Фоминых. В Пизе работает Екатерина Первова. Пару лет назад приезжала моя бывшая дипломница, сейчас работает в университете Новой Зеландии. Уехала с семьёй в начале голодных 90-х. В США ра-

ботает другая дипломница. Сначала она училась в магистратуре, а потом поступила в аспирантуру по экономике. Защитилась. Это палка о двух концах. С одной стороны, то, что выпускники уезжают, для нас — плохо. С другой стороны, удерживать их тоже нельзя.

— При этом математическому факультету ЧелГУ есть чем гордиться. В 2014 году лаборатория квантовой топологии выиграла мегагрант правительства РФ в 90 млн рублей. Как вам это удалось?

— Когда я был в Америке, то работал с очень известным учёным — математиком Владимиром Тураевым. Он очень хорошо котируется в математическом мире — входит в десятку лучших. И когда мы узнали, что можно подавать заявку на мегагрант, сразу связались с Ту-

раевым. Благодаря его поддержке у нас получилось выиграть.

— Сильно ли продвинулась математика с появлением компьютеров?

— Скорее, не продвинулась, а изменилась. С одной стороны, стало легче. С другой стороны, часто бывает так, что человек проводит расчёты на компьютере, нажимает кнопку, потом публикует статью. Но от этого только теряет время. Потому что надо что-то концептуальное, новое привнести, а приводят только расчёты.

— То есть человеческий мозг пока не заменим компьютером?

— Нет, конечно. В математике важна идея, и не всегда понятно, откуда она возникает. Без человека у компьютера не получится работать.

А

Андрей Витальевич, вы окончили Челябинский политехнический институт с квалификацией инженер-электрик. Выбор профессии был осознанным?

— Так получилось, что ещё в детстве, будучи школьником, впервые увидел электронную вычислительную машину. В то время это был компьютер (хотя термин появился позднее), который занимал целый зал. Внутри компьютера — коридор, по нему ходили инженеры и ремонтировали платы с электронными лампами. И этот мир меня настолько поразил, что появилось желание стать его членом. Детская мечта воплотилась в то, что, когда в 1973 году поступал в институт, мой выбор пал на специальность «Автоматика и телемеханика». В то время она была одна из наиболее близких к тому, что реально связано с компьютерами.

— Другие варианты будущей профессии рассматривали?

— Было ещё одно интересное направление — «Математические и счётно-решающие приборы и устройства». Эта компьютерная специальность сейчас называется «Вычислительные системы, комплексы и сети». Но я посмотрел учебный план, и мне он не понравился: оказалось, там ещё учили арифмометрам. В итоге окончательно выбрал автоматику и телемеханику. Тогда не предполагал, что через двенадцать лет стану заведующим кафедрой электронных вычислительных машин.

— В том далёком прошлом подозревали, что компьютер сможет уместиться в ладони?

— Тогда об этом не думал. Просто чётко для себя определил, что мне интересно. И это стало делом моей жизни.

А. В. Мельников: Новые технологии — вызов человечеству, но они помогают найти и ответы на вызовы

Подготовила
Виктория Котова

Один из основателей института информационных технологий ЧелГУ, профессор кафедры информационных технологий и экономической информатики Андрей Витальевич Мельников — о том, что необходимо для воплощения мечты, как будет развиваться дистанционное обучение и каковы возможности искусственного интеллекта.

— Кто-то помогал вам укрепить, развить в себе этот интерес?

— Во время обучения очень тесно работал с сотрудниками кафедры электронных вычислительных машин. Доцент Ирина Львовна Надточий (продолжает там работать) — мой первый учитель. Она открыла мне мир ЭВМ и программирования.

— Что больше всего удивило в этом мире?

— Расскажу об одном эпизоде, который во многом определил мою дальнейшую профессиональную судьбу. Я запрограммировал решение систем линейных уравнений. Задаю условия задачи, и машина выдаёт мне вариант: данная система линейных уравнений не имеет решения, и это в действительности возможно. Но я таких слов в программу не вводил! Помню, как округлились мои глаза от мысли, что машина умна, понимает и оценивает мои действия. Прибежал с этим к преподавателю, начали разбираться. Оказалось, я допустил ошибку, и случайно произошёл переход из одной программы в другую. Но впечатление было сильным! Кстате, это были прообразы персональных машин, назывались «Наири-К», выпускались в Грузии. Первые машины, на которых я профессионально работал оператором и программировал.

— Программирование стало для вас сферой научных интересов.

— Да, и один из людей, благодаря которым это произошло, — заведующий кафедрой электронно-вычислительных машин Рудольф Петрович Чапцов. Он был руководителем моей аспирантуры.

— Позднее вы перешли в Челябинский государственный университет. Расскажите, как воплощалась идея института информационных технологий.

— В ЧелГУ перешёл по приглашению ректора Валентина Дмитриевича Батухтина. И почти сразу чётко увидел, что университету не хватает направления, связанного именно с информационными технологиями. Подчеркну: блок, базирующийся на математике, в ЧелГУ сложился очень сильный. Он представлен математическим факультетом, направлением «Информационная безопасность», специальностями, использующими математические модели для соз-

дания современных алгоритмов самого широкого класса. Но информационные технологии неслучайно называются технологиями. Они включают в себя достаточно большую часть именно технологических решений: языки программирования, архитектуру вычислительных систем, технологии работы сетей.

Андрей Витальевич Мельников защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук в 1982 г. Избран заведующим кафедрой электронных вычислительных машин Челябинского политехнического института имени Ленинского комсомола в 1985 году. Защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора технических наук в 1996 году. Перешёл в Челябинский государственный университет на должность проректора по научной работе в 2004 году. Избран по конкурсу директором Югорский научно-исследовательский институт информационный технологий Ханты-мансийского автономного округа — Югра в 2017 году.

Поэтому родилась идея — создать в университете новую структуру.

— С чего начинался институт?

— С коллектива. Он всегда формируется из единомышленников. А кто они, единомышленники? Ученики, фактически, участвующие в проекте, который ты им предлагаешь. В первую очередь, хотел бы упомянуть Александра Владиславовича Вохминцева. Сейчас он работает на математическом факультете. Александр Владиславович — первый директор института. Также пришли аспиранты, многие из них защитили к тому времени кандидатские. Сыграла свою роль и серьёзная помощь на старте: нам дали ресурсы, помещение. И мы смогли привлечь интересных преподавателей. Ещё один важный фактор — мы сразу нацелились на реальный промышленный сектор. Объясняли, что не просто учим студентов, а готовим специалистов для компьютерных фирм и крупных компаний. Создали наблюдательный совет, сейчас он

воспринимается как классическая, привычная форма работы. Учебные планы формировали с учётом мнения руководителей и представителей ведущих предприятий. Со многими из них я уже был знаком. Обратился к ним за помощью, они откликнулись и проявили интерес к нашим студентам.

— С учётом опыта создания и развития института можете сказать, насколько отличаются подходы к организации процесса обучения в ЮУрГУ и ЧелГУ?

— Чем мне нравится Челябинский госуниверситет, так это тем, что он готов экспериментировать. То есть мы достаточно гибкие в реализации новых схем. Приведу пример: когда мы создавали институт, в качестве значимого элемента сразу планировали использовать системы дистанционного обучения. Фактически речь идёт о полноценной системе, в которой студент не привязан жёстко к лекционной модели, а в первую очередь занят реализацией своих проектов. Проекты он получает в виде заданий в рамках учебного материала. И обучение своё начинает не с прослушивания лекций профессора и записи его мыслей, а с осмысления своего проекта. Для этого обращается к тем или иным публикациям, лекциям, консультациям преподавателя. И эта модель сработала, потому что позволила при довольно малочисленной команде, создавшей институт, обеспечить обучение большого числа студентов.

— Получается, вы использовали дистанционные формы работы задолго до пандемии. Какой это был год?

— Мы начали развивать эту систему в 2011–2012 годах. Тогда слов «мессенджер» или zoom в обиходе ещё не было. Более того, целый ряд вебинаров мы организовывали с помощью специально написанных нами программ. Стали пионерами использования в учебном процессе целого ряда программных продуктов, в том числе зарубежных. Но если сейчас онлайн-лекции воспринимаются как нечто естественное, в 2011 году их значение мало кто понимал. И я долго доказывал, что это необходимый элемент нормальной образовательной технологии.

— Технологии работы с информацией меняют нашу жизнь.

Позволяет ли научное знание проследить механизм этих изменений, чтобы предсказать их ход?

— Как зарождается научное открытие? Происходит озарение. Возникает задумка, которая спустя время обретает чёткие черты. Много об этом думаю — как поймать момент, когда мечта становится реальностью. В определённой степени наш институт — воплощение мечты. Мечты создать систему дистанционного обучения, которая позволяет получить хороший результат. И эта мечта совпала с потребностями реальной жизни.

— Это значимое условие её воплощения?

— Да. Мы можем о чём угодно мечтать, например, о полёте на Марс. Но лишь когда мечта объединяет многих людей, она становится реальностью. Точно так же происходит развитие информационных технологий. Вспомним часть новейшей истории коммуникаций между людьми. В 90-е появились пейджеры — в определённом смысле, прототип смс-сообщений. За два года эта технология завоевала российский рынок. Потом распространился первый сотовый кнопочный телефон: в любой момент из любой

точки можно было выйти на связь — я всё ещё помню те эмоции. Однажды мой друг позвонил домой с озера и говорит жене: «Знаешь, мы рыбачим, только черви кончились, попроси ребят привезти». Жена не поверила, что он на рыбалке, заподозрила в том, что где-то у стационарного телефона находится и её обманывает. Чуть до семейного скандала не дошло. Следующий шаг — появление телефонов

с широчайшими возможностями коммуникации. Одновременно возникли мессенджеры — настолько интересное и эффективное средство общения, что социальные сети утратили былую популярность.

— Что будет дальше?

— Мы почувствовали в реалиях пандемии недостатки коммуникации по видеосвязи. Много спрашиваю людей, чего же всё-таки не хватает. Говорят, нужно больше невербальной информации: более точной передачи тембра голоса, мимики лица. Возможно, появится трёхмерная картинка, или эффект того, что находимся с собеседником в одном пространстве. Для этого надо решить несколько задач. Вы знаете, к примеру, модель 5G?

— Доводилось слышать.

— Современные сети — это 4G, а 5G обладают на порядок большей пропускной способностью. Сейчас недочёты в передаче информации мешают её восприятию. А модель 5G позволяет передавать более полный объём информации, обеспечивая практически эффект личного присутствия в одном пространстве с собеседником. Представляете, какая работа стоит за этой новой технологией? Математики, инженеры, системщики — все участвуют в создании эффективных каналов связи. Это и средства уплотнения информации, её шифрации, кодирования — всё объединено в систему.

— А какой аспект информационных технологий интересует вас как учёного?

— Искусственный интеллект. Правда, к этому термину не очень хорошо отношусь: вокруг него масса спекуляций, и обычно люди представляют его себе в виде человекоподобного робота. В моём понимании искусственный интеллект — качественная рекомендательная система, которая помогает человеку в удовлетворении повседневных потребностей. К примеру, решили вы взять кредит в банке. Хороший искусственный интеллект предоставляет перечень возможностей, предупреждает от рисков. Актуально его использование и для решения масштабных задач. Тема, которой мы сейчас занимаемся, — использование искусственного интеллекта для обеспечения устойчивого развития предприятий в условиях экологических ограничений. Мы видим, что проблема углеродной экономики серьёзно влияет на жизнь всего человечества. Необходимо создать эффективные производства, которые бы снизили отрицательное влияние на окружающую среду углеродного следа, а в лучшем случае — свели бы это влияние к нулю. И здесь основой рекомендательных систем может стать искусственный интеллект, решающий широкий спектр задач — от контроля экологического состояния (последствия пожаров, нефтеразливов, выбросов углерода в атмосферу на разных производствах) до рекомендаций по управлению бизнес-процессами на предприятии.

— Эксплуатация производств, опасных или связанных с применением ядерных технологий, нередко вызывает у людей опасения. Это может стать препятствием для более широкого использования искусственного интеллекта в промышленности и энергетике?

— У этой проблемы две стороны. Во-первых, инерционность человеческого мышления, часто приводящая к фобиям. Например, в 2000-х годах было распространено мнение об опасности излучения сотового телефона: якобы он влияет на мозг и вызывает опухоли. Всё это, конечно, антинаучно. Во-

вторых, действительно, огульное применение новых технологий влечёт опасность. Технологию расширяют возможности, и это не всегда положительно влияет на нашу жизнь. Например, те же сотовые телефоны позволяют террористам дистанционно управлять взрывом. Новые технологии — вызов человечеству, но они помогают найти и ответы на эти вызовы. Поиск баланса — цивилизационная задача, её решают гуманитарии, которыми силён Челябинский государственный университет.

— Давайте как раз вернёмся к университету. Судя по тому, что вы рассказывали о становлении института информационных технологий, значимую роль в вашей жизни играют ученики. Это так?

— Да. Вновь упомяну Александра Вохминцева, заведующего лабораторией математического факультета ЧелГУ. В прошлом году он защитил докторскую диссертацию. Его работа очень интересная, и он уже выиграл грант Владимира Потанина на создание курса искусственного интеллекта на английском языке: будет читать его студентам института информационных технологий. Год назад защитил кандидатскую диссертацию Дмитрий Ботов. Сейчас он совмещает работу в институте с сотрудничеством с целым рядом ведущих компаний, в том числе «Интерсвязь». Мы с ним обсуждаем совместный проект по искусственному интеллекту как раз по теме обработки естественных языков. Это анализ

текстов, обращений граждан. Один из первых моих учеников, защитившихся по теме искусственного интеллекта в сфере информационной безопасности, работает в одной из компаний Санкт-Петербурга — тестирует информационную систему на прочность.

— Бизнес давно оценил значимость информационных технологий, в том числе для защиты своих интересов. А насколько восприимчив к прогрессу массовый пользователь?

— Всё как обычно: молодёжь быстро реагирует на технологические изменения, старшее поколение более консервативно. Но уже никого не удивляет, когда в маленькой деревушке Челябинской области идёт по улице бабушка и разговаривает по телефону с внуком. Представьте, что будет, если у нас отобрать сотовый телефон! У меня друзья занимаются туризмом, часто выходят в горы и чувствуют информационный вакуум: будто просыпаются в другом мире, к встрече с которым они не готовы. Человечество живёт и развивается вместе с технологиями, альтернативы нет. Мы будем двигаться дальше и дальше. Где тот предел, когда нужно остановиться? Пока границ не вижу. Помните моё детское впечатление от первой встречи с ЭВМ? Так вот, чем дальше занимаюсь компьютерами, тем больше мне становится интересно — а что же ещё нас ждёт? И это — модель развития всего человечества.

Л

юдмила Александровна, в одном из интервью вы рассказывали, что в юности всерьёз

интересовались журналистикой, литературоведением, лингвистикой. По ряду обстоятельств пошли учиться на лингвиста и ни разу об этом не пожалели. Кто из наставников поддерживал ваш интерес к профессии?

— Прежде всего, Лидия Андреевна Глинкина, два года назад от нас ушедшая. Замечательный был преподаватель! Потрясающий человек, увлечённый, энергичный. Когда после окончания Челябинского педагогического института я была в отчаянии из-за невозможности сразу поступить в аспирантуру, она меня поддерживала и не уставала искать варианты.

— В чём заключалась проблема с аспирантурой?

— В институте мне дали направление, которое позволяло поступить в аспирантуру не раньше, чем через два года, и при условии трудоустройства уже в год окончания вуза. Такой был порядок. Потом вообще закрыли нецелевой приём. Лидия Андреевна сказала, чтобы я не отчаивалась. Объяснила, что можно быть соискателем, посоветовала обратиться в Институт языкознания. Потом она же выяснила, что есть нецелевой приём в аспирантуре Института русского языка при Академии наук в Москве. С её подачи я сразу туда поехала, подала документы и поступила. Случилось это уже через шесть лет после того, как я окончила институт. Моим научным руководителем стал Ефим Лазаревич Гинзбург. Он научил меня всему, что я умею.

— Можно несколько слов о Гинзбурге?

Л. А. Месеняшина: Успех в науке, искусстве, культуре — плод не реальности, а надежд и иллюзий

Подготовили
Валерия Гриднева,
Полина Захарова

Как культуры разных эпох взаимодействуют в пространстве личности человека?

Почему свобода — необходимое условие творчества, а любовь к ребёнку — самая надёжная его защита? Об этом, а также о том, как атмосфера в обществе влияет на климат в сфере образования, говорим с доктором педагогических наук, профессором кафедры русского языка и литературы ЧелГУ Людмилой Александровной Месеняшиной.

— Он был большой учёный, даже упоминается в лингвистическом энциклопедическом словаре. Необыкновенный человек. И москвич. В Москве совсем другие люди, не такие, как в Питере. Я у него завтракала, обедала, ужинала. Он говорит: если переночевать негде, то раскладушка для вас всегда найдётся. Я считалась почти членом семьи. Его дети даже называли меня «тётя Люся». По причине пренебрежения к официальным регалиям у Ефима Лазаревича не было докторской степени, поэтому для официального руководства аспирантом пришлось дожидаться разрешения Президиума Академии наук СССР. Таким образом, получилось, что я была его первым официально оформленным аспирантом. И он работал со мной с полной отдачей. Был очень строгий. Безумно строгий и требовательный! Бывало, идёшь от него и думаешь: сделать к завтрашнему дню столько и так качественно, как ему надо, просто невозможно! Осознавать это было мучительно. Но те, кто не числился у него в аспирантах, умирали от зависти ко мне: «Вот, смотрите, Люсе внимание уделяет, а другим — нет». Он со мной нянчился. Потому что чувствовал огромную ответственность, и на то были свои причины.

— Какие?

— Время, о котором говорим, начало 80-х. Сейчас мы знаем, что это закат эпохи застоя. Но уже тогда появилось ощущение короткого исторического промежутка, когда людей начали оценивать по их человеческим и профессиональным качествам, а не по уровню «преданности партии». Ефим Лазаревич не мог себе позволить упустить такую возможность и не поддержать

Людмила Александровна Месеняшина — кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Совета по русскому языку и российской словесности при Министерстве образования Челябинской области. Автор более 180 публикаций, пяти монографий и трёх учебных пособий.

своих учеников. Он мне говорил: «Вы защищаетесь — это, во-первых. Во-вторых, вы защищаетесь в секторе структурной лингвистики, а на этот сектор во все бинокли смотрят, он под глобчайшим подозрением: если есть возможность придаться, её используют. В-третьих, вы защищаетесь у Ефима Гинзбурга и должны понимать: на вас каждый будет смотреть в четыре глаза. У вас должна быть надёжность, как у космонавта». Меня поэтому он очень долго на защиту не выпускал. Год только автореферат писали! Потом уже всё пошло как по маслу: Ефим Лазаревич посоветовал просто подогнать под автореферат диссертацию.

— На пути к этой финальной точке у вас не было желания всё бросить?

— Нет. Хотя, видя требовательность своего отца ко мне, его дочка младшая лет четырнадцать — спросила: «Тётя Люся, как вы вообще его терпите?». Я ответила: «Мы с ним просто созданы друг для друга». Иной бы человек обиделся за придирки, но я понимала: требует по делу. Как и он понимал: с меня можно драть три шкуры. Не уверена, что у него много выпущено аспирантов: он представал перед нами настоящим кровопийцей. Не стеснялся в выражениях. Правда, так как я была молодая дама, при мне всё-таки сдерживался. Но с другими учениками обоих полов не церемонился. Ругался страшно, говорил обидные слова даже за опечатку: «Все люди делятся для меня на два класса: на кого можно положиться и на тех, которые могут предать». После таких слов у человека случалась истерика, а я не плакала даже. Но однажды впала в истерику и я. Ефим Лазаревич отпаивал меня валерьянкой. В тот вечер уезжала, и он заставил меня позвонить с вокзала, сказать ему о своём самочувствии. Вот такое невероятное сочетание безумной требовательности и абсолютно искренней доброты и заботы. Мы очень тепло друг к другу относились. Не стану скрывать: он гордился мной. И я понимаю, что без него неизвестно вообще, что бы из меня получилось.

— Насколько помню, вы целенаправленно шли устраиваться на работу в Челябинский государственный университет. Почему именно ЧелГУ?

— Вы просто себе не представляете ту эпоху! Не было выбора, поймите. Окошко возможностей для самореализации (о нём мы говорили выше) открылось ненадолго и несколько позже. Царил застой. И «застой» — не просто слово. Это образ жизни, мышления. В пединститут пробиться было нельзя. Он стоял, как скала, там ничего не менялось десятилетиями, не появлялось вакансий. Уехать из Челябинска я не могла: нужно было помогать маме, поэтому и в аспирантуре училась заочно. Незадолго до того, как туда поступила, открылся новый университет. Надеяться, что меня туда возьмут «с улицы», не приходилось. Несколько раз обошла корпус, только потом набралась храбрости зайти внутрь. Понимала, что себе не прощу, если не попробую. И тут вижу, что в очереди на приём к проректору Голякову сидит моя сокурсница Татьяна Андреевна Екимова, здесь же — Наталья Алексеевна Новосёлова, с которой я учила факультативно болгарский язык. Вакансии закончились на Татьяне Андреевне. А мне сказали: «Оставьте телефон — мы вам позвоним». Не дожидаясь звонка, заходила в университет несколько раз, узнавала, не освобождено ли место. Выяснила, что деканом назначена Людмила Александровна Шкатова, знавшая меня ещё студенткой, отличницей и ленинской стипендиаткой. Заведующим кафедрой стал Александр Иванович Лазарев, который помнил меня по смотрам художественной самодеятельности. Время от времени заглядывала к ним в университет. В итоге Лазарев меня убедил: сказал, что скоро вакансия, возможно, появится. И, действительно, нашлась для меня работа.

— У вас получилось!

— Не всё так просто. Два года работала «на птичьих правах», буквально, без отпуска и больничных. Потом устроилась диспетчером, затем лаборантом. Хотя и преподавала, но официально не числилась в составе преподавателей. Это продолжалось даже после защиты моей кандидатской в 1983 году. В 1985-м, наконец, вакансия открылась, и... её тут же занял другой человек, даже не кандидат наук! Я тогда плюнула и ушла. И неизвестно, как бы сложились мои отношения с университетом, если бы не наступившие перемены.

— Имеете в виду перестройку?

— Точнее то, как она отозвалась в пространстве университета. Доцент кафедры русского языка незабвенный Вячеслав Павлинович Тимофеев, в высшей степени неординарная личность (это ещё очень слабо сказано!) в 1987 году написал в «Правде» статью с критикой руководства вуза. Основная мысль состояла в том, что университет остановился в развитии, что кадровая политика не прозрачна. Много было других острых замечаний. «Правда» на тот момент — главная газета страны. В ответ администрация университета инициировала собрания на факультетах. Их цель — принять резолюцию о недоверности изложенных в статье фактов. Было даже опасение, что ЧелГУ из-за статьи могут закрыть. Такое собрание состоялось и на филологическом факультете. Со слов участников, на него пришёл наш выпускник 1984 года поэт Дмитрий Кондрашов (к сожалению, его уже нет в живых) и несколько других выпускников. Им сказали: вы уже не имеете отношения к вузу. На что Дима возразил: мы как выпускники тоже отвечаем за университет и его будущее. В итоге их допустили. Дмитрий выступил, сказал, что опровергать в статье нечего, перечислил преподавателей, уволившихся с факультета, меня назвал в том числе. Собрание шло до полуночи, и его решение состояло в том, что факты, приведённые в публикации Тимофеева, абсолютно верны. О резолюциях других факультетов не знаю, но руководство университета смилилось. Вскоре кафедра, где я работала в ЧелГУ, расширилась, и меня туда пригласили.

— То, о чём вы рассказываете, уже вряд ли можно назвать застоем. Но что было главным источником перемен: курс Михаила Горбачёва на перестройку или энергия, накопившаяся в обществе?

— И то, и другое — двустороннее движение. Перестройка потому и началась, что в стране сложилась революционная ситуация. Горбачёв прекрасно это видел и провозгласил политику гласности. «Правда» стала печатать статьи, подобные той, которую написал Вячеслав Павлинович Тимофеев. И люди поверили, что их могут услышать, что они способны что-то изменить. Это были счастливые времена! Успехи в науке, искусстве, культуре бывают не от реальности, а от надежд и иллюзий.

— Сегодняшняя общественная среда благотворна для иллюзий?

— Нет. Это почва для полной депрессии. Вот нас ругают, что мы мало публикуемся в научных журналах. Но ведь одно дело — работать над статьёй по любви, а другое — по обязанности. Когда что-то нужно делать из-под неволи, даже нет потребности высказываться. Мы задавлены формальными требованиями: стандартами, проверками, бумажками всякими... Преподаватель поставлен в условия, когда студенты ему только мешают: надо срочно рабочую программу дисциплины писать, а тут ученики на консультацию пришли. Это ужас! Студент лишний, преподаватель тоже лишний. Оба всё понимают. С первым ректором ЧелГУ Семёном Егоровичем Матушкиным у меня было много разногласий. Но он

абсолютно верно подчёркивал: главный человек в вузе студент. К сожалению, сейчас об этом мало кто вспоминает. Хотя именно общение со студентами — единственное, что меня последние лет пять спасает от депрессии. Кстати, на мой взгляд, с нынешним ректором университету очень повезло. По крайней мере, точно знаю, что студенты, когда он был деканом физфака, его очень ценили.

— Вы говорите, что молодёжь, дети воодушевляют. Но их настоящее и будущее вас не страшит?

— Вашу покорную слугу никогда в жизни ничего не страшило. И за молодых не страшно — они очень сильные ребята. Сильнее, чем мы, деятельнее, амбициознее. Смотрю на них с удовольствием.

— Говорят, современный студент более ленив.

— Неправда. Правда в том, что даже самый трудолюбивый студент имеет право на безделье. И курсовые во все времена писали в последнюю неделю или даже в последнюю ночь. Я сама на втором курсе тратила на курсовую неделю, на третьем — три дня до защиты. Вы же понимаете, студент не может не лениться: кроме науки есть ещё любовь, кинематограф, театр, музыка — столько интересного на свете! И молодые не должны себя обделять в этом отношении.

— Они способны сотворить для себя новую иллюзию?

— Они мыслят в других категориях и ценностных системах. Если мы видим свою самореализацию только в профессиональной сфере,

то у них более широкое представление. Они не зациклены на узкой специализации, делают то, что им интересно в данный момент и не боятся ради этого быстро переучиваться. Ещё они ценят свою индивидуальность и не склонны рассчитывать на заботу о себе со стороны других. Моя задача как педагога — объяснить им, что самореализация — высшая ценность. Судя по их жизненным практикам, они сами об этом интуитивно догадываются, но чем раньше они это ещё и осознают, тем лучше.

— Школа (в широком смысле) в основном противопоставляет себя стремлениям молодых?

— К сожалению, да. В советской школе ученики не были лишними, но она всегда боролась с теми из них, кто хотел самореализоваться. Творческих учителей, культивировавших детские способности, было примерно по два человека на педагогический коллектив. Редко, где больше. Мне, впрочем, повезло. К тому же, я училась в середине 60-х годов, когда ещё чувствовалось влияние хрущёвской оттепели. Учителя, находясь во власти иллюзий, с помощью той же школьной прессы создавали нам атмосферу свободы. И мы ради своей школы готовы были убиваться в работе: деревья сажали, спортплощадки делали, окна мыли — чувствовали, что это наше. Мы выпускали газеты, устраивали «огоньки». Домой в 12 ночи приходила — мама ругалась, а папа говорил, что я уже взрослая. Сейчас ведь у детей нет ощущения, что школа это их дом.

— Творческим учителям, которые всегда в меньшинстве, когда было труднее в советское время или сейчас?

— Им всегда плохо на самом деле. Всё зависит от директора. В школе, где я училась, он был либералом: преподавал физкультуру, никуда не вмешивался, давая свободно работать замечательным литераторам, прекрасным историкам. Ещё одна хорошая модель — когда директор осознанно подбирает кадры, создавая для них условия. Но большинство директоров занимаются исключительно отчётами. Им творческие учителя — помеха. Такие педагоги учат детей свободе, а сегодня любое её проявление чревато доносом. Атмосфера за-

пуганности не ведёт к творчеству. А школьные учителя сейчас запуганы ещё больше, чем университетские преподаватели.

— Сказанное вами без всякой натяжки можно назвать экспертным мнением, так как вы доктор педагогических наук. В этом своём качестве занимаетесь проблемой диалога культур. Можно ли личность ребёнка рассматривать как пространство этого диалога?

— Вы наверняка знаете, что развитие плода в утробе матери воспроизводит эволюцию жизни на Земле. Сначала зародыш с жабрами, позвоночником и хвостом. Потом жабры и хвост отпадают и так далее. Есть теория рекапитуляции, согласно которой такая же эволюционная схема актуальна и для форм мышления. То есть кошка умнее двухлетнего ребёнка, но в два с половиной года ребёнок уже умнее кошки. В три года его интеллект сильнее, чем у шимпанзе. Так как осваивает язык, то постепенно переходит к человеческому мышлению, последовательно осваивая все его формы, характерные для каждой из эпох: первобытного мира, античности, средневековья, просвещения. И эти мыслительные формы остаются с человеком на всю жизнь, взаимодействуя между собой.

— Они транслируются через язык?

— И через него тоже. Но в первую очередь через мыслительные способности, определяющие восприятие мира, высказывания и поступки. Можно, например, остаться на уровне средневековья. Но чтобы понять прелесть просветительства, надо отказаться от мистики. А полностью отказаться не всегда получается, даже у просвещённых людей. С тех пор, как у меня появились дети, я стала очень суеверной, начала думать, что не всё в мире зависит от рациональности. Хотя раньше в приметы вообще не верила, и это был такой же этап формирования мышления, как и любой другой. Затем наступает период постнеклассического восприятия, когда понимаешь, что моменты случайности надо предусматривать. Школа диалога культур помогает осознанно реализовывать потенциалы, заложен-

ные у нас в голове, осмысливая их достоинства и недостатки.

— Как принципы этой школы можно применить в практической педагогике?

— Все дети разные. У одного ребёнка уже во втором классе есть элементы постнеклассического мышления, другой пока оперирует категориями первобытности. Важно понимать, как они мыслят, чтобы иметь больше возможностей для развития их мышления. В более старшем возрасте диалог помогает человеку выйти за рамки собственной оболочки и посмотреть на себя со стороны. В школе диалога культур ты не мир познаёшь, используя свои способности, а с помощью окружающего мира познаёшь себя. Самопознание — самое главное, оно позволяет понять, что для тебя важно.

— Когда человек взаимодействует с миром без гаджета в руке, скорость активации общечеловеческого опыта внутри его личности не столь высока.

— Совершенно верно.

— Не нарушают ли информационные технологии хода естественного развития сознания ребёнка? Как ему при этом помочь?

— Просто любить. Когда ребёнок знает, что его любят, сколько бы информации на него ни обрушилось, он всё равно прибежит с ней к маме, папе, бабушке. Потому что они свои, им можно доверять, а в Интернете чёрт знает кто. Но если ребёнок не чувствует любви, он уйдёт в Сеть, и из его неокрепшей психики навьют верёвок. Именно члены семьи или чуткий учитель на своём примере помогут расставить приоритеты, сформировать ориентиры, понять, что полезно, а что вредно. А ещё раньше была такая мощная штука, как коллектив. В хорошем коллективе каждый расцветал, как цветок, потому что чувствовал, что коллектив его ценит и уважает. Сегодня тимбилдинг есть, а коллектива нет. Тимбилдинг — структура неформальная, а коллектив чётко организован, и в нём, действительно, можно создать условия для культивирования каждой личности. В тимбилдинге человек средство, а в коллективе — цель. Важно, чтобы в нашу эпоху интересы человека стали целью и смыслом.

Анатолий Борисович, расскажите, пожалуйста, когда сформировался ваш интерес к философии, с какими событиями и людьми это было связано?

— Мой интерес к философии появился ещё в школе, сразу, как я о ней услышал из уст учителя. Помню, это был разговор о философии Гегеля. Как бы сейчас сказал, я уловил тогда значимость для бытия человека силы абстракции. Как позже вычитал у Ницше, абстракция — это чудовищное по силе выдвигание на первый план какой-либо стороны предмета, она собирает человека воедино во имя самых разнообразных целей, она — механизм отвлечения от одного предметного многообразия мира и сосредоточения на другом. Когда мне удалось профессионально овладеть предметом размышления, я понял, что речь в целом идёт о диалектике абстрактного и конкретного, что мы по жизни только тем и заняты, что движемся между этими важнейшими полюсами нашего бытия. Вообще, это тема особого интереснейшего профессионального разговора.

— Помните свои первые месяцы работы в Челябинском государственном университете? Что больше всего впечатлило?

— Я начал работать в ЧелГУ в сентябре 1983 года. Тогда нашей кафедрой заведовал Ким Николаевич Суханов, философ, что называется, Божьей милостью. Он принимал меня на работу, и под его руководством я трудился многие годы. Всё это время нам на кафедре удавалось сохранять творческий дух действительного увлечённого философствования. Некоторое время я исполнял обязанности редактора нашей газеты «Челябинский

А. Б. Невелев: Студенческая пора — время философского созидания новых миров

Подготовила
Виктория Котова

О светском понимании духа, где сосредоточивается всё святое для нас, размышляет доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета Анатолий Борисович Невелев.

университет» и приобщился к стратегическим задачам становления ещё молодого вуза. Со мной регулярно беседовали ректор Семён Егорович Матушкин и проректоры. От редколлегии газеты они требовали аналитических вдумчивых публикаций в русле образовательной политики, направленной чаще всего на поддержание строительства университета, формирование научных школ на его факультетах, на освещение научных достижений наших учёных. Редколлегия у меня была боевая, заводная. Пытался тогда выполнить двуединую задачу. С одной стороны, остаться в русле «официоза», но, с другой — дать выплеснуться задору своей юной редакцией. Не всегда это удавалось, получал «на орехи» от начальства, но случались и достижения. Сказать честно, последнее слово в моих окончательных решениях по публикациям имела именно редколлегия. Перестроечное время было и для нас периодом «бури и натиска». К значимым этапам своей работы в родном университете отнёс бы 1985 год — защита кандидатской диссертации и 1998-й — год защиты докторской. Обе работы выполнены под руководством профессора Владимира Ильича Плотникова в Уральском государственном университете имени А. М. Горького. Работа под его виртуозным научным руководством — счастливейшее время научной карьеры.

— Тема вашей докторской диссертации — «Дух и мыслительные формы в контексте становления человеческой индивидуальности». Обосновывая актуальность этой темы, вы отмечали, что мыслительная форма объединяет уникальный жизненный опыт конкретного человека с его универсальностью (мировоззрением, которое становится понятным другим людям). Скажите, пожалуйста, что в вашей концепции определяется понятием «дух» (душа, ценности, стремления или что-то ещё)? Насколько достижима сегодня универсальность, цельное мировоззрение как условие взаимопонимания между людьми? Запрос на плюрализм, который вы фиксировали в 1998 году, стал ещё более выражен и в меньшей степени связан с общественно-политическими процессами или это не так?

— Вопрос о природе духа является коренным. Я придерживаюсь светского его понимания. Религиозное понимание выходит за рамки рационального постижения, а философия предполагает опору на мысль, на разум. Не исключаю, что философское понимание духа есть подготовка к его религиозному пониманию и что философия играет посредническую роль между предметно ориентированной наукой и энергийно ориентированной религией. Считаю, что для ответа на этот вопрос и нужно светское философское рассмотрение духа. В качестве предпосылки такого рассмотрения выступает предметно-энергийная структура бытия человека. Зачастую при рассмотрении структуры бытия, особенно в материалистических философских концепциях, ограничиваются предметной структурой (вещь, свойство, отношение). Но если вспомним точку зрения Аристотеля, он среди четырёх причин предмета упоминает ответ на вопрос «что движет?». Это намёк на энергийную компоненту. Дух как раз и относится к энергийной компоненте бытия и может быть истолкован во вполне светском подходе. В философии, особенно в марксистской, принято начинать с основного вопроса философии, в котором противостоят друг другу материальное бытие и идеальное бытие, и предполагается ответ об их первичности. Идеализм первичным считает идею, идеальное бытие, материализм — материю, материальное бытие. Между тем, считаю, что можно и нужно идти дальше, чтобы вскрыть самое интересное. Нужно довести противопоставление материального и идеального бытия до противопоставления, демаркации предметного и энергийного бытия. Материальное и идеальное бытие — это предметное бытие, что их объединяет, а не только противопоставляет. Критерий противопоставления на материальное и идеальное бытие не столь универсален, как критерий противопоставления на предметное и энергийное бытие. В первом случае критерием является чувственная данность или не данность бытия. Но в том то и дело, что сама данность сохраняется, меняется только форма данности. Если бы идеальное каким-то образом не было нам дано, то мы бы не знали о его существовании. Идеальное

нам дано через символ или знак (слово), оно по-своему предметно, как и материальное, данное посредством орудия, вооружающего наши чувства. Различие только в характере данности. В таком случае, источник демаркации, разделения надо искать в другом:

Анатолий Борисович Невелев — доктор философских наук, профессор. Преподаёт дисциплины: «Теория и практика аргументации», «Методы философского познания», «Философское основание стратегического проектирования социальных процессов», «Бытие человека: диалектика предметности и энергийности», «Научно-исследовательская работа». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Руководитель научного направления «Бытие человека: единство предметности и энергийности».

в культурном средстве, которое и обеспечивает эту данность. Поскольку средство объединяет материальное и идеальное в качестве предметного бытия, то надо найти такое средство, которое, оставаясь средством, выводило бы бытие за рамки предметности, в сферу не-предметности. Поскольку дух не-предметен, мы, тем самым, светским образом попадали бы в сферу духа. Дух выступает при этом бытием предмета. Правда, дух несёт в себе неистребимый предметно материальный остаток — языковую частицу «не» (безотносительное «не» Гегеля, «нетость» Хайдеггера) и по существу никогда от неё не может избавиться. Дух начинается с «не», которая является абстракцией от всего, но поэтому и может быть всем. «Кто был ничем, тот станет всем». Дух как непредметное бытие человека полон деятельной способности, то есть энергийности. В духе на первый план выходит энергийный дублёр предметности бытия, который, как правило, не замечается до тех пор, пока «грубая, зримая» предметность не сошла на нет. Например, «чёрный квадрат» Малевича как символ сводит на нет любую внутреннюю различимость пред-

метного мира. На дух невозможно выйти напрямую, как невозможно увидеть что-то в слепящем свете, нужно найти окольный путь. Таким путём является выстраивание «вертикального восхождения» по предметной структуре бытия в ходе которого глаза человека поворачиваются наконец «зрачками внутрь» и человек открывает в себе дух как абсолютную деятельную способность, энергийность. Предметная структура бытия задаётся культурным средством, его внутренней дифференциацией на орудия, символы, знаки и предельные знаки (универсалии). В непредметный мир мы восходим путём «исчезающей предметности» (Ясперс) этих средств, имея на вершине уже рассмотренное нами «не». Появляется возможность светски различить душу и дух. Человек идентичен духу, когда он идентичен энергийности

«безотносительного не» (Гегель). Человек идентичен душе, когда он идентичен всем другим предметностям своего бытия на трёх предыдущих уровнях. Душа — это любовь (энергийность) к предметно определённом миру, в душе доминирует то, ЧТО мы любим, в духе доминирует то, что мы ЛЮБИМ (энергийность как таковая, предметно не определённая). Считаю, что есть обратное отношение (зависимость, закономерность) между предметностью и энергийностью бытия человека: чем больше предметная определённость бытия, тем меньше его энергийность и наоборот, чем больше, сильнее энергийность бытия человека, тем неопределённое, слабее его предметность. Отсюда вытекает особая функция философии в отличие от науки и религии. Задача философии в светском мире — держать

демаркацию предметности (души) и энергийности (духа). Науке эта задача не по силам из-за её преимущественной предметности, религии эта задача не по силам из-за её преимущественной энергийности.

— **В философии распространено восприятие эволюции мира как процесса его постоянного усложнения и одновременно с этим — многократного повторения человеческих практик, которые (как вы со ссылкой на В. И. Ленина сказали в одном из интервью) закрепляются фигурами культуры. Актуален ли этот взгляд для современной ситуации: её часто характеризуют как антикультурную, основанную на сломе старых парадигм? Нет ли ощущения, что вектор усложнения мира сместили тенденции, направленные на то, чтобы сделать его более**

примитивным, вульгарно прагматичным, что сводит на нет «энергию любви»?

— Как я пытался это показать в предыдущем ответе, энергийность любви как таковой — это энергийность духа, сферы всего святого для нас. В светском мире, думаю, дух — это тоже сфера святого. Для времени, которое мы переживаем, характерно то, что в сферу святого всё больше входит свободная человеческая индивидуальность, раньше она была подчинена, скорее, родовому началу народа, государства. Мы имеем дело нынче с колоссальным массовым выплеском желаний каждого заявить: «Я есть», «я тоже есть». Форма этого выплеска не важна, она произвольна, она — произвол свободного индивидуального субъекта. Очень часто самопроявления индивидов

приобретают глупейшую, разрушительную, вопиюще вызывающую, провоцирующую форму. Я называю это периодом отрицания как начала новой эпохи. Индивид зачастую заявляет себя деструктивно, отрицательно. Родовое даже может затеряться в многообразии индивидуального, но оно неистребимо. Это ярко проявляется в отношении людей, например, к антиковидным мерам правительства. Самозащита рода рано или поздно берёт верх над произволом индивидов. Рассмотренная нами «не предметность» проявляется в хаосе, однако сам хаос несёт в себе энергийность самоотрицания, а отрицание отрицания есть утверждение, положительность. Родовое жизнеутверждающее начало, дух обязательно возьмёт верх над произволом индивидуального бытия души.

— **Какие актуальные тенденции в сфере науки, общественных процессов, культуры в целом вызывают Ваш интерес как учёного?**

— Меня живо интересуют процессы, которых мы коснулись в предыдущем вопросе. Общественное знание испытывает явный дефицит концептуально синтезирующих историю идей. Философия пока не решает своей главной задачи, предельного осмысления мироздания. Мы часто уходим в мелочи, тащимся за «ползучим эмпиризмом» науки, демонстрируем чрезмерный пиетет перед обобщающими идеями самого примитивного уровня. Мой интерес в этой связи сосредоточен на том, что в общих чертах уже звучало в нашей беседе, это онтологическая проблема предметного структурирования бытия. И в этом деле не обойтись теми научными картинками мира, которые нам в изобилии поставляют естествознание, руководствуясь предметно зависимыми критериями. Впрочем, и естествознание в свете философского истолкования, становится чрезвычайно интересным материалом для обобщения. Например, захватывающе интересны гипотезы современной космогонии, астрофизики, проблема экзопланет и т. д. и т. п.

— **Расскажите, пожалуйста, о своих учениках.**

— Мои ученики сотрудничают в рамках моей научной школы «Бытие человека: диалектика предметности и энергийности» и за её пределами. Работают в вузах с обширной

географией. С некоторыми имеем тесное творческое общение. Среди них доктора философских наук, кандидаты философских наук с самыми разнообразными интересами. Непосредственно на кафедре философии в нашем университете работает моя ученица, доктор наук и мой ученик кандидат наук. В вузах Челябинска также преподают мои ученики доктора и кандидаты. Работают интересно и вполне плодотворно.

— **На ваш взгляд, что изучение философии даёт студенту? Не мешает ли восприятию философии молодость, отсутствие жизненного опыта? Не препятствует ли этому восприятию прагматичность современных молодых людей?**

— Как и любая другая сфера профессиональной деятельности, философия предполагает особую одарённость. В случае с философией эта одарённость проявляется во вкусе к абстракции. Философ удерживает в сфере своего внимания идеального дублёра многообразной чувственно предметной жизни, понимая, что этот дублёр порой решающим образом влияет на мировосприятие, является «призмой», через которую человек видит мир. Людей с такой философской одарённостью немного, но очень хорошо, что и они теперь могут получить профессиональное развитие своих задатков через обучение в нашей группе бакалавров — философов ЧелГУ, а затем и магистрантов с особой философской специализацией. Студенты, которые не специализируются в области философии, зачастую находят среди предлагаемых ею историко-философских моделей мироотношения ту модель, которая оказывается наиболее близка им по духу. Даже отрицание философии само оказывается формой философствования, и, конечно, лучше знать ту форму философствования, которой ты придерживаешься, пусть и стихийно, нежели наивно полагать, что над тобой не властвует ни одна философская идея. Впрочем, энергийный запал молодости может породить через отрицание и то, чего раньше не было в предметном мире. Поэтому студенческая пора — это и время практически обновляющей мир философской дерзости, время философского созидания новых миров.

Однажды довелось услышать: те, кто выбирает для изучения английский и немецкий языки, — прагматики. Приверженцы французского — утончённые натуры...

— Знаете, девчонки нашего выпускного класса влюбились в практиканта по французскому языку. Он пел великолепно на французском, читал Поля Верлена, был таким одухотворённым, что все 14 девочек, в том числе я, поступили на французское отделение. В самом деле — это язык романтики и поэзии, очень красивый и успокаивающий.

— Мироощущение, которое в нём заложено, помогает?

— Конечно! Французская ментальность учит людей жить со вкусом, воспринимать окружающее позитивно, радостно, умиротворённо. Это позволяет с чем-то смириться, с чем-то справиться.

— Говоря на другом языке, мы видим реальность так же, как его носитель?

— Меня когда-то отправили в один из вузов принимать государственные экзамены. Была поражена тому, как задерживалась комиссия, студенты опаздывали, отвечали плохо, нечётко. И всё это закончилось на предмете «Немецкий язык»: все специалисты — не немцы по национальности — пришли вовремя, все студенты были готовы. Они отвечали гораздо лучше, чем, например, на экзамене по английскому или педагогике. И тогда я поняла, что теория лингвистической относительности жива! Гипотеза лингвистической относительности предполагает, что структура языка влияет на мировосприятие и воззрения его носителей, а также на их когнитивные процессы. Вот она — на практике реализована: передо

Л. А. Нефёдова: Наш факультет — демократичная среда, где студентам помогают интеллектуально расти

Подготовила
Виктория Котова

Почему даже отчисленные студенты благодарят за науку учиться? Чем отличается коллектив, где получают элитное образование? Об этом, а также о душе языка, скрытых смыслах в высказываниях и художественных текстах говорим с деканом факультета лингвистики и перевода ЧелГУ Лилией Амирянной Нефёдовой.

мной были совершенно по-другому организованные студенты, те, кого до этого я узнала как разгильдяев.

— Где это заложено: в интонации, звучании слов?

— Гумбольдт говорил про душу и дух языка. Они, я думаю, проникают в человека. Смотрю на своих студентов: какие они толерантные, глубокие, увлечённые. Сквозь призму нескольких культур приходят организованность, глубина восприятия, способность видеть мир другими глазами, многоплановость.

— По поводу темы своей кандидатской вы однажды сказали, что она посвящена поиску смысла, который не выражен формально. Так бывает?

— Полное название моей работы — «Эллипсис в акте коммуникации на материале сценариев французских художественных фильмов». Мною проанализировано около десяти выдающихся французских кинокартин, в частности, «Хиросима — моя любовь». В таком кино много недомолвок: просто взгляд, а в подтексте — глубокий смысл. Как раз в 70-х годах, когда поступила в аспирантуру, был расцвет лингвистики текста. Нам читал лекции Илья Романович Гальперин — один из авторов первых в стране учебников по этому направлению. Анализируются уже не предложения, не сверхфразовые единства, а текст в целом. Нам внушали, что в тексте многое скрыто внутри, выражено подспудно. А французские исследователи занимались этим уже много лет. На материале тонких, элегантных французских киносценариев я пыталась ответить на вопрос: что же там спрятано и прямо не сказано? Самое талантливое художественное произведение — это то, которое не закончено. Читателю нужно дальше думать, домысливать, переживать вместе с автором. Вот это в своей кандидатской диссертации я попыталась найти и досказать. И это чувство подтекста идёт со мной всю жизнь. И докторская диссертация, и направление, которым я занимаюсь, — когнитивная лингвистика — всё связано с подтекстом.

— Насколько подтексты, скрытые смыслы интернациональны?

— Когда начала писать докторскую на материале французских текстов и их переводов на русский

Лилия Амирянна Нефёдова в 1983 году защитила кандидатскую диссертацию, в 1997 году поступила на работу в Челябинский государственный университет. В 2001 году — защита докторской диссертации. В 2002 году избрана деканом факультета лингвистики и перевода ЧелГУ. В 2008 году признана лауреатом всероссийского конкурса на лучшую научную книгу. В 2012 году присвоено звание заслуженного работника высшего образования РФ. В 2013 году факультет возглавил региональный учебно-методический центр по образованию в области лингвистики по УрФО.

язык, выстроила типологию: что понимают французы в подтексте и что нужно показать в переводе, иначе нам, русскоговорящим, этот подтекст не будет понятен. Разная ментальность, разные языковые картины мира.

— В итоге возникает ощущение, что говорим на одном языке, но всё равно не понимаем друг друга?

— Директор института языкознания РАН Андрей Кибрик говорит, что когнитивная лингвистика — сфера невысказанного. Каждый вкладывает определённый смысл в зависимости от своего опыта. Например, что такое авокадо, какой у него вкус? Пока его не попробовали, для вас это пустой звук. Французы в классической литературе пишут об авокадо. Делят из него всевозможные коктейли, нарезают его мелко, поливают лимонным соком, добавляют чеснок, едят с устрицами. Воспитанная на французской литературе, просто мечтала попробовать авокадо. И когда в 1978 году приехала во Францию, первым делом покупаю этот фрукт. Но я не знала, как его выбирать. Купила «дубовое», пыталась очистить, укусить. Ничего не получила, кроме мерзкого вкуса. Потом дама, которая руководила нашей стажировкой, приглашает нас в гости, подаёт всевозможные закуски и кремы на основе авокадо. Это просто гимн вкуса! И я поняла, что нужен личный опыт, чтобы понять действительность тоньше и глубже.

— Но опыт у жителей разных стран отличается.

— С тех пор, как я защитила кандидатскую (прошло 40 лет), мир стал глобальным. Занавес сброшен, наша идентичность начала размываться. Мы всё больше погружаемся в среду, где у нас с нашими собеседниками из разных языковых культур больше точек соприкосновения. Мы становимся очень похожими, и нам легче достигать общего восприятия текста. Но знаете, чему я поразились? Видимо, с возрастом мы всё же меняемся. Начала перечитывать обожаемую мной Франсуазу Саган — «Немного солнца в холодной воде» на французском языке — и не получила того удовольствия, которое испытывала раньше. Прочитала текст в переводе на русский, и он мне абсолютно не понравился: какая-то тяготица, заумные разглагольствования... Сейчас, со своим клиповым сознанием

и быстрым темпом жизни, уже не можем так любоваться словом и останавливаться на подробных описаниях в шесть-восемь страниц как раньше.

— Что произошло? Подтексты не воспринимаются? Почему?

— Не хочется, наверное, напрягаться и этот подтекст расшифровывать. Прочитали, не поняли — раздражённо побежали дальше. Не позволяем себе, как несколько лет назад, перечитывать страницу за страницей и докапываться до смысла.

— А душа, утончённость?

— Видимо, стираются эти смыслы. Жизнь, обыденность меняют нас. Но когда приезжаем в ту же Францию и разговариваем с профессорами, понимаем: они занимаются немного другим. Они должны написать две хорошие статьи за год, полезное пособие для студентов. У них всего шесть часов лекций в неделю. Они их постепенно дополняют чем-то новым, шлифуют. А мы постоянно пишем, пишем, пишем, заявки на гранты подаём... Всё это приводит к тому, что на утончённость времени не остаётся. Мы просто загнанные лошади.

— А французы остаются верны себе.

— Да. И поляки, и немцы.

— Есть примеры, которые показывают: у носителей мировых языков и не только тяга к идентичности, её сохранению по-прежнему очень сильна, несмотря на процессы глобализации. Для нас, воспитанников русской языковой культуры, это характерно?

— Думаю, мы благодаря своему великому и могучему языку имеем очень содержательную, глубокую картину мира. Но мы постоянно куда-то спешим и что-то не доделываем. В этом и заключается наша беда. Лучше иногда рискнуть не успеть, но сделать качественно.

— На вашем факультете торжествует перфекционизм?

— Да, вокруг меня команда отличников: друзья, коллеги, помощники. Качество — самое главное. Для абитуриентов у нас даже на платное отделение проходной балл — 240. Достаточно высокий. К нам идут сильные ученики, для них качество обучения очень значимо, поэтому стараемся держать планку. Приятно, что наши ребята стремятся поступить в магистратуры столичных вузов и по результатам экзаменов попадают в десятки лучших. И куда бы ни приехала, коллеги при встрече говорят: «Ваши девочки и парни из Челябинского государственного университета — наша гордость». Конечно, очень

приятно. С олимпиад также привозим награды.

— В условиях, где важно не столько качество, сколько количество, как вы удерживаете высокую планку?

— У нас нет выбора. На факультет по всем направлениям (аспирантура, магистратура, специалитет, бакалавриат) каждый год поступает 150–170 человек. В прошлом году было 216. Вынуждены делать очень большие группы — по 20–24 человека. Для факультета нашей специфики это очень много! Конечно, тяжело. Но наши преподаватели выдерживают этот темп и предъявляют высокие требования к ребятам. Студенты в целом справляются, но процентов 10–12 идут на отчисление. Очень жаль. Но мы пытаемся этому противостоять и несколько лет назад поменяли парадигму. У нас всегда сильные преподаватели работали с сильными группами. Теперь наоборот — изначально не совсем хорошо подготовленных в школе ребят вытаскиваем на новый уровень. К окончанию младших курсов их удаётся подтянуть до остальных.

— По поводу новой парадигмы вам могут возразить: это же не школа, а вуз. Абитуриенты знали, куда шли. Зачем это?

— Чаще всего приходят дети,

влюблённые в иностранный язык. Глядя на их горящие глаза и желание учиться, мы решились на такой шаг. В основном это выпускники школ из городов и районов области — очень большая часть наших студентов. Некоторым не повезло с преподаванием. Кто-то изучал язык сам — фанатики без возможностей поработать с репетитором или пойти в языковую школу.

— Как вы определяете, влюблён ребёнок в иностранный язык или нет?

— Мы проводим очень много олимпиад. «Лингвомир» объединяет детей с четвёртого по седьмой классы. «Лингвистическая евразийская олимпиада» — с седьмого по одиннадцатый. Региональный конкурс «Иностранные языки» предназначен для школьников с девятого по одиннадцатый классы. Наблюдаем за детьми, которые постоянно с нами: посещают олимпиады, участвуют в конкурсах, присутствуют на днях открытых дверей. Очень часто такие увлечённые ребята поступают к нам. И становится ясно, что в языке они пока не сильные, но такие преданные дети — наши активисты. Мы их вытаскиваем на должный уровень знания языка. Бывают случаи, что кратковременная память плоховата, запомнить какие-то моменты не могут, не понимают. С такими ребятами мы разговариваем, советуем пойти на другой факультет. Но никогда их не бросаем, не выгоняем, всегда пристраиваем. Они всё равно наши, потом приходят и благодарят за напутствия.

— Абитуриенты чего ждут от факультета: навыков общения, расширения возможностей для карьеры?

— Спрос на знание иностранного языка в нашей стране постоянно высок. Особенно сейчас, когда у людей появилось больше возможностей ездить по миру. Часто родители, не владеющие иностранным, но проявляющие к нему интерес, реализуют свои стремления в детях. Иногда приходят абитуриенты, которые не понимают, что поступают на факультет, где есть теория и практика. Думают, что пришли на языковые курсы. Им важно объяснить, что это не так. Факультет лингвистики и перевода — один из самых сложных, здесь нужно работать практически

24 часа в сутки. Так всегда было: сама, когда заканчивала институт, порадовалась, что перед экзаменами мои знакомые с других факультетов отдыхают на пляже, а мне ещё несколько сотен страниц индивидуального чтения нужно осилить, законспектировать, выписать ключевые слова и передать преподавателю.

— Знание иностранного языка по-прежнему является социальным лифтом?

— Да. Постоянно говорю абитуриентам и их родителям: «Вы поступаете на элитный факультет». Они слегка вздрагивают. И я объясняю: к нам приходят очень порядочные дети, которые за годы обучения интеллектуально вырастают. У нас демократичные отношения между преподавателями и студентами. Вы попадаете в среду, где к вам относятся уважительно, помогают исправить какие-то недостатки. Наши студентов и выпускников охотно берут на работу во многие организации не только в Челябинске, но и за пределами области. Присылают им дела аудиовизуального перевода иностранные фильмы и мультфильмы — видимо, мы как-то качественно себя зарекомендовали. После окончания факультета у ребят есть возможность хорошо трудоустроиться, найти себя. В учебном процессе мы ориентируемся непосредственно на работодателей, представители которых работают на факультете, в том числе в нашей Государственной экзаменационной комиссии.

— Google-переводчик — конкурент знатоку иностранного языка?

— Скорее, поле деятельности. Мы даём ребятам всевозможные CAT и CAI-технологии, так называемые «кошки» — навыки работы с техническими средствами перевода. К сожалению, это недёшево. Но мы идём на то, чтобы быть площадкой для обкатки подобных систем, которые нам дают тестировать. Без глубокого понимания сути технических процессов (в том числе, Google-переводчика) тебя как специалиста не возьмут ни в одну серьёзную организацию. Начали этим заниматься лет десять назад и не прогадали. И то, что эти проблемы у нас изучают молодые, технически подкованные кандидаты

наук, добавляет престижа нашему факультету.

— Вы руководите факультетом 20 лет. Рассказывают, что с вашим приходом работа стала системной, появился тот самый перфекционизм. Насколько этот процесс был безболезненным, учитывая, что преподаватели представляют разные школы, у каждого свой подход к делу, свои взгляды?

— Люблю, когда приходят новые люди. Они, по счастливому стечению обстоятельств, всегда такие глубокие, интересные! Мы работаем командой, но всегда нужен свежий взгляд. Очень ценю людей, которые критикуют, не соглашались, предлагают что-то поменять. Всегда прислушиваюсь и поддерживаю неравнодушных. Года два назад мы пригласили профессора, доктора наук из педагогического университета прийти к нам почитать курсы. И она сказала: «Я в восторге от того, как вы работаете. Какие у вас занятия, какие дети! Какие вы даёте темы для написания курсовых и выпускных квалификационных работ!» Наши студенты её так же оценили. Она чёткая, организованная, с прекрасным чувством языка и хорошим научным бэкграундом, предлагает свои идеи. В итоге перешла к нам на постоянную работу. Вот такие люди к нам приходят. Наши блестящие выпускники, состоявшиеся профессионалы, с удовольствием приходят читать новые курсы. Ведут практику по синхронному переводу, знакомят со спецификой академического письма. И я тоже всегда с удовольствием иду на мой любимый факультет. Поливаю цветы в коридоре, открываю ребятам с утра аудитории, общаюсь с ними и с преподавателями. Когда меня в апреле месяц не было, то по возвращении очень удивилась: студенты говорили, что они соскучились. «Мы осиротели без вас», — сказали они мне. И я расплакалась.

— Кто направлял вас по жизни?

— У меня замечательные родители, оба фронтовики. Мама — снайпер, папа — разведчик. Они оба прошли войну, ценили жизнь. Мы — поздние дети, родились, когда маме с папой было за тридцать. Очень порядочная семья! Папа работал на Соколовско-Сарбайском горно-обогатительном комбинате, у него

Участники международной конференции «Слово, высказывание, текст»

была высокая зарплата. С детства перед глазами: папа приносит зарплату. Достает купюры и говорит маме: это вот бабушке с дедушкой, это сестре, это моему брату, который лежит в больнице, это твоему брату, у которого маленький ребёнок. От 1000 рублей оставалось 200–300, и отец говорил: «Ну, нам же хватит?». И мама всегда соглашалась и тоже помогала людям. Мама — абсолютно бесконфликтный человек, ей сейчас 97 лет, и она ни разу в жизни ни с кем не поссорилась. И нас как-то так воспитывали всегда. Возможно, мы слишком наивными выросли, мягкотелыми и уступчивыми. Но как-то Господь так ведёт по жизни, что мы в основном встречаемся с добрыми и порядочными людьми. Да и жизнь нас не испытывает особо суровыми трудностями. С другой стороны, не могу сказать, что у меня всё очень гладко: всегда есть какие-то проблемы, которые нужно преодолевать.

— Как вы пришли в науку?

— Мне очень повезло. Поступила в аспирантуру Московского государственного института иностранных языков имени Мориса Тереза к Зое Ильиничне Хованской, очень глубокому учёному и принципиальному человеку. Когда пыталась к ней поступить, она сказала: «Что вы! Люди ко мне по семь лет стоят в очереди, чтобы я стала их научным руководителем». Но... дала тему и предложила написать реферат. Писала целое лето, сдала

ей на проверку, пошла на экзамен. В тот день экзамен сдавали двое — преподаватель этого вуза и я. Отвечаю на все вопросы большей комиссии, сама Зоя Ильинична не задала ни единого вопроса, слушала внимательно. В комиссии — единственный мужчина, Г. П. Алексеев, заведующий кафедрой французского языка. Его спрашивают: «У вас будут вопросы?» Он отвечает: «Да, у меня единственный вопрос: когда мы прекратим издеваться над человеком?». Все засмеялись. И тут Зоя Ильинична сказала: «Я вам не задала ни одного вопроса и внимательно слушала все два часа. Но я вас беру к себе, мне понравились ваши ответы и ваш реферат очень понравился. Боец!» Первую мою статью, которую принесла ей, радостная, на проверку, она отдала мне полностью перечёркнутой со словами: «Почему я должна продирааться сквозь дебри плохо выраженных мыслей? Почему вы принесли научному руководителю плохо пропечённый блин?» Начала переписывать, переделывать, достала всех в общезнании. Мне делали замечания, я их учитывала. Примерно через месяц пришла к Зое Ильиничне снова с готовой статьёй. Она прочла, сказала: «Как? Ко мне пять раз приходят, прежде чем дойти до такого уровня! Вы очень упорная и настойчивая девушка. Хорошо, рекомендую статью к публикации в сборнике». В дальнейшем тщательно работала над каждым текстом, и Зоя Ильинична мне больше статьи не возвраща-

ла. На защите моей кандидатской диссертации очень хвалил нас с Зоей Ильиничной за оригинальность подхода и тщательность выполнения работы. Когда писала докторскую диссертацию, Зоя Ильинична, к сожалению, умерла. Её памяти посвящена моя работа. Один из оппонентов отметил, что поразило тому, как сложные вещи выражены просто и доходчиво. И я про себя сказала: «Спасибо вам, дорогая Зоя Ильинична!». Это она научила меня так работать со словом.

— Какое из научных направлений для вас актуально именно сейчас?

— Мои аспиранты сейчас в основном пишут диссертации по переводу. Мы на факультете очень погружены в этот процесс. Идём в русле именно когнитивного направления в переводоведении. Пытаемся объяснить, почему переводим так, а не иначе. Почему человеку, который переводит текст, нужно выразить мысль определённым образом в разных видах перевода. Очень этим увлечены! Ежегодно проходит конкурс лучших выпускных квалификационных работ по переводу на платформе «Дидактика перевода». Уже в четвёртый раз он будет проводиться. Когда организаторы проводили его впервые, мы отправили пять-шесть работ, и какое же было наше удивление, когда практически все из них заняли призовые места. Помню, приехала получать в награду попугайчиков (символ конкурса: когда-то у переводчиков было клеймо в виде попугая, показывающее принадлежность к этой профессии). МГУ взял одно призовое место, у Московского государственного лингвистического университета — одно, у СПбГУ — одно, а из наших шести работ первые места заняли аж четыре! На второй, третий год вновь отмечают наши работы. К нам подошли работодатели, восхитились тем, как точно мы подбираем темы — «не в бровь, а в глаз, и поразительно, как студенты глубоко раскрывают темы и точно отвечают на поставленные вопросы». Думаю, в студентах наше продолжение. Ребята у нас просто замечательные! Недавно наш студент вернулся из Санкт-Петербурга (защитил там конкурсную работу). Сказал, что его приглашают в аспирантуру три разных вуза. Мы гордимся нашими выпускниками!

Клуб «Что? Где? Когда?». Возглавляла клуб Л. А. Профис

А. И. Лазарев и А. А. Голиков на смотре художественной самодеятельности

Н

аталья Сергеевна, как вы выбрали профессию лингвиста?

— В 1994-м я окончила языковую гимназию № 93 и мечтала стать переводчиком. То есть человеком, который умеет устанавливать как межличностные, так и межгосударственные отношения на профессиональном уровне. И именно в этом году в Челябинском государственном университете открылся факультет лингвистики и перевода. Выбрала этот факультет и, скажу честно, ни разу не пожалела.

— Кто из наставников на вас повлиял?

— У истока факультета стояли замечательные люди! Первый декан — Владлен Яковлевич Михайлов. У нас преподавали ведущие специалисты по английскому языку: Александр Дмитриевич Щербов, заведующий кафедрой английского языка Светлана Анатольевна Питина. Языковые дисциплины вели Юлия Вахтанговна Мамонова, Оксана Валентиновна Сулова, Ирина Валерьевна Степанова. Они и сейчас вдохновенно продолжают прививать студентам любовь к английскому языку. Чуть позже на факультет пришла Лилия Амиряновна Нефёдова — действующий декан. Именно её научное видение языка, проблем лингвистики повлияли на мой выбор будущей профессии. Скажем так, я немного сместила своё внимание с перевода на науку как таковую. В результате, окончив в 99-м году вуз, поступила в аспирантуру. В 2002 году под руководством профессора Елены Николаевны Азначеевой защитила кандидатскую диссертацию.

— В числе ваших дисциплин — математические методы в лингвистике. Какая связь между языком и математикой?

**Н. С. Олизько:
Текст — это мозаика,
где из хаоса
отдельных идей
появляется строгое
и гармоничное целое**

Подготовила
Полина Захарова

С профессором, заведующей кафедрой английского языка Натальей Сергеевной Олизько говорим о том, что такое интертекст, как он объединяет людей и почему мультфильмы нужно смотреть вместе с ребёнком.

— Язык по большому счёту — это система знаков. Как говорил Фердинанд де Соссюр, это система чистых отношений. Математические конструкции — тоже система чистых отношений, и именно поэтому мы можем применять математическую логику, теорию алгоритмов и формальные методы для исследования языковых единиц различного уровня, начиная от фонемы и заканчивая текстом и даже гипертекстом. Проблемы машинного перевода и искусственного интеллекта — это те направления, где необходим союз математики и лингвистики.

— **Получается, вы лучше других чувствуете грань между логикой и душой языка?**

— Наверное, какой-то чёткой, строго обозначенной границы нет. Язык — это совокупность структур, которые, взаимодействуя между собой, рождают мысли — душевные порывы. В художественном произведении они выводят нас

Наталья Сергеевна Олизько в 2002 году защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса». В 2009 году защитила докторскую диссертацию по теме «Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе». Является членом объединённого диссертационного совета Д999.233.02 на базе Челябинского государственного университета, Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), членом редколлегии научного журнала «Вестник Челябинского государственного университета», членом Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. В 2019 году удостоена почётной грамоты Министерства образования и науки Челябинской области. Руководитель гранта РФФИ–Урал «Медийная репрезентация социальных проблем городской среды: конструирование систем значений» (2020–2021).

на совершенно новый, иной уровень восприятия действительности. Они же позволяют считывать личность человека через его речь во всей её полноте и многогранности. По большому счёту язык — совокупность букв. Из букв складываются слова, из слов — предложения. При этом взаимодействие одних и тех же лексических единиц каждый раз способно породить совершенно новые образы, мысли, идеи.

— **Значительная часть ваших исследований связана с интертек-**

стом. О чём идёт речь?

— Любой текст — научный, публицистический, художественный — представляет собой мозаику цитат и аллюзий. Например, постмодернистское художественное произведение может быть прочитано как фрагмент одной нескончаемой книги, как совокупность цитат из бесконечного текста культуры. Другими словами, интертекстуальность выступает системообразующей категорией, которая позволяет отрегулировать взаимодействие составляющих текст элементов. Благодаря этому из хаоса отдельных идей появляется строгое и гармоничное целое.

— **И в этом целом каждый видит цитату, значимую только для себя. Разве людям от этого не сложнее понять друг друга?**

— Безусловно, если рассматривать интертекст исключительно как текст в тексте, как повторение одного и того же, можем предположить наличие такого риска. В этом

случае не происходит приращения нового, индивидуального смысла в каждом конкретном художественном произведении. Но на самом деле так не бывает: цитаты, аллюзии, упоминания, взятые из одного источника и помещённые в новое окружение, в новый контекст, начинают играть совершенно новыми красками. Появляются новые смыслы, новые символы, и очень многое зависит от читателя. Если читатель не обладает достаточными фоновыми знаниями, чтобы увидеть и распознать эти намёки, отсылки, текст будет прочитан поверхностно

и всей глубины, которая заложена автором, читатель не увидит. Если же есть кругозор, начитанность и, самое главное, желание понять, что же автор всё-таки хочет донести, текст получает новое развитие, новую жизнь, новое наполнение.

— **То, о чём вы говорите, вне художественного поля, в повседневном общении актуально?**

— И в повседневном общении, и в публицистике, и в научном дискурсе цитаты, аллюзии и квазичитаты присутствуют как средство художественной выразительности, как возможность передать мысль ярким неординарным способом. Вся наша жизнь наполнена цитатами, и весь наш мир — это большой интертекст.

— **Новый, объединяющий смысл может родиться не сразу. Не делает ли пространство интертекста нас более одиночками?**

— Проблема есть, и она вызывает дискуссии, научные в том числе. Когда работаем со студентами, видим, что в группах они разрознены: нет сплочения, желания общаться. Мы как педагоги-наставники пытаемся восстановить взаимодействие студентов друг с другом на разных уровнях. Например, у нас есть замечательное мероприятие — фонетическое шоу. Студенты готовят групповые выступления, и им волей-неволей приходится взаимодействовать между собой. Готовясь к этим выступлениям, они получают новый опыт общения и узнают друг друга с новой стороны. Кто-то умеет петь, кто-то играть на гитаре, кто-то прекрасно танцует... Они понимают, что когда делятся друг с другом мыслями, впечатлениями, цитируют друг друга, то получают новые эмоции, новое знание, которое позволяет им расти и в профессиональном плане, и в чисто человеческом. Они видят, как слово, произнесённое на сцене в рамках одного амплуа, и то же слово, произнесённое другим героем, отличается своим наполнением, своим контекстуальным значением. Когда студенты отмечают такие моменты, они начинают мыслить как лингвисты, погружаются в языковую среду, пытаются установить взаимосвязи между элементами языка и переходят на другой уровень его понимания.

— **Пробудить интерес к такому языковому мышлению — главное**

для лингвиста-педагога?

— Понимание и способность интерпретировать крайне важны в общении. Если человек не понимает, о чём говорит или что ему говорят, контакта не состоится. Неслучайно ведущим трендом в современной науке является междисциплинарность. Источником новаций становится перенос методов и подходов из одной научной области в другую. Благодаря такому интегративному характеру научного познания появились направления биохимии, астрофизики, психолингвистики. И упомянутая нами математическая лингвистика в том числе. Синергия — источник нового смысла.

— **Какие ещё направления научных исследований вам близки?**

— Мы с моими учениками применяем лингво-синергетические, лингвосемиотические, лингвокультурологические методы исследования к совершенно различным материалам. То есть изучаем разнообразные виды дискурса — от политического до сказочного, мультипликационного. Это исследуется в кандидатских диссертациях, защищённых под моим руководством. Одна из последних работ — диссертация Екатерины Геннадьевны Нешковой «Лингвокультурологический аспект интертекстуальности в мультипликационном дискурсе (на примере английского, русского и французского языков)». Лингвокультурология помогает устанавливать и восстанавливать отношения между представителями различных наций и культур. Переводчик также дол-

жен обладать лингвокультурологическими знаниями. Их отсутствие может привести к различного рода конфликтам.

— **Какое место в этой серьёзной теме занимают мультфильмы?**

— Екатерина Геннадьевна в своей диссертации анализировала известный и очень многими любимый сериал «Смешарики».

— **Там тоже интертекст?**

— Конечно! Авторы данного сериала внедрили в мультипликационное произведение богатый культурный блок. Безусловно, маленький ребёнок не всегда считает, узнаёт цитаты, аллюзии, отсылки. Но суть в том, что мультфильм — инструмент, который позволяет установить семейные связи: совместный просмотр с мамой или папой — не просто развлечение, а взаимодействие взрослого с ребёнком с целью что-то объяснить и чему-то научить. Родители получают огромное удовольствие от просмотра «Смешариков», они легко считывают цитаты и намёки. И если мама или папа что-то дополнительно расскажут ребёнку после просмотра фильма, просто задут вопросы, уточнив, как ребёнок фильм воспринял, что он понял, какие чувства и эмоции испытал, — безусловно, это шаг в развитии души ребёнка и отношений внутри семьи. Сейчас эти отношения страдают: родители дают малышу планшет и уходят заниматься своими делами. А совместный просмотр как творчество — объединяет. Автор,

создавая пространство и наполняя его смыслами, даёт каждому зрителю — как взрослому, так и маленькому — возможность глубинного понимания ключевых жизненных моментов.

— **Расскажите о своих учениках: как складывается их профессиональная, научная судьба?**

— Под моим руководством защищено семь кандидатских диссертаций. В основном мои ученики — преподаватели кафедры теории и практики английского языка, кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета. Все они успешны, продолжают заниматься наукой, публикуя статьи, участвуя в грантах. Один из последних по времени — грант РФФИ–Урал (Российского фонда фундаментальных исследований) направлен на изучение медийной репрезентации социальных проблем городской среды. Мы пытаемся объединить лингвокогнитивный, лингвопрагматический и лингво-синергетический подходы к анализу того, как социальные проблемы Челябинска подаются в медиaprостранстве. То есть, выявляя механизмы дискурсивного портретирования городской действительности, выясняем, каким образом формируются в сознании молодёжи представления о качестве городской жизни. Как тем или иным способом создать позитивный образ города в глазах молодых. Слово «позитивный» не предполагает сокрытия или игнорирования той сложной реальности, которая нас окружает. Но необходим баланс. Современный же медиадискурс перенасыщен проблемами, трагедиями, бедой. А каждый человек в любом случае стремится к свету, к чему-то хорошему, доброму, ясному. Наша задача — помочь молодым людям во всей этой сложной жизненной ситуации Челябинска увидеть, возможно, единичные, но реально существующие точки надежды.

— **Например?**

— Уровень образования и культуры в целом у нас не ниже, чем в других крупных городах. А это значимый и, уверена, не единственный пример. Нам очень важно в интертексте, между строк окружающей реальности, научиться считывать гармонию и другим помочь её найти.

А

ндрей Аркадьевич, почему, решив стать историком, вы выбрали именно

Челябинский государственный университет, несмотря на то, что вуз только что сформировался? Наверняка выбор был богатый.

— Дело в том, что, когда я учился в старших классах школы, а школа была математическая, с углублённым изучением точных дисциплин, то стал считать себя гуманитарием. И уже тогда мечтал быть университетским преподавателем. Думаю, на выбор повлияло ещё и мнение моего старшего товарища. Он по образованию философ. И я сначала хотел поступать на философский факультет УрГУ в Свердловске. Но в советские времена философский факультет считался идеологическим базисом, готовящим кадры для идеологов-пропагандистов коммунистической партии. К абитуриентам предъявлялись требования: рабочий стаж не менее двух лет или служба в армии. Поэтому пришлось довольствоваться альтернативой — именно историческим факультетом Челябинского госуниверситета. Но я, честно сказать, о своём выборе несколько не жалею. Это были увлекательные годы. Нас, молодых, интересовало буквально всё.

— Преподавателей помните, которые на вас повлияли?

— Конечно, помню. Во-первых, Надежда Игоревна Бармина, она меня с первого курса взяла к себе под крыло. Узнала, что увлекаюсь философией, в частности античной. Сформулировала для меня тему научной работы: «Полисная идеология Платона и Аристотеля». Ею я и занимался, потом немного расширил рамки исследования: включил софистов, эпикурейцев.

А. А. Пасс: Сформировать стратегию развития поможет ощущение преимущества

Подготовила
Делия Кульбекова

Как в отечественной экономике могут эффективно сотрудничать государство и частный сектор? Что готовы предложить региональной элите учёные-политологи? На какие ценности ориентируются современные студенты? Об этих и других научных, профессиональных интересах профессора кафедры политических наук и международных отношений ЧелГУ Андрея Аркадьевича Пасса — в нашем разговоре.

В итоге в дипломной работе у меня получился очерк социально-политической философии Древней Греции, в которой, по словам Энгельса, содержатся истоки всех последующих типов мировоззрений, политических учений и школ. Эта подготовка здорово помогала мне потом в ходе учёбы в аспирантуре, да и сейчас — в преподавании политических дисциплин. Ещё хорошо помню, как археолог Геннадий Борисович Зданович очень увлекательно читал лекции, вёл занятия. Знаю, что у нас шесть или семь студентов сразу примкнули к «археологической партии» и тоже посвятили свою жизнь изучению археологии Южного Урала. Нельзя не упомянуть Юрия Сергеевича Кирьякова. Он нам читал историю Азии и Африки и ещё ряд дисциплин. Азия и Африка, конечно, запоминающийся курс! Рассказывал Игорь Сергеевич, не заглядывая в конспект. Это поражало. Столько фактов, столько интересных деталей! Заставлял нас думать, анализировать. Если говорить о тех, кто оставил наиболее яркий след в моей памяти, то именно эти люди. А ещё, конечно, Виктор Константинович Шрейбер, ныне здравствующий, по-прежнему работает у нас. Он преподавал нам исторический материализм. Мы с ним очень часто встречались, дискутировали. Он консультировал меня в процессе написания дипломной работы, за что ему благодарен. Вот он тогда и сказал: «Андрей, тебе надо быть университетским преподавателем, у тебя есть талант и способности к изучению наук». Виктор Константинович тоже определил мой последующий выбор.

— Не увлечение ли полисами Древней Греции пробудило в вас интерес к экономике, что отразилось позднее в ваших кандидатской и докторской диссертациях?

— Непосредственной связи нет. Но чем интересна античная история? Тем, что отражает демократию участия. Человек в древнегреческом полисе сам определял свою судьбу. Он был одновременно и землепашцем, и гражданином, и защитником, и политиком — всё в одном лице. Вот этот универсализм античный завораживал, и невольно хотелось походить на этих древних героев, быть таким же.

Демонстрация 7 ноября 1984 года

— В таком случае, как вы вышли на тему советской экономики?

— То, что я стал заниматься мобилизационной экономикой советского типа — следствие ряда случайностей. После окончания университета распределился в школу. Правда, поработал всего

кооперативный. Какие возникали взаимосвязи между отживающим, как тогда считалось, миром ремесленников и кустарей, и новым, нарождающимся миром крупной индустрии. Настолько необычными были, порой, результаты такого взаимодействия!

Андрей Аркадьевич Пасс в 2000 году в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН защитил докторскую диссертацию по специальности «Отечественная история». Область научных интересов: советская экономика мобилизационного типа; история Великой Отечественной войны; история кооперативного движения в СССР; геополитика и глобалистика; политическая коммуникация и пропаганда; антикоррупционная политика; Россия в глобальной политике. Учредитель и член правления Челябинского регионального отделения Российской ассоциации политологов.

одну четверть. Потом меня призвали в армию, а в середине 1980-х годов ещё неприлично было увильнуть, избегать службы. Пришлось потянуть солдатскую лямку. Тогда молодые люди с высшим образованием служили полтора года. Затем почти два года работал в техникуме. И только потом осуществил свою мечту — поступил в аспирантуру. Аспирантура была по истории КПСС. Собственно историей партии заниматься не хотел. Но меня интересовали глубинные экономические процессы, которые партия инициировала. И то, как при этом себя вели традиционные уклады хозяйствования, один из которых —

— Например?

— Перед войной, буквально в январе 1941 года, в Политбюро ЦК ВКП(б) родилась идея двухконтурной экономики. Первый контур — государственные предприятия. Их нужно было нацелить на выпуск оборонной продукции. Второй — кооперативная промышленность, местная промышленность, кооперативная торговля, система подсобных хозяйств. Вот эту экономику второго эшелона планировали целиком сосредоточить на выпуске товаров широкого потребления, продовольствия и тому подобного. Удивительно, но кооперативным предприяти-

Преподаватели исторического факультета, 2005 год

ям, которые ещё вчера, по сути, власть откровенно третировала, начали предоставлять существенные льготы. А потом произошло понимание, что эти два контура, в совокупности, придадут дополнительный динамизм развитию экономики, позволят решить задачи модернизации — создать, во-первых, мощный оборонный потенциал, во-вторых, не обрушить жизненный уровень людей. Эта идея наиболее полно реализовалась в Москве, Ленинграде, Киеве и Украине в целом. А также на Урале. Урал был регионом с очень мощным кооперативным сектором, который органично дополнял оборонный комплекс, сотрудничал с ним, выполнял определённые социальные заказы. Но в войну и этот второй контур пришлось подключить к решению военных задач.

— **Традиции двухконтурной экономической основы Челябинской области сыграли свою роль в 1990-е годы, в период экономической трансформации?**

— Нет, к сожалению. Девяностые — реализация совершенно другого сценария. Была попытка использо-

вать наработанный советский опыт (в 87-м был принят закон о кооперации). Мне тогда казалось, что это перспективно. Но, к сожалению, часть нашей политической элиты уже тогда решила использовать кооперативы лишь как инструмент обналичивания денег и формирования первоначального капитала для избранных.

— **Вы являетесь создателем центра социологических исследований «Новая политика». Что является сейчас площадкой взаимодействия экспертного, научного сообщества политологов и власти?**

— «Новая политика» — первый опыт. Мы создали такую структуру ещё при губернаторе Петре Ивановиче Сумине. Она сыграла свою роль, вовлекла студентов в осуществление ряда исследовательских проектов. Студенты заразились наукой, многие из них уже стали кандидатами, университетскими преподавателями. Александр Никифоров, к примеру, возглавляет консалтинговый центр, является ведущим доцентом кафедры в Санкт-Петербургском университете. Очень авторитетный

политтехнолог, политконсультант. Начинать в «Новой политике», и мне это лестно. Сергей Сидоркин тоже защитил кандидатскую диссертацию по политологии в МГУ, одно время там преподавал. Относительно недавно мы создали региональное отделение российского общества политологов. Возглавляет его заведующий нашей кафедрой Василий Анатольевич Зорин. Именно эта структура является площадкой взаимодействия университетского сообщества преподавателей, учёных и местной политической элиты.

— **Какой запрос формулирует элита политологам?**

— Сопровождение избирательных кампаний и агитационных мероприятий, социологические замеры общественных настроений.

— **Что помимо этого университетское сообщество могло бы предложить политическому менеджменту?**

— Во-первых, изучение возможностей, которые предоставляют политикам современные средства коммуникации. Эта работа до недавнего времени велась в рамках грантов, предоставляемых Россий-

ским фондом фундаментальных исследований. Во-вторых, углублённое изучение политико-психологических образов, которые были бы позитивно восприняты и активно поддержаны населением с учётом региональной специфики. В-третьих, алгоритм оценки эффективности функционирования органов власти. Это, конечно, далеко не полный перечень того, где бы могла быть востребованной политологическая научная мысль. Управленческий потенциал современного чиновника весьма высок. Но его взгляд на происходящее по объективным причинам относительно узкий. Политики и государственные служащие нацелены, как правило, на собственную карьеру, самореализацию. И они не всегда отслеживают и изучают результаты работы системы в целом. Потому и не очевидна преемственность между, например, действующей администрацией и предыдущими. Это создаёт трудности для выработки стратегий развития. Нет научного, системного подхода к решению насущных задач, которые стоят перед

областью. И здесь влияние университетского сообщества могло бы очень во многом помочь.

— **Политический процесс и молодёжь. С вашей точки зрения преподавателя и учёного — на что здесь нужно обратить внимание?**

— Молодёжь, в том числе студенческая, очень неоднородна. Есть люди воодушевлённые, которые уже знают, чего хотят добиться. Они осознали свои интересы, очень много делают для того, чтобы их реализовать, состояться в качестве специалистов. Многие ориентированы на изучение языков, на прохождение учебных курсов зарубежных университетов. И этому можно только радоваться. Вместе с тем я в процессе преподавания увидел, что молодых людей по-прежнему очень живо интересуют такие вопросы, как воплощение принципов социальной справедливости, воспитание трудовой морали, любовь к Родине, в том числе малой. Большинство юношей и девушек всё-таки продолжают ощущать свою связь с Челябинском, с Южным

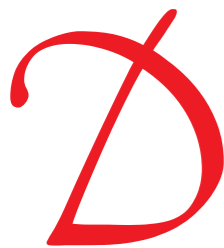
Уралом, Россией. И это хорошо. И, конечно, в той или иной степени студенты интересуются политикой, они в курсе происходящих событий. Но вот здесь каких-то чётких ориентиров у них нет.

— **Старшее поколение может предложить молодым людям эти ориентиры, чтобы они как-то воодушевились, поверили в их ценность?**

— Пока здесь очень много показного. Казалось бы, у нас есть отделы молодёжной политики, молодёжные организации в политических партиях. Но это в значительной степени формальный подход. Настоящего гражданина таким образом не воспитать. Необходимо целый комплекс мер. Главное — вовлечь ребят в практическую деятельность, научные, образовательные, социальные проекты, имеющие общественную значимость. Вот здесь, мне кажется, сделано не всё. А желание участвовать в таких проектах у ребят есть, и оно очень велико. Надо нам подумать, как его реализовать.

Научный коллектив, победивший в конкурсе грантов РФФИ «Наставник»: руководитель А. А. Пасс, учащиеся лицея № 11 и магистранты-политологи ЧелГУ

Дарья Феликсовна, в чём уникальность сложившейся в ЧелГУ системы профессиональной подготовки инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья?

— Во-первых, в том, что мы были первопроходцами — Челябинский госуниверситет в той или иной форме ведёт эту работу с 1992 года, когда в других вузах проблема подготовки, адаптации инвалидов не обсуждалась вообще. Во-вторых, мы всегда опираемся на серьёзное научно-методическое и теоретическое обоснование, постоянно ведём исследования в этой области.

— Итак, приходит человек с инвалидностью в университет, где нет условий для его обучения. Вуз должен честно об этом сказать или создать условия?

— Создать условия.

— Это в идеале?

— Нет, это необходимые требования федерального законодательства. Отсутствие таких условий является причиной отказа в лицензировании образовательных программ или дополнительных адресов (корпусов, помещений), где вуз планирует обучать студентов.

— Вы говорите о программах и адресах, рассчитанных на всех без исключения студентов? То есть если у вуза нет необходимых условий для обучения людей с инвалидностью, то он не может открыть новое направление подготовки или специальность?

— Да, до тех пор, пока не обеспечит необходимые условия. И в этом суть современного цивилизационного подхода: каждый человек может и имеет право быть уникальным. Он не должен становиться таким, как все. Людей много, люди разные.

Д. Ф. Романенкова: Каждый человек имеет право быть уникальным

Подготовил
Андрей Сафонов

Ресурсный учебно-методический центр (РУМЦ) Челябинского государственного университета на всероссийском уровне задаёт стандарты обучения людей с инвалидностью и ограничениями возможностей здоровья. Начальник центра Дарья Феликсовна Романенкова рассказывает о том, что заложено в основу репутации центра, а также о новых тенденциях в образовании и на рынке труда.

Система одна. Поэтому лучше создавать такую систему, которая изначально учитывает интересы, потребности, особенности обучающихся. Абсолютно разных!

— Законодательство обязывает каждый вуз обеспечить абитуриенту образование вне зависимости от его состояния здоровья?

— При наличии аттестата о среднем общем образовании или среднем профессиональном образовании любой человек на конкурсной основе может получить высшее образование. Для этого абитуриент с инвалидностью предоставляет либо результаты ЕГЭ, либо сдаёт вступительный экзамен, который организует вуз. Это право выбора абитуриента. Более того, правила приёма позволяют выбрать форму проведения вступительных испытаний. Например, предполагается устное собеседование, но абитуриенту, в силу его особенностей, трудно говорить. В этом случае экзамен может быть письменным. Если требуются специальные технические средства, они должны быть предоставлены. Предположим, человек незрячий. Тогда используется компьютер, который озвучивает задания и позволяет студенту их выполнять посредством голоса. Если человеку удобнее отвечать на бумаге, мы, соответственно, распечатываем экзаменационные вопросы, ассистент помогает их прочитать и записать ответы.

— Как быть, если особенности здоровья человека не позволяют ему в полной мере выполнять работу по профессии, которой он обучался в вузе?

— Это отдельная важная тема. У неё много граней. Одна из них — готовность человека к осознанному и адекватному выбору профессии. Почти у всех абитуриентов представления о ней весьма размыты. И по окончании вуза, на входе в профессиональную среду, люди могут столкнуться с объективными ограничениями. К примеру, некоторые специальности юриспруденции, связанные с уголовным правом, требуют физической подготовки, навыков стрельбы и пр. Это не значит, что человек с инвалидностью не сможет ими овладеть. Но, возможно, какие-то нарушения состояния здоровья будут препятствовать освоению образовательной программы в полном объёме. Соответственно, те же ограничения могут помешать человеку устро-

иться на работу. Поэтому важна серьёзная профориентация. Мы её начинаем с момента обращения к нам родителей, самих абитуриентов — иногда задолго до поступления. Выявляем сочетание интересов, способностей, личных качеств и состояния здоровья.

— К чему ещё следует быть готовым абитуриенту с инвалидностью и его семье?

— К тому, что обучение в вузе очень существенно отличается от школьного. Часть наших абитуриентов учились либо на дому, либо в специальной коррекционной школе. В вузе другой уровень нагрузки: необходимо слушать лекции, готовиться к семинарам, писать рефераты, сдавать экзамены, взаимодействовать с преподавателями и другими студентами, уметь использовать технические средства. Именно этому мы уделяем внимание в процессе адаптации человека к вузу, в ходе реализации программы довузовской подготовки. Сюда же входит блок профориентации и психологии: человек узнаёт о своих возможностях, учится строить план своего развития на ближайшее время, выбирает профессию, знакомится со своими правами и обязанностями.

— Сотрудники ресурсного центра ЧелГУ занимаются мониторингом процесса обучения инвалидов в вузах Челябинской, Свердловской, Курганской областей? Какие тенденции, проблемы наиболее актуальны?

— В последние четыре года количество в вузах студентов с инвалидностью стабильно растёт. Сейчас вузы более внимательно относятся к таким студентам, к их учёту. В мониторингах деятельности, через которые вузы проходят ежегодно, учитываются показатели и параметры, связанные с обучением студентов-инвалидов.

— Возникают ли сложности взаимодействия с работодателем в процессе трудоустройства выпускника?

— Есть определённые мифы: если у человека инвалидность — значит, это как-то влияет на его поведение, интеллект. Так вот мы в этом году со всеми ресурсными центрами (их по стране 21) будем проводить курсы повышения квалификации для кураторов практик — как со стороны вузов, так и со стороны работодателей — как раз, чтобы эти

мифы развеять. Наша задача — показать, что люди с инвалидностью как профессионалы могут стать ценными работниками. Однако для людей с различными видами нарушений здоровья нужны разные условия работы. И важно, чтобы создавать эти условия работодателю было тоже выгодно.

— Какую выгоду, скажем, представителю бизнеса может извлечь?

— Во-первых, получить возможность поучаствовать в разных региональных программах: они, помимо доступа к финансам, позволяют

Дарья Феликсовна Романенкова — кандидат педагогических наук, доцент, победитель конкурса грантов Президента РФ для молодых учёных, лауреат проекта «Кадровый резерв — профессиональная команда страны» по Челябинской области.

Дарья Феликсовна пришла в ЧелГУ в 1998 году и стала активным участником трансформации образовательного пространства в инновационную инклюзивную среду, которая сегодня является образцовой. Область её научных интересов сегодня: инклюзивное профессиональное образование, доступность образования, использование дистанционных образовательных технологий и электронного обучения для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, довузовская подготовка и адаптация, региональные системы образования. Имеет более 140 научных и методических публикаций. Д. Ф. Романенкова является членом экспертных групп Минобрнауки России по созданию условий для образования и трудоустройства инвалидов. Входит в состав Окружного методического объединения работников профессиональных образовательных организаций УрФО по вопросам доступности профессионального образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Челябинский государственный университет занимается обучением лиц с инвалидностью с 1992 года. В ЧелГУ сложилась инновационная система доступности высшего образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. В её основе лежит довузовская подготовка, инклюзивное обучение и сопровождение учёбы. Всё это позволяет обучать инвалидов с различными видами и степенью физических нарушений. В ЧелГУ учатся студенты с нарушениями зрения (в том числе полностью слепые), слуха, опорно-двигательного аппарата и других органов и систем. В 2017 году на базе Челябинского государственного университета по решению Минобрнауки России создан Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, территорией ответственности которого являются Челябинская, Свердловская, Курганская области.

компания продемонстрировать свою социальную ответственность, продвинуть свою организацию как инклюзивную. Кстати, российские отделения зарубежных компаний всегда предусматривают привлечение к работе людей с инвалидностью. Последние года два к нам обращаются представители довольно серьёзных организаций, которым нужно закрыть квотируемые рабочие места. Следует пояснить, что любая организация численностью сотрудников более

35 человек должна выделять квоты на трудоустройство инвалидов. У нас в регионе квоты составляют три процента для предприятий и организаций с численностью более 100 человек. При этом законодательство уже требует не только выделить эти места, но и заполнять их сотрудниками. Нередко это либо должности с очень низкой квалификацией, либо, наоборот, место профессора в вузе. Конечно, мы не всегда можем найти кадры на квотируемое место. Обычно вы-

пускники, нацеленные на работу, как правило, быстро её находят. С другой стороны, от 15 до 30 процентов выпускников вообще не мотивированы на трудоустройство.

— Почему?

— Здесь есть как объективные, так и субъективные причины. Устройство на работу — переход из одного социального статуса в другой — любому человеку даётся тяжело. И роль вуза в процессе адаптации очень значима. В то же время есть люди, для которых работа изначально не является приоритетом. Они получают образование для себя, своего саморазвития, для того чтобы расширить круг общения. Именно эти мотивы становятся главными, особенно если человек материально вполне обеспечен.

— Вы при поддержке президентского гранта разрабатывали, совершенствовали технологии дистанционного обучения. Что дал этот опыт?

— Мне эта тема очень близка. Свою кандидатскую диссертацию в 2004 году я защищала по дистанционному обучению студентов

с инвалидностью. Мы использовали дистанционные технологии уже тогда, когда их ещё почти никто не применял. Делали и делаем это в том числе в процессе довузовской подготовки абитуриентов. Когда началась пандемия, сети ресурсных учебно-методических центров была поставлена задача подготовить рекомендации для вузов. В основу этих рекомендаций легли те наработки, которые были у нас. Дистанционные технологии — идеальная форма адаптации учебного процесса к новым условиям. Это возможность для студента присутствовать на занятиях либо очно, либо виртуально. Абсолютное расширение границ! Другое дело, что это требует определённого материально-технического обеспечения, некоторой перестройки работы преподавателя. Но возможность дистанта становится нормой любого учебного занятия. К тому же дистанционные образовательные технологии по законодательству могут применяться в любом объёме, при любой форме обучения. Они предполагают использование электронного образовательного контента. Конечно, есть требования к доступности цифровой информации, важность которых вузами пока не вполне осознаётся. Нам кажется, что любой документ, который мы разместили в Сети, по определению доступен. Нет, это не так. Если, например, это текст, он должен быть электронным текстом, а не картинкой, должен масштабироваться. Если рисунок — то хорошо различим, и цвета, которые используются, не должны сливаться, они должны быть контрастными. Если речь идёт о видео, то необходимы субтитры или текстовые описания для тех, кто не слышит. Для студентов получать информацию в доступной форме очень важно. Думаю, года через два это станет вполне обычным. К тому же дистанционные технологии позволяют работать в индивидуальном темпе — в то время, когда удобно студенту. При этом важно использовать все индивидуальные и коллективные формы работы: дистанционное обучение индивидуализировано по своей сути, но тем не менее даёт возможности взаимодействия. Образование уже не будет прежним, оно трансформируется в сторону цифры.

— И рынок труда тоже?

— Конечно! Мы участвуем в проекте совместно с благотворительным фондом, который начиная со школь-

Обсуждение вопросов содействия трудоустройству выпускников с инвалидностью

ного, абитуриентского возраста отбирает маломобильных талантливых молодых людей, интересующихся информационными технологиями, чтобы помочь получить образование для последующей дистанционной работы в ведущих IT-компаниях города и страны. Однако пока желающих среди школьников и абитуриентов не так много.

— Это настолько для нас в новинку, что вызывает опасения?

— Вероятно, дело в том, что для сферы информационных технологий профильный предмет — математика. Он непростой. И если молодой человек целый день сидит за компьютером, это не значит, что он интересуется программированием или разработками.

— Опять же, о важности профориентации...

— Да, и большое значение здесь имеет международный чемпионат «Абилимпикс» — конкурс профессионального мастерства для людей с инвалидностью. Он для разных возрастных категорий — от школьников, студентов до взрослых специалистов. Наш университет проводит соревнования по девяти компетенциям, требующим профессионального образования. Это возможность попробовать себя в выбранной профессии, выполнив задание. Для студентов очень важно в ходе этого конкурса пообщаться на профессиональном языке не с преподавателями, которые ставят оценку, а со специалистами, которые в этой области работают. У победителей есть возможность

пройти стажировку на партнёрском предприятии или в организации. Плюс чемпионат «Абилимпикс» — точка развития межведомственного взаимодействия. Мы не зря, начиная с наших ранних разработок, говорим о важности развития региональных систем инклюзивного профессионального образования.

— Что именно вам открыла работа в Ресурсном учебно-методическом центре?

— Приятно видеть, как общество через отношение к проблемам, которыми мы занимаемся, постепенно меняется, становится лучше, гуманнее. У человека появляется больше возможностей проявить себя. Люди с инвалидностью придут не в тот вуз, где есть пандусы (которые, конечно же, необходимы), а в тот, который будет учитывать их особенности, которому они доверяют. Доступная среда в широком смысле — не только свободное передвижение, но и возможность всестороннего развития. Исторически так сложилось, что именно вузы (в первую очередь наш, Челябинский госуниверситет) стали создавать для этого условия. Потом включились колледжи, школы. Всё больше обращают внимание и на городскую среду, экономическую, транспортную инфраструктуру. Индивидуализация, персонализация образования — мировой тренд, и мы ему стараемся соответствовать. В предыдущую приёмную кампанию, которая велась дистанционно, к нам поступило на 50 процентов больше студентов, чем обычно. Значит, знание и развитие становятся доступнее.

Университет расширяет партнёрскую сеть некоммерческих организаций, заинтересованных в интеграции людей с инвалидностью в общество. На фото представители благотворительного фонда «Бирюзовый» в ЧелГУ

В

ы по образованию историк. Как пришли в эту профессию?

— С детства интересовался историей.

Историк — такой интересный учёный, который своего рода пророк, обращённый в прошлое, в том плане, что, скорее, предполагает, чем располагает. Меня привлекал дискуссионный характер исторических знаний. Причём интересовала больше зарубежная история, в частности, история Востока. Хотя, когда я поступал, модно было изучать именно отечественную историю, особенно в свете развенчания культа личности Сталина и переосмысления советского прошлого.

— В какой-то момент вы увлеклись азиатской культурой. Свяжано это с желанием решить для себя некую прикладную задачу или с чем-то ещё?

— Далеко не всегда к выбору профессии человек подходит прагматически. Нередко люди идут учиться, движимые идеей, мыслью, вдохновением. Я тоже шёл с вдохновением. Знания о Востоке, как и о других частях света, в то время у нас не были широко распространены. Иногда попадались отдельные научные работы, артефакты из поездок. У одного знакомого капитана дальнего плавания была большая коллекция африканских масок. Встречались вещи из Индии, Китая и Японии. Подобные вещи, непонятно к чему относящиеся, очень интересовали. И Восток привлекал тем же. Поэтому я выбрал своей специализацией Индию. В индологии изучал историю и философию, но в основном занимался современной политической философией Индии, индийским национализмом. А он противоречиво завязан на религии, традиции и прогрессе. Восток постигается комплексно: нельзя

М. Г. Смирнов: Отношения с Востоком устанавливаются через понимание его культуры

Подготовила
Виктория Котова

Изучение языка другой страны — лишь шаг к её постижению. Об этом, а также о разнообразии способов восприятия мира, роли мифа в современности и запросе на стабильность в обществе с размытыми ценностями говорим с доцентом кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Максимом Георгиевичем Смирновым.

подойти к его изучению со стороны только одной области знаний. В частности, мыслитель, биографию и труды которого я изучал, был биологом и юристом по образованию, в то же время известным националистическим деятелем и философом — современным классиком.

— В итоге погрузились в философию как в сферу, позволяющую комплексно познавать мир?

— Историк, если погружён не в современность, а в прошлое, имеет дело с артефактами. Проще говоря, находит три палки и должен установить, зачем они были нужны. В известной степени он что-то додумывает. Мы часто опираемся на собственные представления о мире и об истории, накладывая на них современную цивилизацию, как кальку, нашу парадигму восприятия мира. Но когда смотрим на Восток — Индию, Китай, Японию, — важно понимать, что само отношение к природе, к человеку, к обществу там радикально отличается от нашего. Если хочешь восстановить логику развития того или иного восточного общества, то особенно будет сложно с Индией, потому что она представляет собой вне историческую культуру.

— Что это означает?

— В ней нет хронографов. В русской культуре, к примеру, есть такой исторический памятник литературы, как «Повесть временных лет», описывающая нашу древность. Есть известные исторические источники других цивилизаций. А в Индии таковых нет вообще. Зато есть Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа — священные источники, которые историю не описывают. Единственный исторический текст — столп, где царь Ашока рефлексировал по поводу того, сколько убийств он совершил и какую несправедную жизнь вёл. Документ представляет собой покаяние царя. Символ Индии — три льва — верхушка этого столпа. Поэтому изучать историю Индии приходится через призму философии, иначе никак. Каждый новый период, каждый новый этап развития общества был осмыслен индийцами прежде всего философски — это иное мышление, другое восприятие мира.

— Интерес к такому способу мыслить повлиял на выбор вами ист-

фака ЧелГУ в качестве проводника по гуманитарной сфере?

— Когда я поступал в 1994 году, документы можно было подавать только в один вуз. Из Челябинска уезжать не хотелось. Соответственно, выбирал между педагогическим и Челябинским государственным университетами. Разница между двумя вузами прослеживалась очень чёткая. В педагогической истории касалась изучения дат, последовательности

соответствующих трактатов. Тогда мы читали сами трактаты больше, нежели их критику. Подобного рода вещи позволяли погрузиться в изучаемый предмет. Другой исследователь — Александр Дмитриевич Таиров. Он археолог, специализируется по раннему железному веку, интересно преподавал историю Ближнего Востока. В целом нам повезло с коллективом преподавателей. Каждый — с изюминкой, стилем, новизной, со своим пони-

Максим Георгиевич Смирнов — кандидат философских наук, доцент. Заместитель председателя Челябинского отделения Всероссийского общества «Россия Япония». Заместитель председателя Челябинского отделения Российского общества политологов. Председатель Челябинского отделения межрегиональной общественной организации «Ассоциация японоведов». Член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области. Руководитель магистратуры по направлению «Международные отношения: переговорные процессы и дипломатия».

событий. В ЧелГУ (как мне тогда рассказывали, и потом это подтвердилось) подход был совершенно иной — дискуссионный. Даты и цифры мы можем знать, можем записать, но важно восстановить саму логику событий и воссоздать атмосферу эпохи. И эта глубина погружения в прошлое привлекала. Тем более, ситуация в стране подогревала дискуссии. ЧелГУ отличался новизной подходов к обучению, экспериментальностью. К тому же исторический факультет был тесно связан с Аркаимом и его романтикой, и вся археологическая практика проходила там. Был такой дух увлекательного приключения. Артефакты, которые мы нашли на раскопках в середине 90-х, до сих пор демонстрируются на Аркаиме.

— Ваше увлечение Востоком кто поддерживал?

— Такие подвижники, как Александр Александрович Прокопьев. Он у нас преподавал дисциплины, связанные с Востоком, вводил новые формы преподавания. Например, у нас была игра, где мы моделировали китайские экзамены на получение чина. То есть ты примерял на себя роль обычного мелкого китайского чиновника, который должен сдать экзамены и занять хорошую должность. Это проводилось со всеми особенностями церемонии, со знанием

манием дела. Каждое посещение пар было своего рода праздником: на одних мы могли хорошенко выговориться и обсудить насущные темы, в ходе других — послушать, впитать новую информацию. Тогда не было всемогущего Интернета, только библиотеки. Нами овладевал двойной азарт — получить информацию и найти нужную книгу (что было довольно сложно).

— Впоследствии вы стали преподавать на факультете Евразии и Востока.

— Да, его основатели — Галина Владимировна Сачко и Дмитрий Григорьевич Пазий. Когда факультет открывали в 1998 году, помню, я и два моих однокурсника пришли со словами, что хотим здесь работать. Нам ответили: «Нужны опытные специалисты, а вы ещё учитесь». Но спустя время мы втроём смогли сюда устроиться. Я после защиты в УрФУ кандидатской диссертации попал на кафедру политологии и регионоведения, которую возглавлял Дмитрий Григорьевич. Начал преподавать востоковедные дисциплины, чего, по большей части, и хотел.

— В чём особенность исследовательских подходов у востоковедов ЧелГУ?

— Это комплексный подход, стоящий на философском фундаменте.

Мы понимаем, что контакт с Востоком устанавливается не только через изучение языка. Ну знаешь ты язык. И что? Я видел, как те же японцы относятся к человеку, превосходящему японским языком, но не понимающему японскую культуру: из-за диссонанса, который при этом возникает, они воспринимают его действия как неадекватные. В то же время, когда общаешься с японцами на английском, но учитываешь особенности их культуры, возможно установить устойчивый контакт.

— **Вы преподаёте ещё одну дисциплину — «Мифология». Что такое миф в современной культуре и политических реалиях?**

— Есть такое понятие — «мифотехнологии». Суть его в следующем: в подсознании формируется миф, стереотип, который разрушить практически нельзя — только, если создать новый стереотип. Благодаря этому мифу, можно внушить любое восприятие реальности. Учёные изучали мифы на разных стадиях развития. На занятиях со студентами мы на примере восточной культуры разбираем подходы этих исследователей. Мифотехнологии применяются в разных сферах — и в политике, и в экономике, и в культуре. К примеру, сценарист и режиссёр Джордж Лукас создал фильм «Звёздные войны» на основе научных трудов одного из классиков мифологопсихоаналитического направления Джозефа Кэмпбелла. Лукас, почитав Кэмпбелла, выявил, ключевые стереотипы, работающие на восприятие зрителя, и снял первый в мире блокбастер. Так что роль мифа в жизни людей значительна и сейчас.

— **Поговорим подробнее об интересе россиян к японской культуре. Вы являетесь заместителем председателя челябинского филиала общества «Россия — Япония». В чём миссия этой организации?**

— По итогам Второй мировой войны между нашими странами до сих пор не подписан мирный договор. Причина — спор о принадлежности южных территорий Курильской гряды. Если нет мирного договора, государства находятся между собой в состоянии войны. Но это формально. В реальности же они могут выстраивать друг с другом

взаимовыгодные отношения. Чтобы обойти эту правовую коллизию, было создано общество «Советский Союз — Япония» — общественная организация под контролем правительства. Она была призвана налаживать связи с подобными общественными структурами Японии. В этой организации выросло немало известных политиков и дипломатов. На её основе после распада СССР возникло общество «Россия — Япония». В Челябинске есть его филиал. Мы занимаемся коммуникацией с Японией на разных уровнях и в разных аспектах. Моё поле деятельности — академическая и культурная дипломатия.

— **Что имеется в виду?**

— Например, мы организовывали фотовыставку Государственного исторического музея Южного Урала в префектуре Эхиме на острове Сикоку. Она вызвала резонанс и получила очень хорошие отзывы от принимающей стороны. Ежегодно в Челябинской области проводятся фестивали японской культуры, в которых ЧелГУ принимает деятельное участие. Цель академической дипломатии — выстраивать коммуникацию между вузами двух стран. В Токио регулярно (в период пандемии — дистанционно) проводятся совещания, в которых, помимо представителей вузов Японии и России, участвуют сотрудники торговых и дипломатических представительств. На этих площадках решаются различные вопросы взаимодействия. Сложность в том, что Челябинск в центре страны. Чтобы попасть к нам из Японии, сначала нужно добраться до Москвы — прямых рейсов нет. Но Япония заинтересована в нашем регионе, только нужно выстроить инфраструктуру непосредственных контактов. В этом году мы организовали совещание на уровне правительств Челябинской и Свердловской областей, с участием Курганской, Тюменской областей, где присутствовали эксперты по России из Японии, которые налаживают деловые связи. Они дали определённые рекомендации. Будем работать. Надеемся, Челябинск сможет стать побратимом с одним из японских городов.

— **Что это даёт?**

— Облегчает торговые, туристические, культурные контакты за счёт сокращения количества диплома-

тических и прочих процедур, обязательных для межгосударственного общения. Японцы к этому относятся очень серьёзно, выделяя на подобные проекты специальный бюджет.

— **То есть интерес взаимный?**

— Да, и это даёт результаты. Года два назад между Россией и Японией введён облегчённый визовый режим. Расширяется пространство взаимодействия. Например, мероприятия проекта «Год Японии в России» проводились не только в столице, но и в других городах, в том числе и в Челябинске. Постепенно развиваются самые разные направления сотрудничества: под эгидой японского фонда даём уроки языка, организуем стажировки и так далее.

— **Судя по всему, влияние востоковедов на качество межкультурной коммуникации очень существенно. Кем в этом процессе видят себя через несколько лет студенты факультета Евразии и Востока ЧелГУ?**

— У нас были разные поколения студентов — от идеалистов до прагматиков. Соответственно, у каждого интерес формировался специфически. Иногда к нам поступают для того, чтобы выучить язык. Зачем? Чтобы преподавать. Мы, в свою очередь, объясняем, что, помимо преподавания, можно работать переводчиком, и это находит отклик. Ориентируем также на дипломатическую работу в государственных и коммерческих структурах, но часто поступающие считают, что она для них недоступна. Хотя у нас многие выпускники ушли именно в дипломатию. К примеру, одна из наших выпускниц, работая в консульстве в Палестине, приняла участие в организации Первой российско-палестинской научно-практической конференции, к которой мы активно подключились. Нередко абитуриенты приходят к нам потому, что просто увлечены культурой, скажем, Японией. Заметьте: не Китая, хотя к такому выбору подталкивают родители, считая его перспективным.

— **Разве интерес к большой стране, где сосредоточена значительная часть мировой экономики, для прагматиков не естествен?**

— Не всё так просто. В Китае сегодня активно изучается английский язык. Один знакомый преподаватель-китаец как-то сказал мне: «Раньше Пекин был сплошной школой кунг-фу. А сейчас — огромная школа английского языка, где тебя все готовы ему обучить». Сам он, кстати, преподаёт русский и английский, работает в Шаньдунском технологическом университете. Китайцы изучают английский, чтобы найти хорошую работу и успешно конкурировать на мировой арене.

— **Соответственно, язык Китая имеет смысл изучать, если хочешь глубоко познать культуру этой страны, а не просто общаться с её жителями?**

— Да, но я редко встречал тех, кто был бы очень увлечён китайской культурой. Разве что в связи с археологией, так как наши археологи в курганах кочевников находят много вещей из Китая. Поэтому стоит овладеть языком того региона, который тебе по-настоящему интересен. У нас в университете в разные годы, помимо Японии и Китая, студенты изучали арабский Восток, Турцию, Корею, Иран и даже Индию. Правда, индийские языки, хинди, бенгали, санскрит преподавать сложно, и это, опять же, связано с культурными особенностями.

— **Чем обусловлено внимание молодых людей к той или иной стране?**

— Интерес абитуриентов и студентов к Японии обычно основан на современной культуре аниме и популярной музыке, кто-то увлекается единоборствами и традиционными искусствами. Схожие истоки интереса к Корею. Ближний Восток — для тех, кто очарован его атмосферой. В своё время рынок заполнили сериалы о Ближнем Востоке, и это сыграло свою роль. Причём обаяние Ближнего Востока чаще действует на девушек, хотя у них перспективы трудоустройства в этом регионе несколько более сложные, чем у парней. Многие абитуриенты в своё время приходили из турецкого лицея Челябинска и выбирали соответствующее направление подготовки.

— **Какие темы берут студенты для научных исследований?**

— Разные: от культуры и искусства до политики и экономики — вплоть

до тем в области безопасности, которые связаны с изучением экстремистских материалов. В этом случае работа защищается в закрытом режиме: присутствуют только члены комиссии, и информация не подлежит разглашению.

— **До уголовных дел не доходило?**

— Технология подобных исследований отлажена. Когда студент выбирает соответствующую тему, мы связываемся с правоохранительными органами и работаем совместно с ними. Такого рода контент циркулирует в Сети в большом количестве, и определённую риторику призывов невозможно выявить только лингвистическими и психологическими методами. Условно говоря, вам рассказывают сказку, а за её содержанием кроется нечто экстремистски неприемлемое.

— **Как это вовремя понять?**

— Развитие и распространение современных форм экстремизма — одна из злободневных проблем. Осложняется она особенностями общества постмодерна, где нет чётких границ между должным и недопустимым. Что такое экстремизм? То, что выходит за рамки правил и ценностей. А если в обществе ценности размыты, как мы определим, где нарушена граница, а где — нет? Мы живём в пространстве броуновского движения без целей и чётких координат, но потребность в стабильности, безусловно, есть. Многим хочется найти некую идею, способную обеспечить устойчивость представлений о мире, но это очень трудно сделать. В этом проблема современности, и для студентов она тоже актуальна.

Р

аиса Амиржановна, почему при поступлении в вуз вы выбрали именно исторический факультет. Кто пробудил ваш интерес к этой науке и какая область исторического знания увлекала вас больше других?

— Да, я окончила Костанайский педагогический институт. На исторический факультет попала случайно. Ехала подавать документы на филологический. Но случайная встреча повлияла на мой дальнейший выбор специальности. Девушка, с которой я сдавала вещи в багажное отделение железнодорожного вокзала, приехала тоже поступать. Она очень категорично сказала, что нечего делать на филфаке, по окончании которого я могу ослепнуть из-за проверки тетрадей. И мы с ней подали документы на исторический факультет, прошли вступительные испытания. А любовь к исторической науке пробудил замечательный преподаватель археологии и истории Древнего мира Марк Абрамович Мейлахс. Я нисколько не пожалела о своём выборе. По окончании института работала в школе, преподавала историю и, кстати, русский язык — не хватало учителей.

— Значительная часть вашей биографии связана с партийной, законодательной, общественной работой. Пришлось ли в связи с этим расстаться с педагогикой? Что мотивировало вас к переходу в структуры управления сначала районного, а затем и областного уровня?

— Смена деятельности с педагогической на общественную тоже произошла спонтанно. Я жила и работала в селе. Комсомолка, активистка. Вступила в коммуни-

Р. А. Тюлегенова: Мы всегда чувствовали: за нами ЧелГУ

Подготовил
Андрей Сафонов

О становлении Костанайского филиала ЧелГУ и его роли в укреплении взаимодействия России и Казахстана рассказывает директор Раиса Амиржановна Тюлегенова.

тическую партию по зову души, с верой, что могу принести пользу. Никогда не пожалела, что была членом КПСС, партийный билет берегу до сих пор. Первая моя должность на партийном поприще — заведующая кабинетом политического просвещения. Мне казалось, что это что-то близкое к педагогической работе, но среди взрослых, рабочих совхоза. Затем состоялся переход в райком партии, и это всегда была работа с людьми, решение социально значимых проблем. В то время в Костанайской области преобладали русские, украинцы. Представителей титульной нации было не более 40 процентов населения. И, естественно, необходимо было соблюдать интернациональный принцип в подборе и расстановке кадров в партийном аппарате. Продвижением по карьерной лестнице, думаю, обязана своему происхождению — казашка, с образованием, активной жизненной позицией. В партийных органах была хорошо поставлена работа по воспитанию кадров с низового звена до районного, областного и выше. Это действительно очень хорошая кадровая школа! Мотивировало меня к такой работе и то, что чем шире поле деятельности, тем интереснее жить.

— По профессии учителя скучали?

— Нет, к тому же я курировала социальную сферу: школы, детсады, высшие и средние специальные учебные заведения, учреждения здравоохранения и соцобеспечения.

— Помните свои впечатления от первых дней работы в Коста-

наском филиале Челябинского госуниверситета? Что привлекало в вузе, а что, может быть, доставляло трудности?

наском филиале Челябинского госуниверситета? Что привлекало в вузе, а что, может быть, доставляло трудности?

— В филиал я пришла в очень тяжёлое время, как для меня, так и в целом для страны. Распался Советский Союз, ликвидирована КПСС, происходили и другие невесёлые перемены. Практически я стала безработной. И приглашение на работу в представительство Челябинского государственного университета явилось для меня спасением. А дальше новые трудности, связанные с получением лицензии на организацию образовательной деятельности. Очень тяжело решался этот вопрос. И момент, когда лицензия была выдана, и не только выдана, а её привезли к нам непосредственно в Костанай, в филиал — незабываемый! В 2002–2003 годах ушли из жизни наши отцы-основатели филиала — один за другим — Александр Михайлович Роднов, заместитель директора и сам директор Таран Жамалиевич Атжанов. Мне тогда казалось, что всё рухнуло. Но руководство ЧелГУ, ректорат очень помогли в дальнейшем становлении и развитии нашей структуры. В. Д. Батухтин, А. Ю. Шумаков, В. Н. Севастьянов, Н. А. Мамаев всегда с заботой и вниманием относились к решению насущных проблем филиала. Задача была поставлена готовить штучных специалистов. Реализовывали её при

поддержке деканов факультетов В. А. Лебедева, И. Ю. Карташевой, Т. А. Верещагиной, Л. А. Нефёдовой, С. А. Головихина. Мы всегда чувствовали: за нами ЧелГУ. И это придавало нам уверенности. Внимание, забота, поддержка руководства, коллег из многих подразделений вуза не прошли даром. Филиал имеет материальную базу, имущество, учебное оборудование, отвечающее всем современным требованиям.

— Можем ли мы сказать, что Костанайский филиал ЧелГУ является площадкой культурного, образовательного, экономического, политического обмена между Костанайской и Челябинской областями и шире — регионами России и Казахстана?

— Безусловно! Филиал ежегодно проводит культурно-просветительские, образовательные и научно-исследовательские мероприятия, которые направлены на популяризацию русского языка, стимулирование интереса жителей Костаная и Костанайской области к его изучению. С 2018 года при совместном участии преподавателей и студентов кафедры филологии реализует проект «Грамотный город».

— Что он собой представляет?

— Это научно-исследовательский и одновременно социально значимый проект, который подразумевает совместную деятель-

Костанайский филиал ЧелГУ был открыт в 2000 году, чтобы выполнять функцию международного интегратора: с одной стороны, сократить большую миграционную волну, с другой — чтобы дать возможность молодёжи получать образование в российском вузе, не выезжая за пределы республики. Сегодня здесь готовят юристов, экономистов, менеджеров, филологов и лингвистов. Приграничные Челябинская и Костанайская области исторически являются регионами со смешанным национальным составом. Обе стороны уделяют постоянное внимание вопросам соблюдения прав казахов, проживающих на территории России, и этнических русских, проживающих в Казахстане, максимально полному удовлетворению их культурных и образовательных потребностей в рамках евразийской интеграции. Интеграционный потенциал Костанайского филиала ЧелГУ реализуется в целом ряде научных и просветительских проектов, ориентированных на разные возрастные группы. За годы своего становления и развития филиал стал значимым пространством взаимодействия России и Казахстана.

ность научно-педагогических работников и обучающихся. Он направлен на сохранение самобытности языков и культур высшего национального достояния. Например, волонтеры выявляют и исправляют нарушения норм русского языка в текстах массовой коммуникации поликультурного пространства города и области. Цель — привлечь внимание людей к непреднамеренным отступлениям от языковой нормы, которые пагубно влияют на уровень качества массовой коммуникации. Рассматриваются самые разные тексты, в том числе рекламные. Проект решает сразу несколько задач: развивает грамотность людей, повышает культуру чтения (мы запустили рекламную акцию «Читай, Костанай!»). Кроме того, взаимодействие преподавателей и студентов филиала становится более эффективным, совершенствуются навыки работы в социальных сетях (волонтеры консультируют подписчиков на нашей странице в Инстаграм). Социальная сеть обеспечивает мгновенный доступ к молодой аудитории.

Да и студенты-филологи предложили создать страничку для обсуждения вопросов нормативности языка и других лингвистических проблем. В минувшем учебном году участники проекта под руководством профессора кафедры филологии Татьяны Яковлевны Котляровой опубликовали в социальных сетях рекомендации по исправлению несоответствий языковой норме,

выявленных в ходе реализации проекта с 2018 года. Мы постоянно вовлекаем в мероприятия учащихся школ и колледжей, обсуждаем результаты работы с делегатами студенческих форумов, ассамблей, конференций. Кафедрой филологии ежегодно проводится конкурс молодых ораторов «Златоуст». Его цель выявлять и поощрять школьников и студентов, добившихся значительных успехов в искусстве публичных выступлений. Одной из задач конкурса является популяризация, поддержка речевой культуры и ораторского мастерства на русском языке. Но главное, что молодёжь, участвующая в таких мероприятиях, чувствует свою со-

причастность к культуре, к жизни своего города, области.

— Помимо просветительской, вы упомянули ещё и научную сторону этой важной работы. О чём именно идёт речь?

— С 2003 года проводим ежегодную итоговую научно-практическую конференцию студентов и молодых учёных с последующей публикацией сборника материалов. В ходе работы секции «Функционирование языков в поликультурном социуме» ежегодно рассматриваются актуальные вопросы, связанные с функционированием русского языка в текстах, принадлежащих к разным жанрам, и его развитием на территории Казахстана. До 2011 года конференция носила название «Студент-исследователь XXI века» и была ориентирована на отражение результатов научно-исследовательской работы студенческой молодёжи. Затем, в 2011 году, вследствие интереса к этому научному событию, проявленному магистрантами, аспирантами, соискателями, начинающими специалистами, учителями, школьниками, переводчиками из стран ближнего и дальнего зарубежья, статус конференции повысился до международного. Студенты и преподаватели филиала содействуют реализации российских образовательных и культурных программ на территории Костанайской области.

Благоустройство второго корпуса ЧелГУ

Ежегодные поездки «на картошку»

Пётр Иванович, расскажите, пожалуйста, когда и как вы поняли, что хотите быть учителем физики и математики? Кто этому способствовал? Что больше привлекало: перспектива преподавать или интерес к предмету?

— Быть учителем никогда не мечтал. Стал им чисто случайно, но с высоты прожитых лет могу сказать, что очень и очень благодарен этой случайности.

— Какой именно случай привёл вас в профессию?

— У меня была первая любовь, она поступала в Челябинский педагогический институт на исторический факультет. Я поехал вместе с ней. В итоге я поступил, а девушка, в которую был влюблён — нет. Дело в том, что конкурс на истфак в то время был очень большой. А я шёл не на историю, а на физику, так как к тому времени окончил ремесленное училище в городе Юрюзани и уже имел профессию электромонтёра промышленного оборудования. Поэтому в вузе проблемы выбора факультета у меня не было.

— Кого из преподавателей института можете выделить в качестве своих наставников?

— Конечно, Георгия Васильевича Клещёва, который читал теоретическую физику. Потом он работал в Челябинском государственном университете. Самые тёплые воспоминания остались о кураторе нашей группы Екатерине Николаевне Делекторской — она нам всем была как мама. Практически о каждом преподавателе можно сказать много добрых слов.

— Помните свои первые месяцы работы в ЧелГУ? Какие задачи приходилось решать?

П. И. Чернецов: Первые уроки педагогике мне преподали ученики в школе

Подготовила
Валентина Махиня

Мастерство учителя — постоянное соотношение науки и искусства. В этом убеждён Пётр Иванович Чернецов — профессор кафедры общей и профессиональной педагогики Челябинского государственного университета. В интервью с ним — о становлении в классическом вузе научной педагогической школы, востребованности навыков работы с детьми и о том, что выбор дела всей жизни может зависеть от случая.

Самым трудным было адаптироваться к новым условиям. Переход из педагогического института в университет стал для меня очень тяжёлым испытанием. Довольно непросто было осмелиться на этот шаг: ночи не спал, раздумывая о том, целесообразно ли идти в другое учебное заведение. В итоге всё-таки решил перевестись.

— Почему это решение далось вам так тяжело? Что останавливало, вызывало сомнения?

— ЧелГУ — совершенно молодой вуз. Здесь другой коллектив, иные требования, особый характер работы, причём работы организационной. Первый ректор — Семён Егорович Матушкин — мне сразу сказал: о преподавании на два года забудь. И направил меня в распоряжение своего заместителя Александра Арсентьевича Голикова, который поручил мне определить, какие структурные подразделения нужны вузу и чем каждое из них должно заниматься. Работа очень ответственная, и мне, человеку эмоциональному, она давалась очень нелегко. На совещаниях с ректором Александр Арсентьевич всегда подчёркивал мои старания, а Семён Егорович возражал ему: «Не хвали! Испортишь. Работать можно лучше». Кстати, меня С. Е. Матушкин никогда не хвалил. Только однажды, после защиты моей кандидатской диссертации, он сказал: «Молодец!» Это воспоминание — одно из самых ценных. Семёна Егоровича помню с 1962 года, когда он нам, студентам пединститута, читал педагогику, и до момента его ухода из жизни в ноябре 2015-го. Время, когда он был во главе ЧелГУ, первый и, на мой взгляд, самый важный этап становления вуза. Одиннадцать лет, в течение которых Семён Егорович был ректором, разделили его жизнь на до и после университета.

— То есть при нём университет состоялся как классический вуз?

— Да. Второй этап развития связан с именем ректора Валентина Дмитриевича Батухтина, пришедшего на смену Семёну Егоровичу. По рекомендации Александра Арсентьевича Голикова, который уходил в отставку с поста проректора по учебной работе, Валентин Дмитриевич пригласил меня на эту

должность. Два года — с 1987 по 1989 — для меня выдались непростыми. Помимо координации учебного процесса, нужно было каждые лето и осень организовывать работу студентов в совхозе. Сейчас молодым людям трудно себе такое представить, а тогда занятие сельским хозяйством составляло существенную часть студенческой и университетской жизни.

— Как менялось педагогическое пространство Челябинска и области в течение последних десятилетий? Какова в этом роль выпускников, педагогов научной школы ЧелГУ?

— За эти годы было много изменений и в теории, и в практике. В каждом вузе нашего города работали диссертационные советы по педагогической проблематике. Действовала школа академика Антонины Васильевны Усовой. В Челябинском госуниверситете школа профессора С. Е. Матушкина и совет по защите докторских диссертаций. Именно под руководством Семёна Егоровича велась большая исследовательская работа. Выпускников школы Матушкина много. Кандидатские и докторские в диссоте нашего университета защищались каждый год. Соискателями были преподаватели ЧелГУ, других вузов, работники образования Челябинска и других городов. Среди них сотрудники нашей кафедры (в то время кафедры педагогики): Лидия Григорьевна Антропова, педагог от природы, Елена Александровна Мартынова, доктор педагогических наук, профессор. Их научным руководителем по написанию докторской диссертации был я. Другие участники нашего коллектива — Борис Гаврилович Коростелкин, Альберт Юрьевич Акмалов, Сергей Николаевич Ярошенко — хотя и не учились у С. Е. Матушкина, являются последователями нашей школы.

— Под вашим руководством защищено около 30 диссертаций, в том числе три докторских. Поддерживаете ли связь с учениками?

— С теми, кто работает у нас на кафедре, связь непосредственная. Из других городов поступают телефонные звонки, письма и открытки на мою электронную почту. Так что общаемся с выпускниками постоянно. Отношения поддерживаем

Пётр Иванович Чернецов, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций. Многие годы участвовал в диссертационных советах по защите кандидатских и докторских диссертаций при ЧГПИ, ЧелГУ и других университетах. Возглавлял Государственные экзаменационные комиссии и Государственные аттестационные комиссии в различных вузах региона: Челябинская академия культуры и искусства, Челябинский агроинженерный университет, Челябинский государственный педагогический университет. Почётный профессор Челябинского государственного университета. Награждён почётной медалью Константина Дмитриевича Ушинского.

с университетом Сургута (здесь много значит имя выпускника нашей научной школы Филиппа Деметриевича Рассказова), с Шадринским педагогическим университетом и другими.

— Нередко можно услышать, что мастерство педагога — в его действиях, которые либо интуитивны, либо основаны на своём практическом опыте. Что можно на это возразить, а с чем согласиться? В чём особенность педагогики как науки? Насколько чётко прослеживается её связь непосредственно с преподаванием, работой с детьми и студентами?

— Особенность педагогики как науки в том, что она одновременно является искусством. Искусство педагогики связано с индивидуальными особенностями личности воспитателя. Приведу пример: можно показать своё отношение к ученику и его поступку, просто на него посмотрев. Неслучайно во многих высших учебных заведениях одной из ведущих является кафедра педагогического мастерства, также как в театральных вузах кафедра актёрского мастерства. Нужно владеть мимикой, жестом, голосом всё это от искусства. Тем не менее основой педагогической науки является народная педагогика.

— Что имеется в виду?

— Профессионалом делает учителя не институт, а школа. Меня как педагога сформировали мальчишки и девчонки из посёлка Урицкого (в народе его называют Колупаевка) в Челябинске. Работал там в школе № 17. До сих пор благодарен своим ученикам. Именно они преподали мне первые уроки практической педагогики и психологии.

— Что легче: учить ученика или учителя, который пойдёт к ученику?

— И то, и другое может даваться легко, если учитель и ученик заинтересованы друг в друге. Радуюсь тому, что общаюсь с молодыми людьми и могу передать им свои знания, практический опыт.

— Как вы определяете, способен студент стать учителем или нет? И что делать молодому человеку,

если оказывается, что педагогика не его стезя?

— Иногда во время экзаменационной сессии студенты не приходят сдавать профильный предмет, особенно юноши. Ну что ж, значит, разочаровались. Человек вправе ошибаться и выбирать свой, другой путь. Но каким бы он ни был, педагогические знания пригодятся и в любой работе, и в семейной жизни, и в общественной. То есть педагогика как наука пронизывает все сферы человеческой деятельности.

— А она могла бы стать центром объединяющей идеи в масштабах страны? Надежду на это нередко можно услышать от учителей.

— Да, педагогика могла бы стать таковой. Независимо от того, с какими партиями себя соотносим, каких взглядов придерживаемся

все мы постоянно связаны с детьми. Значит, основы педагогических знаний и навыков должны быть у каждого.

— Можно ли выделить среди этих навыков тот основной, который быстро снимает барьеры между родителем и ребёнком, учителем и учеником?

— Главное, понимать, что каждый человек неповторим. И в каждом есть хорошее и плохое. Задача родителей, педагогов — увидеть хорошее и помочь ему развиваться. Меня однажды мама двоих сыновей спросила: «Почему воспитываю их одинаково, но один растёт послушным, старательным, а второй — трудный подросток?». Так вот, проблема — в самой постановке вопроса. Детки — разные. А значит, и воспитание одинаковым быть не может.

В

ы один из первых выпускников ЧелГУ. Что больше всего запомнилось со времён студенчества?

— Учились в первую смену. Потом — столовая, обед. После обеда ещё часа два таскали носилками землю из подвала нынешнего второго корпуса. Сейчас там подсобные помещения, а тогда невозможно было пройти: подвалы были очень низкие.

— Трудовая повинность?

— Да. Вскоре открыли новое общежитие на пересечении улиц Братьев Кашириных и Молодогвардейцев. Но это просто здание. Чтобы в нём жить, его надо укомплектовать: занести кровати, мебель. Приходит машина с мебелью. Проректор распоряжается — разгрузить. И вот таскаем на все девять этажей.

— Чувствовали, что творите что-то новое, отличающееся от того, что было в школе?

— Действительно, ребята 17–18 лет участвовали в создании университета. На первом курсе у физиков и химиков очень большой объём лабораторной работы. А лабораторий не было, за лето их не успели сформировать. Да и сами работы невозможно было найти — это сейчас они есть в учебных пособиях. Иногда часть лабораторных преподаватель успевал как-то собрать, поставить. Но бывало, студенты их создавали самостоятельно, с нуля, и потом они пригодились последующим студентам.

— То есть вы занимались лабораторной работой не как экспериментом в изначально созданных для этого условиях, а сами создавали эти условия?

— Да, всё так! У преподавателей

Ш. Ш. Ягафаров: Комсомол был хорошей школой управления и поиска компромисса

Подготовил
Андрей Сафонов

В создании нового университета 45 лет назад активно участвовали студенты. О том, как это происходило и что полезного первые выпускники извлекли из научной и общественной работы, говорим с председателем профкома преподавателей и сотрудников ЧелГУ, деканом факультета заочного дистанционного обучения Шакиром Шавкатовичем Ягафаровым.

времени не хватало: нужно лекции читать, практические занятия вести. Они обращались за помощью к нам. Примерные характеристики работ брали из материалов других вузов. Сооружали, придумывали, описывали. Не считаю, что такой подход плохо повлиял на качество обучения. Скорее, наоборот.

— На отношениях между студентами и преподавателями это сказывалось? Вы же фактически были соратниками, делали общее дело.

— Конечно! Преподаватели нас всех знали поимённо. Панибратства не было, требовали жёстко. Но отношения были очень человеческими.

— Кто из педагогов, учёных повлиял на вас больше других?

— Заведующим кафедрой физики на факультете был Георгий Васильевич Клещёв. Доктор наук. Многие приглашённые преподаватели были его учениками. Некоторые до сих пор работают, к примеру, Вячеслав Григорьевич Трофимов, Василий Александрович Тюменцев, Николай Александрович Мамаев.

Шакир Шавкатович Ягафаров награждён медалью «За трудовое отличие» (1981), отмечен почётными грамотами Министерства образования и науки Челябинской области, Губернатора Челябинской области, Министерства образования и науки РФ, удостоен звания «Почётный работник высшего образования РФ» (2016).

Кто-то учился у него в аспирантуре в педагогическом вузе, кто-то работал вместе над исследованиями. Казалось, ему изначально было очень важно задать нам достаточно высокую планку. Как я уже сказал, он был доктором физико-математических наук. Соответственно, мог и не снисходить до того, чтобы читать нам общие курсы по физике и механике. Но он сам готовил эти курсы! Читая лекции, какие-либо формулы выводил из головы, никуда не заглядывал. К студентам был требователен. Возможно, повлияло и то, что он прошёл Великую Отечественную войну, был ранен. Не сказать, что мы его побаивались. Тем более разгильдяями не были, учиться пришли осознанно. Но замечание мог сделать жёстко: мол, как вы можете не знать элементарного! В то время он проводил еженедельные семинары по физике.

Туда приглашались сотрудники не только нашего университета, а все, кто был как-то причастен к науке. Георгий Васильевич рекомендовал студентам тоже участвовать, слушать. Помню, на такой встрече выступил один из наших студентов со своим проектом. Клещёв устроил ему такой разнос за прожектёрство! К науке он отнёсился очень серьёзно: даже если ты студент, рассказывая о чём-то, должен отвечать за свои слова. Через это своё отношение он в нас закладывал что-то важное...

— После таких разносов студенты обижались или чувствовали, что с ними говорят на равных?

— Ценили разговор на равных. Ну а что обижаться? Мы понимали: нам 17, ему уже за 60. Имеет право. К тому же он знал студентов, давал конкретные задания. Меня вообще

Сотрудники кафедры физики твёрдого тела сдают экзамен по электробезопасности

для подготовки одной из работ направляет в Челябинский политехнический институт. Потому что у нас не было лаборатории по магнитным явлениям, а там была. Физика — экспериментальный предмет: нужны мастерские, оборудование.

— **Чем ещё запомнилась студенческая жизнь?**

— Комсомольской работой. Надо было заниматься строительными отрядами, проводить собрания. Обсуждали успеваемость, участие в культмассовых мероприятиях. Ещё был факультет общественных профессий, сейчас он называется центром творчества студентов. Была установка ректора: все должны на каком-нибудь отделении заниматься — или ты поёшь, или танцуешь. А если ничего не умеешь — учишься фотографировать. Кроме того, надо было поддерживать нормальные условия в общежитии. Северо-запад Челябинска в то время — район новый, необустроенный. И очень криминальный. У нас была добровольная народная дружина, оперативный комсомольский отряд, закреплённый за пунктом милиции. С милиционерами патрулировали район. Бывали случаи, когда общежитие защищали по-настоящему. Охраны не было. Местные соберутся вечером, девчонок обижают, на вахтёрш нападают. Приходилось выстраивать стенку на стенку. Здесь важную роль играли наши ребята, которые после армии поступили на рабфак (рабочий факультет). Они составляли костяк оперативного комсомольского отряда. Тогда даже из второго корпуса до общежития пройти было небезопасно. Поэтому надо было сделать дорожку «своей». Вот и разговаривали по-мужски, договаривались. Объясняли: «Мы сюда пришли, будем здесь пять лет жить, нравится вам это или нет». Университет был небольшим, студенты всех факультетов жили дружно: постоянно пересекались на общих мероприятиях, в общежитии, в строительных отрядах.

— **Опыт комсомольской работы повлиял на то, что вы стали председателем профсоюзного комитета ЧелГУ?**

— Не без этого. Комсомол — хорошая школа управления, поиска компромисса.

Вручение дипломов выпускникам факультета заочного и дистанционного обучения ЧелГУ

— **Какие трудности, связанные с работой в профкоме, она помогает преодолевать? И с кем вам проще было договариваться: в юности со студентами или позднее с преподавателями и сотрудниками?**

— В студенчестве было проще: пространство противоречий узкое, интересов, которые нужно учитывать, меньше. Во взрослой жизни всего этого становится намного больше. Эмоциональные отношения усложняются, материальная составляющая начинает влиять. А это вопросы, касающиеся зарплаты, должностного роста.

— **Есть ли универсальный механизм решения конфликтных ситуаций? На что в первую очередь необходимо обращать внимание?**

— Наверное, потому что я физик, мне сначала нужно получить все данные о происходящем, собрать фактический материал, а потом уже складывать, анализировать и делать выводы. Необходимо разобраться в причине конфликта, обязательно выслушать все стороны.

— **Но нередко каждая из сторон по-своему права.**

— В этом случае конфликт решается

очень легко, проще найти общую позицию. А если точки зрения разные, необходимо искать компромисс.

— **Из вашего рассказа чувствуется, что вы нацелены на непосредственный контакт с человеком. Как получилось, что вы стали заниматься дистанционным образованием?**

— Давайте уточним: нет термина «дистанционное образование». Образование — это не только обучение специальности. Оно ещё и воспитывает человека. Есть среднее образование, высшее. Когда же говорим о дистанционных форматах, корректнее использовать термины «дистанционное обучение» или «дистанционные образовательные технологии». Этим и занимается наш факультет заочного дистанционного обучения.

— **Но у вас как человека, привыкшего к живой работе, живым дискуссиям, нет ощущения того, что в процессе взаимодействия на расстоянии утрачивается что-то важное? Содержатся ли в использовании дистанционных форм какие-либо риски и если да, то как свести их к минимуму?**

— Считаю, что полностью переходить на дистанционное обуче-

ние нельзя. Традиционная очная форма должна быть. Очно, как правило, приходят учиться вчерашние школьники — тот контингент, который нужно не только учить, но и воспитывать. Работаю на физическом факультете и вижу — есть разные студенты. У кого-то высокая мотивация, кто-то вообще не ходит на занятия. И здесь, конечно же, очень важную роль играет непосредственное взаимодействие преподавателя и студента. Вольно или нет, но, общаясь с молодыми людьми в аудитории, уже занимаюсь их воспитанием. Как в семье: мало всех накормить, одеть и обути — нужно ещё объяснить, что хорошо, а что плохо. Поэтому я сторонник очного обучения и личного контакта. Но есть целая категория людей, которые эту школу прошли — учились в колледже или техникуме, где воспитанию уделяют внимание иногда даже больше, чем в вузе. Вот здесь и применимы дистанционные технологии. По опыту нашего факультета 70 процентов пользователей дистанционных форм обучения — выпускники техникумов. Процентом 20 — магистранты. И всего 10 процентов — школьники. К нам в магистратуру идут те, для кого важна следующая ступень образования. Они мотивированы, у них есть цель, им нужно расти дальше. Примерно четверть наших магистрантов — взрослые, осознающие свои интересы люди. Очно учиться у них

нет времени. А что такое заочное обучение? Это сессия, на которую вызывают на двадцать дней дважды в год — тоже не вполне удобно для работающего человека. Если опоздал — не усвоил материал, который изложил преподаватель. А на следующей сессии уже экзамен сдавать на основе этого материала. Если не успел или не сдал, то нужно искать преподавателя и договариваться с ним. Это традиционные сложности «заочки», особенно для взрослых людей. А дистанционно у нас такие же сессии, но все лекции записываются, и их можно прослушать на сайте в любое удобное время. А через полгода сдать экзамен или зачёт — тоже через сайт: пройти ограниченный по времени тест на знание материала. Если не сдал, предоставляется две недели на подготовку и возможность пересдачи.

— **Знания оцениваются объективно?**

— Да. Первое время, когда мы запустили эту систему, ко мне обращались представители разных руководств: уважаемый человек двойку получил, можно как-то исправить? Но там же компьютерная программа, с ней не договоришься! Вскоре такие вопросы прекратились. Также дистанционно студенты выполняют контрольные работы, преподаватель в удобное время заходит и проверяет. Была сложность в наполнении системы

содержанием. Каждая специальность предполагает порядка 50–60 дисциплин. Мы поставили задачу, что каждое направление должно быть наполнено учебно-методическими комплексами. Кроме этого в системе есть тесты для самоконтроля, проверить себя можно. Загружаем методички, презентации, лекции. Считаю, что наши студенты обеспечены материалами и для них созданы комфортные условия. После пандемии многие поняли: дистанционное обучение, если его качественно организовать, очень удобно. Я и сам все свои лекции оцифровал.

— **Вернёмся к очному обучению, которое сочетается с элементами воспитания. Что вы говорите 17-летнему парню, если он редко стал появляться на занятиях?**

— Студенты разные, каждая ситуация индивидуальна. Кого-то нужно пожуричь, кому-то сказать, что его рады видеть, и хорошо будет, если он придёт снова. Много зависит и от жизненного опыта преподавателя, манеры его общения со студентами. Когда работаешь, читаешь лекцию, то, как артист на сцене, должен удерживать аудиторию, её внимание. Не лишне знать студентов по именам, чтобы обратиться к тому, кто отвлекся. Но обижать студентов высокомерными замечаниями не надо. Это взрослые люди со своими характерами, предпочтениями, приоритетами.

Выпускники факультета заочного и дистанционного обучения, бакалавры и магистры, г. Магнитогорск

Содержание

Аклеев А. В. Наука — вне границ. Её успехи — достижения всего человечества	5
Бархатов В. И. Бизнес изменил свою суть	11
Беленков Е. А. Единственная форма мотивации российского учёного — его интерес к науке как таковой	17
Белик А. В. В химии зачастую важен процесс, а не скороспелый результат	20
Бурмистров В. А. Законы природы едины. Их разделение на физику и химию придумали учёные	25
Бурмистрова А. Л. Современные лаборатории позволят в кооперации с научными школами решать проблемы экологии и здоровья	31
Бучельников В. Д. Надо принимать любые идеи, решения, задачи от учеников	37
Верещагина Т. А. Без духовной составляющей личности экономика немыслима	43
Голованова Е. И. Филология помогает понять ценности и жизненные установки	48
Грудзинский В. В. Всё, что мы переживаем, происходит благодаря тем, кто нас окружает	55
Даванков А. Ю. Без связи с экологией и социумом экономика неинтересна	60
Дементьев О. Н. Роль университета — готовить не только специалистов, но и учёных	65
Дудоров А. Е. Астрофизика — это моя жизнь	71
Егоров О. Н. Студентам стараюсь объяснить: не следует искусственно сужать свой кругозор	77
Загидуллина М. В. Цифровыми технологиями невозможно заменить присутствие человека	83
Зорин В. А. Южноуральцам важно чувствовать свою причастность к высокой миссии	88
Киреев В. В. Наши выпускники работают по всей стране	92
Киршин Б. Н. Университет предвидел грядущее информационное общество	96
Коркина Т. А. В приоритете должны быть реальные интересы человека	101
Мартынова Е. А. Любую проблему можно решить усилием души	106

Матвеев С. В. Человеческий мозг не заменим компьютером	110
Мельников А. В. Новые технологии — вызов человечеству, но они помогают найти и ответы на вызовы	114
Месеняшина Л. А. Успех в науке, искусстве, культуре — плод не реальности, а надежд и иллюзий	118
Невелев А. Б. Студенческая пора — время философского созидания новых миров	122
Нефёдова Л. А. Наш факультет — демократичная среда, где студентам помогают интеллектуально расти	126
Олизько Н. С. Текст — это мозаика, где из хаоса отдельных идей появляется строгое и гармоничное целое	133
Пасс А. А. Сформировать стратегию развития поможет ощущение преемственности	136
Романенкова Д. Ф. Каждый человек имеет право быть уникальным	140
Смирнов М. Г. Отношения с Востоком устанавливаются через понимание его культуры	144
Тюлегенова Р. А. Мы всегда чувствовали: за нами ЧелГУ	148
Чернецов П. И. Первые уроки педагогики мне преподали ученики в школе	153
Ягафаров Ш. Ш. Комсомол был хорошей школой управления и поиска компромисса	156

Юбилейное издание

Лица ЧелГУ

Том 1

Художественное оформление *Н. А. Тарасовой*
Корректурa *М. В. Трифоновой*
Вёрстка *Н. А. Тарасовой, М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 14.09.21.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Гарнитура «Formular». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 24,0.
Тираж 500 экз. Заказ 409.
Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576